

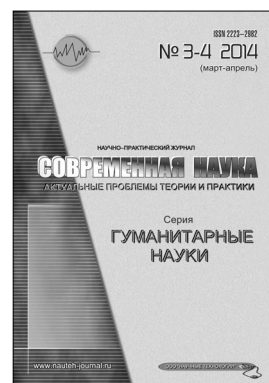
СОВРЕМЕННАЯ НАУКА :
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 3–4 2014 (март–апрель)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной
ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Scientific and practical journal

Редакционный совет

- В.Л. Степанов** – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, Московский государственный
индустриальный университет
Э.Н. Алиева – д.ф.н., профессор, Московский институт
экономических преобразований
А.А. Белик – д. филос.н., профессор, Институт этнологии и
антропологии РАН
М.В. Михайлова – д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова
Я.М. Нейматов – д.п.н., профессор, Фонд развития
инновационных технологий РФ
Н.О. Осипова – д.ф.н., профессор, Московский гуманитарный
университет
В.В. Петрусинский – д.п.н., профессор, Российская Академия
народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ
Г.М. Пономарева – д.филос.н., профессор, МГУ им.
М.В.Ломоносова
Н.Л. Пушкарева – д.и.н., профессор, Институт этнологии и
антропологии РАН
А.И. Савостьянов – д.п.н., профессор, Московский
педагогический государственный университет
А.Е. Чирикова – д.соц.н., Институт социологии РАН
В.Н. Шаленко – д.соц.н., профессор Российского
государственного социального университета
Н.А. Шведова – д.полит.н., профессор, Институт США и Канады
РАН
С.А. Экштут – д.филос.н., профессор, Институт всеобщей
истории РАН

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр–т, 116–1–10
Тел./факс: 8(495) 755–1913
E–mail: redaktor@nauteh–journal.ru
Http: //www.nauteh–journal.ru
Http: //www.vipstd.ru/nautehЖурнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в
сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.**В НОМЕРЕ:****ВЛАДИМИРСКИЙ КРАЙ В ИСТОРИИ РОССИИ:
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В XVIII – НАЧАЛЕ XXв.,
ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА,
ПСИХОЛОГИЯ, ФИЛОЛОГИЯ**

Журнал издается с 2011 года

Редакция:Главный редактор
В.Л. СтепановВыпускающий редактор
Ю.Б. МиндлинВерстка
VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Почта России» – 80015В течение года можно произвести
подписку на журнал непосредственно в редакции.Авторы статей
несут полную ответственность за точность
приведенных сведений, данных и дат.При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: Актуальные проблемы
теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»
тел./факс: (495) 973–8296Подписано в печать 22.04.2014г.
Формат 84x108 1/16
Печать цифроваяЗаказ № 0000
Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

ВЛАДИМИРСКИЙ КРАЙ В ИСТОРИИ РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В XVIII - НАЧАЛЕ XX в.

- А.К. Тихонов** – Владимирский Край в истории России XIX – начала XX в.
A. Tikhonov – Vladimir's region in Russian history XIX – the beginning XX century3
- Т.М. Голубкина** – Деятельность Владимирского земства в области охраны природы и природопользования (1866–1917)
T. Golubkina – Vladimir zemstvo activities in the field of nature protection and management (1866–1917) 6
- Н.В. Киприянова** – Культура предпринимательской деятельности купечества Владимирской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв.
N. Kipryanova – Culture business merchants Vladimir province in the last quarter of XVIII – first half XIX centuries12
- Л.В. Кириллова** – Владимирская ученая архивная комиссия и ее научно-просветительская деятельность (1898–1918 гг.)
L. Kirillova – Vladimir scientific archival commission and its scientific and educational activity (1898–1918)19
- Н.В. Мягтина** – Развитие системы здравоохранения в России Владимира в последней четверти XVIII – начале XX в. (на примере губернского города)
N. Myagtina – The development of health system in Russia in the last quarter of XVIII – the beginning of XX century (on the example of the provincial city of Vladimir)24
- И.В. Омелянчук** – Региональные монархические организации Владимирской губернии в начале XX века
I. Omeliyanchuk – Regional monarchist organization of vladimir province in the early twentieth century32
- А.К. Тихонов, Е.С. Казаковцева** – Кустарные промыслы Меленковского уезда
A. Tikhonov, E. Kazakovtseva – Handicrafts Melenkovsky conty 40

ИСТОРИЯ

- О.В. Головина** – Монархические организации Российской империи (1914–февраль 1917 гг.) в историографии
O. Golovina – The Monarchical organizations of the Russian empire in the historiography (1914 – february 1917) 44
- А.Н. Федин** – Особенности регресса глобального общества
A. Fedin – Global society regression features 49

ПЕДАГОГИКА

- А.Б. Варина** – Психолого-педагогические условия формирования профессиональной устойчивости будущего практического психолога в условиях обучения в ВУЗе
A. Varina – Psycho-Pedagogical conditions of formation of professional stability of future practical psychologists in the conditions for a college education53
- О.И. Гулай** – Экспериментальная апробация педагогической системы профессиональной подготовки будущих строителей
O. Hulay – Experimental researche of the system of professional education future specialists of building profile56

- Л.Н. Кобыльник** – Профессиональная компетентность педагога высшей школы
L. Kabylnik – Professional competence of teachers graduate school61
- В.Е. Мальгин** – Разработка программы развития персонала учреждения дополнительного образования детей
V. Malgin – Development program for the staff of the institution additional education of children64
- Л.Н. Ткаченко** – Дистанционное образование как составляющая системы непрерывного образования
L. Tkachenko – Distance education as a component of continuing education67

ПСИХОЛОГИЯ

- Н.В. Гузь, В.В. Гузь** – Характеристика особенностей отношения младших школьников к обучению: эмоционально-оценочный компонент
N. Guz, V. Guz – Specifications features relation of younger school-boys training: emotional evaluative component70
- И.А. Левицкая** – Субъективные детерминанты профессиональной направленности личности
I. Levitskaya – Subjective determinants of professional orientation of the individual73
- И.В. Чернева** – Основные подходы и методы исследования проблемы профессионального сознания
I. Cherneva – Basic approaches and methods of professional issues of consciousness79

ФИЛОЛОГИЯ

- Ю.В. Гапонова** – Особенности реализации речевых актов в документном тексте
Y. Gaponova – Features of realization of the speech act of requests in document text81
- Л.А. Соколова, Ф.Ф. Фархутдинова** – Слово туча в поэтическом пространстве к.д. Бальмонта
L. Sokolova, F. Farhutdinova – The word cloud in the K.Balmont's poetic space85

- Н.И. Христофорова** – Актуализация категории интерперсональности в научно-популярном тексте с помощью фотографий
N. Hristoforova – Update categories interpersonal in popular-science texts with photos88

ИНФОРМАЦИЯ

- Наши Авторы / Our Authors92
- ЭКВАТЭК-2014 / ESWATECH-201493
- Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале94

ВЛАДИМИРСКИЙ КРАЙ В ИСТОРИИ РОССИИ XIX - начала XX в.

VLADIMIR'S REGION IN RUSSIAN HISTORY XIX - THE BEGINNING XX CENTURY

A. Tikhonov

Annotation

This article is about the main problem of development Vladimir's province in XIX – the beginning XX century. In this material shows the change of territory Vladimir's region from the middle ages to the beginning XX century. Also in this article gives the information about another articles of the represented collection.

Keywords: Vladimir's region, province, population, industry, monarchy parties.

Тихонов Андрей Константинович

Д.ист.н., профессор зав. каф. "История, археология и краеведение" Гуманитарного института Владимирского государственного университета

Аннотация

Статья посвящена основным проблемам развития Владимирской губернии в XIX – начале XX в. В ней рассмотрено изменение административно-территориального деления региона с периода средних веков до начала XX века, а также дана информация о содержании статей подборки.

Ключевые слова:

Владимирский край, губерния, население, промышленность, монархические партии.

Первые свидетельства о появлении человека во Владимирском крае относятся примерно к 25 тысячам лет назад (верхнепалеолитическая стоянка Сунгурь). Древнейшее населения края составляли финно-угорские племена (весь, мурома, меря, мещера). Славянское население стало проникать на территорию Волго-Окского междуречья в VIII – X вв. К XII в. оно стало преобладающим. К этому же времени относится и расцвет Владимиро-Суздальского княжества, особенно при великих Владимирских князьях Андрее Боголюбском и его младшем брате Всеволоде III Большое Гнездо. Пограничной крепостью на западных границах княжества стала Москва.

Монгольское нашествие привело к разорению основных городов Владимиро-Суздальского княжества и установлению даннической зависимости от Золотой Орды. Тем не менее Владимир продолжал считаться великокняжеской столицей, за которую вели борьбу русские князья. Это приводило к частым междоусобным войнам между князьями, в которых участвовали и татарские отряды.

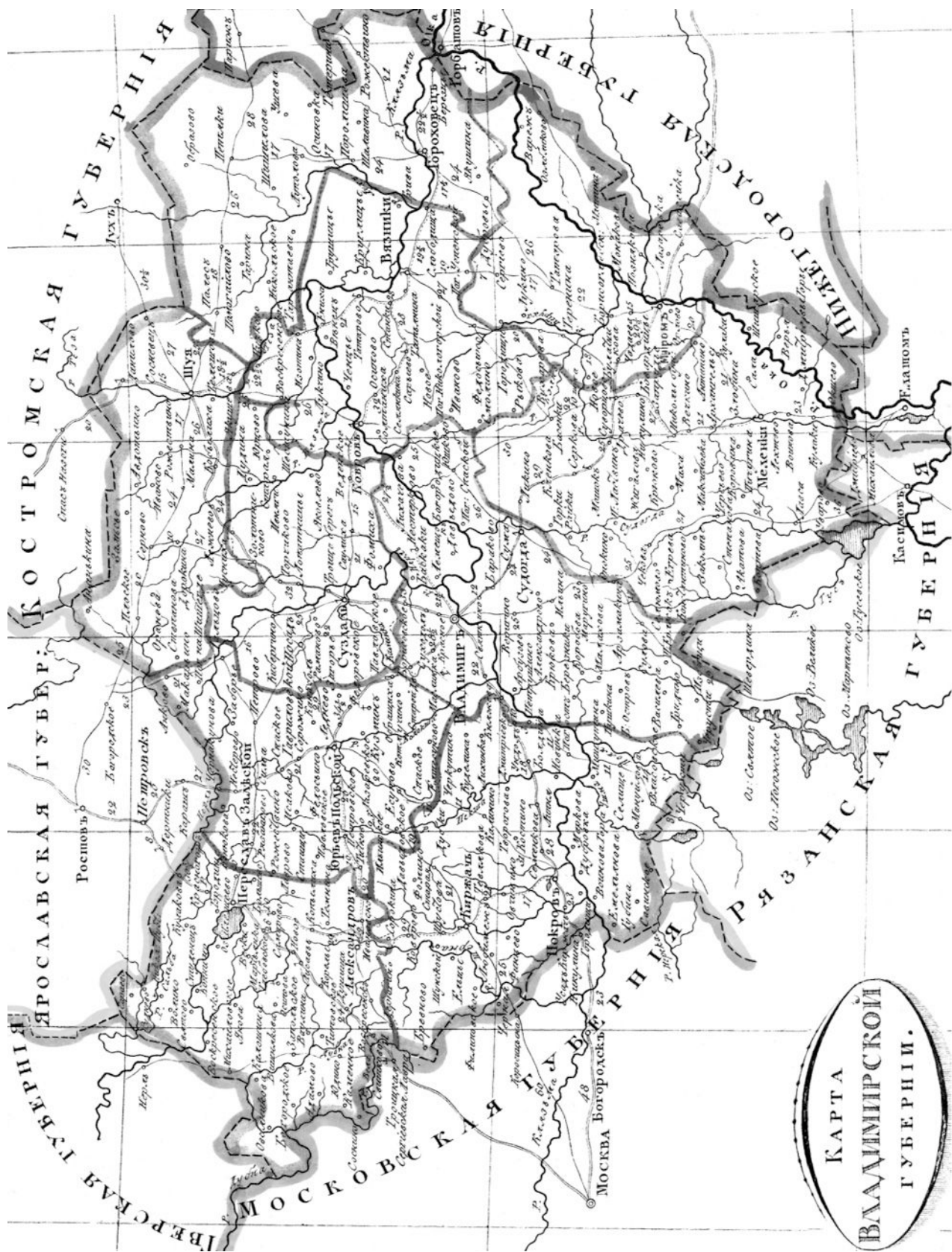
В итоге в первую очередь страдала столица княжества. Из Владимира начался отток населения на окраинные земли, которые не подвергались нападениям и разорениям. Со второй четверти XV в. Владимир потерял статус великокняжеского города, а столичные функции перешли

к Москве. К этому же времени вся территория сегодняшнего Владимирского края вошла в состав Московского княжества.

Герб Владимирской губернии

* Владимирская губерния учреждена 2 марта 1778 г. из 14 уездов Московской губернии (П.С.З. 14.714), 1 сентября того же года она преобразована в наместничество (П.С.З. 14.787 и 14.790), а Указами 12 и 31 декабря 1796 г. – снова в губернию (П.С.З. 17.634, 17.702 и 20.302). Тогда же учреждено и губернское правление. К началу XX века в губернии насчитывалось 13 уездов (ликвидирован Киржачский), 204 волости, 15 городов, 1 посад и 8280 прочих поселений.

В 1708 г. Владимирский край в соответствии с новым административно-территориальном делением Российской империи вошел в состав Московской губернии. В 1719 г. регион был переименован в провинцию Московской губернии. По указу Екатерины II от 2 марта 1778 г. была образована Владимирская губерния, которая другим указом от 1 сентября того же года была преобразована в наместничество. 12 декабря 1796 г. по указу "О новом разделении на губернии" было подтверждено существование Владимирской губернии, но в новых границах, которые просуществовали до 1918 г. В этих рамках губерния занимала по площади всю современную Ивановскую область, северные районы Рязанской области и восточные районы Московской области.

Предлагаемая подборка статей посвящена проблемам развития региона в XIX – начале XX в. и знакомит читателя с некоторыми исследованиями владимирских историков. В этот период губерния представляла собой одну из провинций Российской империи, но с некоторыми специфическими особенностями.

Во-первых, после столичных губерний – Санкт-Петербургской и Московской – Владимирская являлась третьей по промышленному потенциалу.

Во-вторых, основная масса предприятий располагались в сельской местности, а не в городах. К концу XIX в. во Владимире не было промышленных предприятий, и он являлся классическим мещанским городом.

В-третьих, основную рабочую силу на производстве составляли крестьяне-отходники, а не "классические"

наемные рабочие. При этом отходники в основной своей массе продолжали проживать у себя в деревенских домах.

В-четвертых, Владимирская губерния была родиной офенского промысла. Владимирские офени торговали далеко за пределами губернии и были известны по всей территории страны. *В-пятых*, Владимирский край по своему конфессиональному и этническому составу состоял на 97% из православного, русского населения, но со значительным числом старообрядцев. Именно из них формировался в основной своей массе предпринимательский слой населения губернии, а в числе крупных промышленников они составляли большинство.

Большую роль в жизни губернии в тот период играла деятельность земских учреждений. Прежде всего, это касалось вопросов развития здравоохранения, образования, культуры, экологии. В общественно-политической жизни Владимирской губернии изменения стали происходить только после появления манифеста 17 октября 1905 г., который официально разрешил создание политических партий в стране. Большую поддержку в губернии получили партии монархического блока. За них высказывались представители всех слоев населения края – начиная от крестьян и заканчивая дворянством. Одна из статей предлагаемого сборника посвящена деятельности монархических партий во Владимирской губернии в начальный период их существования.

Статьи подборки выполнены на основе материалов фондов Государственного архива Владимирской области и впервые вводятся в научный оборот.

© А.К. Тихонов, (ros@TiKhonov.elcom.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики».

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРСКОГО ЗЕМСТВА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ (1866-1917 гг.)

VLADIMIR ZEMSTVO ACTIVITIES IN THE FIELD OF NATURE PROTECTION AND MANAGEMENT (1866-1917 gg.)

T. Golubkina

Annotation

The article on materials Vladimir province considers the main activities of the "zemstvo" (elective district council in pre-revolutionary Russia) in conservation and environmental management in 1866-1917. The article analyzed the directions, methods, forms and results of operations in water conservation, forest and soil resources of the province. Natural potential of the Vladimir region is considered as a factor in successful economic development.

Keywords: zemstvo (elective district council in pre-revolutionary Russia), Vladimir Province, nature conservation, environmental management.

Голубкина Татьяна Михайловна
К.ист.н., доцент,
ФГБОУ ВПО "Владимирский
государственный университет"

Аннотация

В статье на материалах Владимирской губернии рассмотрены основные мероприятия земских органов в области охраны природы и природопользования в 1866-1917 гг. Определены направления, методы, формы и результаты деятельности земств в области охраны водных ресурсов, лесных и почвенных богатств губернии. Природный потенциал Владимирского региона рассмотрен как фактор успешного хозяйственного развития.

Ключевые слова:

Земство, Владимирская губерния, охрана природы, природопользование.

Одной из наименее изученных сторон деятельности земских органов Владимирской губернии, как, впрочем, и других регионов Российской империи, является работа по охране природы и природопользованию. Вместе с тем, актуальность экологических проблем современности поставила их в разряд приоритетных в научных исследованиях и потребовала изучения в исторической ретроспективе.

В пореформенный период Владимирская губерния, наряду с Московской, Санкт-Петербургской, Нижегородской и некоторыми другими относилась к району развитой промышленности, занимая третье место в стране по объемам производства [25, с.103]. Необходимым условием зарождения и развития городов и заводов здесь выступали реки, являясь источниками энергии, дешевыми и удобными транспортными артериями. По мере того, как развитие промышленности набирало высокие темпы, предприятия все шире использовали речную систему для производственных процессов и спуска неочищенных отработанных сточных вод обратно в реки. Тревожные сообщения о состоянии экологии водных пространств периодически поступали в местную прессу уже с середины XIX в. Так, по сведениям корреспондентов "Владимирской газеты", жители промышленного центра Иваново-

Вознесенска не решались выпить стакан чая, не собрав предварительно ложечкой всплывшие на поверхность масла [12, с.16], а один сметливый предприниматель даже установил на реке Уводи загородку для ловли нефти и тут же на берегу, в шалаше, перерабатывал ее в колесную мазь [2, с.33]. Результаты анализа, проведенного Владимирским обществом любителей естествознания, показали, что из семи исследованных рек Владимирской губернии только в одной (р. Колпи) вода была пригодна для питья – не "ситцевая и нефтяная", другие же сильно пострадали от прилегающих к ним фабрик [12, с.16].

Сточные воды промышленных производств не были единственной угрозой водных богатств владимирщины. С ростом городов Клязьма, Уводь и другие реки превращались во вместилище обильных сточных вод городского хозяйства. Крайне неблагоустроенные в санитарном отношении города и фабричные поселки обычно удаляли мусор и нечистоты на примитивно устроенные свалочные места, чаще всего расположенные на берегах рек. В период дождей и паводков часть бытовых отходов обычно смывалась в речные протоки.

В связи с этим уже в середине XIX столетия проблемы использования водных богатств оказались в зоне внима-

ния как центральной, так и местной администрации.

Безусловно, в Российской империи в пореформенный период существовала развитая нормативно-правовая база, регламентирующая сферу водопользования. Сформировалась система специальных государственных органов, осуществляющих разнообразные организационные мероприятия и контролирующие функции при использовании природных ресурсов. Приоритетной задачей высшей администрации являлась защита общественных водоемов – источников питьевого водоснабжения населения и домашних животных. Предусматривались разнообразные меры ответственности за нарушение санитарных правил, которые были закреплены в Уставе медицинской полиции, Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1885 г.), Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Уголовном Уложении 1903 г. Значительным пробелом в законодательстве стало отсутствие вплоть до 1917 г. единого акта, который регулировал бы охрану водоемов от промышленных и иных загрязнений.

Однако осуществление ряда практических мер по борьбе с загрязнениями водных ресурсов было возложено среди прочих санитарно-хозяйственных вопросов на органы местного самоуправления – земства. Вместе с тем, права последних были существенно урезаны, наиболее серьезные проблемы решались лишь с одобрения губернских властей.

Одним из важнейших направлений природоохранной деятельности земских организаций Владимирской губернии стало законотворчество. Согласно статье 108 "Положения о земских учреждениях" 1890 г. губернское земское собрание имело право составлять обязательные для населения как целой губернии, так и отдельных местностей, постановления "о порядке содержания в чистоте площадей, улиц, дорог, сточных труб, прудов, колодцев, канав, естественных протоков, мостов, о чистоте дворов, об устройстве и порядке содержания в санитарном отношении боен, фабричных, заводских и др. промышленных заведений... о мерах предосторожности против порчи воды..." [3, с.12]. Постановления были призваны если не решить, то хотя бы смягчить острые проблемы санитарно-экологического состояния городов и селений и содержали ряд важнейших норм по охране и рациональному использованию важнейших компонентов окружающей среды (воды, воздуха, почвы).

В 1892 г. и 1893 г. Владимирским губернским земским собранием были разработаны "Обязательные санитарные постановления для уездного населения Владимирской губернии", включавшие VI разделов, где основное внимание отведено защите водных ресурсов [16, с.372–381]. Большая часть статей была направлена на

предотвращение загрязнения вод возрастающей массой бытовых отходов. Так, производить различные хозяйственные работы (мочение деревянных обручей, бочек, полоскание белья) разрешалось только ниже тех мест, которые использовались населением в качестве источников питьевой воды и для водопоя скота. Мочение конопли, льна, мочала, промывание шкур в водоемах, использующихся для питья, было запрещено. Для данной деятельности предписывалось устраивать специальные ямы за чертой селений. Не допускалась свалка сора, навоза и палых животных, сток грязных вод и нечистот по берегам рек, ручьев, прудов, озер и оврагов.

Часть V Санитарных правил регламентировала использование водных ресурсов фабрично-заводскими предприятиями и исходила из требований минимизации нанесения вреда природе, а также оборудования промышленных предприятий очистными сооружениями. Так, спуски грязных вод, химических продуктов и вообще всех вредных отбросов производства в реки, ручьи, пруды, из которых население пользовалось водою, не допускались. Промывные воды, спускаемые в низины, овраги и болота, также должны быть предварительно обезврежены [16, с.372–381].

Однако принятые постановления страдали существенным недостатком: предписывая устранение вреда от загрязнений, правила не давали никаких конкретных указаний для практического выполнения этих требований. Например, параграф 49 "Обязательных санитарных постановлений" Владимирского губернского земства гласил: "Спуск промывных грязных вод с фабрик и заводов в реки, ручьи и другие водохранилища, из которых население пользуется водой, не допускается". Такое категорическое запрещение, однако, дополнялось следующей компромиссной формулировкой: "но в тех случаях, когда условия местности или какие-либо другие вполне уважительные причины препятствуют немедленному уничтожению означенных спусков, они могут быть разрешаемы на известный срок в каждом данном случае, при условии возможно лучшего обезвреживания и обезцвечивания или на полях орошения или посредством особых бассейнов, фильтров и химических способов и при устройстве и содержании за счет фабрикантов достаточного числа колодцев для пользования населения" [16, с.380]. Подобная редакция не давала твердого основания для решения вопросов об охране водных богатств и создавала трудности для надзора.

Отсутствие надежной системы контроля усиливалось и мягкостью наказания. Так, за порчу воды в местах, где ее использовали жители (если при том не было умысла общественному здравью), виновные подвергались, согласно "Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями" аресту не свыше 7 дней или денежному взыска-

нию не свыше 25 рублей [22, с. 120]. Тем самым, интересы предпринимателей устойчиво ставились выше задач, связанных с охраной природы.

Новые "Обязательные санитарные постановления" были изданы лишь в апреле 1909 г, в то время как проект был подготовлен съездом врачей еще в 1904 г. [17, с. 1–12]. На то, чтобы согласовать проект с уездными земскими собраниями ушло целых четыре года. Причем, столь долгий срок объясняется не столько возражениями уездных земств, сколько элементарным невниманием земских управ к вопросу, казавшемуся далеко не перво-степенным: они так и не прислали своих заключений о проекте. Лишь настойчивый циркуляр губернатора, предложивший земской управе "озаботиться скорейшим внесением" в губернское собрание проекта постановлений в виду приближающейся холерной эпидемии" заставил депутатов ускорить работу [4, л. 20].

В общих чертах новые постановления повторяли требования предыдущих, но сфера их применения несколько расширялась. Так, отдельная часть касалась правил содержания картофелетерочных заведений, которые наносили вред рекам Меленковского, Судогодского и Муромского уездов. Так, в Меленковском уезде, где находилось около 50 такого рода предприятий, вода в реках представляла собой жидкость шоколадного цвета [12, с. 16]. Согласно новым правилам, все промывные, отстойные воды с производства не должны были попадать в окружающую почву или естественные водоемы. Кожуру, шелуху и прочие отходы производства предписывалось собирать в непроницаемые ямы, а не разбрасывать вокруг заведения и, тем более, не спускать в водоемы. По окончании сезона картофелетерочное заведение и окружающая его местность должны были быть тщательно очищены [17, с. 9–10].

Формально, наблюдение за исполнением разработанных постановлений возлагалось на санитарных попечителей, избираемых уездными земскими управами. Но, как отмечали сами депутаты, "насколько этого легко пожелать, настолько же трудно выполнить" [5, л. 2]. Главную трудность справедливо видели в отсутствии средств и кадров для новой должности. "Кто может принять на себя трудную и неблагодарную обязанность" земцы не знали [5, л. 2]. На деле институт участковых попечителей так и не был создан.

Следует отметить, что российское законодательство об охране водных ресурсов в изучаемый период формировалось как составляющая системы мер по охране здравоохранения. Действительно, пореформенная Россия не была благополучной в санитарном отношении. Об этом свидетельствуют показатели общей смертности населения и числа умерших от острозаразных болезней,

превышающие из года в год однородные санитарно-статистические коэффициенты всех остальных государств Европы. Средняя смертность в Швеции и Норвегии составляла 16–17 человек на 1000 населения, тогда как по Европейской России 33 человека на 1000. Владимирская губерния не только не представляла в этом отношении исключения, но и превосходила средние данные по России. Смертность в губернии в 1888 г. была 39, 1889 г. – 45, в 1890 г. – 45, в 1891 г. – 39, в 1892 г. – 39 человек на 1000, а по отдельным уездам и значительно выше [13, с. 32].

Поэтому среди комплекса мероприятий в области охраны водных ресурсов следует указать и на работу Санитарной комиссии, созданной в 1882 г. при губернской земской управе. Деятельность этого органа была направлена борьбу с возникновением и последствиями холерных эпидемий, но не замыкалась в узкие медицинские рамки. Особое внимание в ее работе предполагалось уделять контролю за качеством питьевой воды.

В "Положении о санитарно-исполнительных комиссиях" были определены четыре источника загрязнения речных вод: спуск сточных жидкостей с фабрик и заводов, удаление отходов из выгребов в реки, свалка мусора на примитивно устроенные свалочные места вблизи рек и, наконец, устройство из навоза всевозможных запруд. Членам санитарной комиссии при участии местных жителей предписывалось периодически осматривать имеющиеся источники водоснабжения и определять, насколько возможно, "доброкачественность" воды [6, л. 15].

Уже в первые годы существования Санитарной комиссии появились многочисленные медико-топографические описания отдельных селений и уездов, включавшие и первые научные исследования экологии водных ресурсов губернии [20, с. 75–79]. Особняком стоит работа санитарного врача губернии С.В. Любимского, принявшего первые описания фабричных заведений некоторых уездов [21]. Выводы и заключения автора о нарушении санитарных норм и спуске отработанных вод послужили стимулом для более основательного изучения земством состояния водоснабжения, уровня загрязнения естественных водных ресурсов отбросами фабрик.

Природоохранная деятельность земства заметно оживилась с введением в 1898 г. института уездных санитарных врачей, в широкий круг обязанностей которых входило и изучение всех влияний среды, подтачивающих здоровье человека. Так, санитарный врач по мере своих возможностей, должен был исследовать воду и источники водоснабжения. Однако не располагая необходимой системой контроля, санитарные врачи зачастую были бессильны в борьбе с многочисленными нарушениями. Так, в своем отчете за 1911 г. санитарный врач Влади-

мирского губернского земства по Муромскому уезду В.М. Арцимович скептически отмечал: "Изучение крахмального производства...и некоторое знакомство с вопросом об очистке сточных вод не позволяет мне надеяться, что моя работа в данном направлении принесет заметные результаты. Не говоря уже о том, что сами санитарные постановления нуждаются во многих дополнениях и изменениях, то обстоятельство, что они, хотя и имеют законную силу, но официально взяты под сомнение, заставляет представителя земского санитарного надзора не быть слишком настойчивым в проведении их в жизнь" [8, л.2 об.].

Промышленное загрязнение речной системы закономерно влекло за собой сокращение и гибель ихтиофауны. В сфере внимания земских органов эта проблема оказалась в связи с упадком рыбного промысла, занимавшего в экономике края далеко не последнее место. Под угрозой оказался промысел и на самом крупном водоеме Владимирской губернии – Плещеевом озере, где главным богатством являлась переславская сельдь "ряпушка". Особенно заметным стало уменьшение рыбной продуктивности в середине XIX века, что местные жители связывали с появлением в озере промышленных сточных вод [24, с.16]. В ходе рассмотрению вопроса губернская земская управа ознакомилась с передовым опытом Псковского земства по искусственному рыбозаведению, а член управы Е.С. Щербачев посетил созданную на Чудском озере станцию для разведения сельди. Результатом стало выделение губернским земским собранием 100 рублей на разведение молодой сельди для посадки в Плещеево озеро. Курировать проект согласился известный русский ихтиолог, секретарь Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений Ф.Ф. Каврайский [7, л.93].

Владимирский край издавна был богат лесами. Крупные лесные массивы в доагрикультурное время покрывали значительную территорию будущей Владимирской губернии. Особенно славились непроходимые Муромские леса и заокский Рожнов бор, сливавшийся с тамбовскими и рязанскими лесами. Вырубка леса на территории Среднерусской возвышенности началась еще с середины I тысячелетия до н.э. и была связана с развитием земледелия. Естественно, в первую очередь осваивались самые плодородные, пойменные земли. Однако масштабы сведения лесов в то время были ничтожно малы и почти не оказывали заметного влияния на природу. Лесные богатства Владимирской губернии, необходимые для существования промышленности, сыграли в XVIII–начале XIX вв. важную роль для основания крупных производств.

С развитием капитализма интенсивная вырубка лесов приняла хищнические размеры. Уже во времена Бата-

шовых и Мальцовых лес вырубался для углежжения и других промышленных целей. По данным генерального размежевания 1776 г. в губернии насчитывалось 2015575 десятин земли, занятой лесами, к середине XIX в. таковой осталось около 1452530 десятин [19, с.3].

Особенно усилилась вырубка лесов после 1861 г., когда многие помещики стали быстро разоряться и закладывали имения, а лес продавали на сруб. Свою роль сыграло и увеличивающееся с каждым годом крестьянское малоземелье и связанное с ним стремление освободить из-под леса все площади, пригодные для длительного сельско-хозяйственного пользования.

В 1888 г. было высочайше утверждено "Положение о сбережении лесов". Для исполнения Положения в каждой губернии создавались лесоохранительные комитеты, включавшие, в том числе, и представителей от земств [23, с.156–158].

Главную опасность для лесов представляли пожары. В целом, все владельцы – казна, уделы, помещики – тратили большие средства как на ликвидацию уже возникших пожаров, так и на мероприятия, предупреждающие их возникновение. В каждом лесничестве или имении можно было встретить ни одну пожарную вышку; на летнее время нанимался особый кадр конных и пеших пожарных сторожей. Обращалось серьезное внимание на очистку лесов от остатков разработок. В некоторых дачах создавалась искусственная сеть противопожарных полос [1, с.65].

В работах по лесосбережению участвовало и земство. В 1874–1876 гг. Владимирская губернская земская управа разработала проект правил "О мерах предосторожности от огня в полях и в лесах и о тушении напольных и лесных пожаров". Правила регулировали проезд и пребывание населения в лесах в весенне-летнее жаркое время: запрещалось разведение костров, выжигание травы; предписывалось соблюдать осторожность при курении. Также проект содержал ряд эффективных мер, направленных на скорейшую локализацию и тушение возникших пожаров силами сельских обществ и полиции [10, с. 105–107].

В тесной взаимосвязи с лесоохраной находилась проблема охраны почв, задействованных в сфере сельхозпроизводства. Существенный вред почвенному покрову наносился распространением оврагов и сыпучих песков, возникающих зачастую вследствие деятельности человека – активной вырубки лесов.

До начала 90-х годов XIX в. борьба с повреждениями почв даже и в масштабах страны носила случайный, эпизодический характер. Лишь с 1893 г. Министерством

земледелия и государственных имуществ были предприняты некоторые меры, направленные на организацию пескоукрепительных работ на местах, а к практическому осуществлению борьбы с песками Лесной департамент приступил только с 1898 г. Основным способом было укрепление песков и оврагов путем посадки кустарниковой и древесной растительности.

Начало работам во Владимирской губернии было положено в конце 1906 г., когда по ходатайству Меленковского земства в уезд был командирован Лесным департаментом лесовод Д. Жулида. По такому же ходатайству песчано-овражные работы были открыты в 1909 г. в Муромском уезде, в 1913 г. – в Судогодском. В 1907–1917 гг. в трех уездах было укреплено 99 десятин песков посадкой шелюги и произведено 1540,1 десятин посадок сосны, прочих пород было посажено 15,4 десятин. За счет земства содержалась одна шелюговая плантация площадью 4,39 десятин в Меленковском уезде [14, с. 91–93]. В целом земство вносило посильный вклад в лесомелиоративные работы губернии: отпускало средства на наем десятников (лесокультурные надзиратели) 1–2 человека на уезд, оплачивало разъезды лесоводов, приобретение лесокультурных орудий и доставку посадочного материала для крестьянских обществ [18, с. 2–5]. Участвовало земство и в работах по укреплению оврагов в Муромском уезде. Там овраги занимали около 300 десятин и причиняли ощутимый хозяйственный вред населению. До 1916 г. на укрепление 6 оврагов было израсходовано 4960 рублей, часть которых была покрыта земскими ассигнованиями [14, с. 95].

Земство не могло обойти вниманием и вопросы, связанные с осушением болот и повышением плодородия почв, полей и лугов. Впервые проблема осушения болот была поднята Юрьевским обществом сельского хозяйства, обратившим внимание Юрьевского уездной земской управы на наличие во Владимирской губернии 623 тыс. десятин неудобной земли, из которых 450 тыс. приходилось на болота. Общество предлагало постепенно

осушать болота, частью для распахов под хлеба, частью для разведения лугов, не касаясь при этом торфяников. На заседании Владимирского губернского земского собрания 15 декабря 1884 г. было принято решение о финансовом участии последнего в осушении болот в размере, равном участию уездного земства, но не более 500 рублей на каждый уезд. В смету 1885 г. было внесено 1500 рублей на предполагаемое исследование болот губернии [15, с. 700–708]. В 1886 г. осушительные работы в пределах Владимирской губернии были начаты и силами Лесного департамента Министерства государственных имуществ [11, с. 86–87].

Безусловно, на заседаниях губернского и уездных земских собраний Владимирской губернии рассматривались и другие вопросы, связанные с рациональным водопользованием, землепользованием, охраной природы. Но в целом можно отметить, что уже в дореволюционный период благодаря активной практической деятельности земств были намечены определенные идеи и направления природоохранной деятельности, оказавшие влияние на решение экологических вопросов в последующие десятилетия. Основными формами работы земств стали законодательная, организационно-инженерная и материальная поддержка рационального природопользования.

Вместе с тем, очевидно, что природоохранная деятельность не носила целенаправленного, систематического характера и являлась, в основном, уделом медиков и санитарных врачей. Усилению работ препятствовали дефицит подготовленных кадров, капиталоемкость возможных природоохранных мероприятий, их инженерная сложность. Следует отметить и особенности общественного сознания изучаемой эпохи, которое оставалось, в своей массе, в пределах доэкологического сознания. "Все эти изменения в системе "человек-природа" считались несущественными, несоизмеримыми с теми политическими, социальными, военными и религиозными проблемами которые волновали людей" [8, с. 11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровков А., Боголюбовский А. Лесные пожары, возникновение их, меры предостережения и борьба с ними//Наше хозяйство.– 1926.–№1.– С.65–70.
2. Владимирская газета. 1903. № 138. С.3.
3. Врачебно-санитарная хроника Владимирской губернии. – Владимир–на–Клязьме: Типо-литография губернской земской управы, 1910. Январь. – 53 с.
4. Государственный архив Владимирской области (далее ГАВО). Ф.379. Оп. 1. Д. 936.
5. ГАВО. Ф.379. Оп. 1. Д. 800.
6. ГАВО. Ф. 379. Оп.1. Д. 455.
7. ГАВО. Ф. 379. Оп. 1. Д.366.
8. ГАВО. Ф.379. Оп. 1. Д. 1075.
9. Гиренок Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. – М: Наука, 1987.– 386 с.
10. Доклады Владимирской губернской земской управы губернскому земскому собранию XX-й очередной сессии. – Владимир–на–Клязьме: Типо-литография губернской земской управы, 1885. – 406 с.

11. Доклады Владимирской губернской земской управы губернскому земскому собранию XXI-й сессии. – Владимир–на–Клязьме: Типо–литография губернской земской управы, 1886. – 351 с.
12. Дубровский Н.И. К вопросу о загрязнении Владимирских рек//Труды Владимирского общества любителей естествознания. Т. II. Вып. II.– Владимир: Типо–литография губернской земской управы, 1904.– С.10–27.
13. Дубровский Н.И. Питьевые воды Владимирской губернии // Труды Владимирского общества любителей естествознания. Т. I. Вып. II. – Владимир: Типо–литография губернской земской управы, 1904.– С.31–99.
14. Жулида Д. Лесомелиоративные (песчано–овражные) работы во Владимирской губернии за 1907–1917 гг. и перспективы возобновления их в ближайшем будущем//Наше хозяйство.– 1925. – №11–12. – С.89–97.
15. Об осушке болот//Вестник Владимирского губернского земства. – 1886. – №14. Владимир–на–Клязьме: Типо–литография губернской земской управы, 1893. – С.699–728.
16. Обязательные санитарные постановления для уездного населения Владимирской губернии// Вестник Владимирского губернского земства. – 1893.– №8.– Владимир–на–Клязьме: Типо–литография губернской земской управы, 1893. – С.372–381.
17. Обязательные санитарные постановления для уездного населения Владимирской губернии. – Владимир на Клязьме: Типо–литография губернской земской управы. Б.м.Б.г.– 12с.
18. Отчет по облесению песков за 1912 год. – Владимир–на–Клязьме: Типография Губернского правления, 1912. – 6 с.
19. Памятная книжка Владимирской губернии. – Владимир–на–Клязьме: Типография Губернского Правления, 1859. – 289 с.
20. Результаты исследования тех селений, где наблюдалась убыль населения// Доклады санитарной комиссии, состоящей при Владимирской губернской земской управе, очередному губернскому земскому собранию XXVII сессии. – Владимир на Клязьме: Типо–литография губернской земской управы, 1892.– С. 75–97.
21. Санитарное исследование фабричных заведений Вязниковского уезда.– Владимир–на–Клязьме: Типо–литография губернской земской управы, 1884.– 244 с.
22. Сборник положений, правил, разъяснений и обязательных постановлений о надзоре за заведениями фабричной промышленности, изданный Владимирским Губернским по фабричным делам присутствием. – Владимир–на–Клязьме: Типография губернского правления, 1894.– 126 с.
23. Сборник постановлений Владимирского губернского земского собрания. 1866–1895 гг. Т.II. – Владимир–на–Клязьме: Типо–литография губернской земской управы, 1904. – 295 с.
24. Тихонравов К. Владимирский сборник. М., 1857.
25. Труды Владимирского губернского научного общества по изучению местного края. Вып. II. – Владимир: Владимирский Губполитсовет. Государственное издательство, 1921.– 148 с.

© Т. Golubkina, (golubkina@vtsnet.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

КУЛЬТУРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУПЧЕСТВА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

CULTURE BUSINESS MERCHANTS VLADIMIR PROVINCE IN THE LAST QUARTER OF XVIII - FIRST HALF XIX CENTURIES

N. Kipryanova

Annotation

The article discusses the development of a culture of entrepreneurial activity of the provincial merchant class. Professional development (business) ethics occurred in parallel with the formation of the class. This process is hindered by the imperfection of the legislative framework and underdeveloped capitalist relations.

Keywords: merchants, entrepreneurial culture, the end of XVIII – first half XIX centuries.

Киприянова Наталия Владимировна
К. ист.н., доценткаф. истории,
археологии и краеведения Владимирского
государственного университета

Аннотация

В статье рассматривается вопрос становления культуры предпринимательской деятельности провинциального купечества. Развитие профессиональной (предпринимательской) этики происходило параллельно с формированием самого сословия. Данный процесс тормозился несовершенством законодательной базы и неразвитостью капиталистических отношений.

Ключевые слова:

Купечество, культура предпринимательства, конец XVIII – первая половина XIX вв.

В последние десятилетия значительно возрос интерес отечественных историков к изучению социокультурных явлений в российском обществе. Исследователи осознали важность не только экономических и политических факторов, но и значения культурного развития, мотивов поведения различных социальных групп на отдельных этапах исторического процесса.

Представленная статья посвящена становлению деловой культуры и профессиональной этики купечества Владимирской губернии в последней трети XVIII – первой половине XIX в. Деловая культура – это комплекс знаний, норм и ценностей, регулирующих профессиональную деятельность той или иной социальной группы. Сюда включаются также конкретные формы и методы взаимодействия людей при решении деловых вопросов [52, 18], в том числе – использования рабочей силы, применения принудительного или вольнонаемного труда. Этот вопрос традиционно относят к социально-экономической сфере. Социокультурным аспектом в нем выступают формы и способы взаимоотношений работника и хозяина (нанимателя), стандарты трудовых операций, принципы трудовой морали, а также возможность воздействия этих факторов на нравственный потенциал общества. Важнейшим социокультурным аспектом предпринимательской деятельности купечества считается совершенствование

производства путем внедрения технических достижений, использование цивилизованных форм кредита. Успех всей предпринимательской деятельности купцов во многом определялся именно деловой культурой, которой они обладали.

Дореволюционная историография проблемы деловой культуры не рассматривала. Основное внимание уделялось юридическим аспектам личного найма, не касаясь его экономических и социокультурных характеристик [29; 39; 48; 54; 55]. На рубеже XIX – XX вв. был поставлен вопрос о положении рабочих [28; 53], но он никак не связывался ни с началом промышленного переворота, ни с зарождением общественных противоречий.

Для советских историков центральной проблемой стало формирование пролетариата и его борьба за свои права [24; 42; 50]. Впоследствии было обращено внимание на профессиональную этику купечества [31; 44], предпринято комплексное рассмотрение всех мероприятий царизма в сфере торговли и промышленности, способствовавших повышению деловой культуры [36]. Появились также работы о становлении торгово-промышленного законодательства Российской империи [47; 51].

Предпринимательская культура купечества Влади-

мирской губернии формировалась под влиянием особенностей экономического развития региона. Вследствие ограниченного объема в статье будет рассмотрено только два аспекта формирования деловой культуры – отношение купечества к рабочей силе и внедрение технических усовершенствований в производство.

Представление о формирующейся деловой культуре купечества дают наказы горожан в Уложенную комиссию 1767 г. Критикуя дворянство за организацию текстильных мануфактур, купцы со знанием дела рассуждали о необходимости изготовления в России полотен высокого качества. Суть вопроса состояла в том, что большое количество льна и пеньки отправлялось на экспорт. За границей "российский продукт" перерабатывался "по тамошней манере" в различные "знатные товары", а затем вывозился обратно к российским портам. Цена изделий из переработанного российского сырья возрастала "едва не в двадцать раз", а при продаже внутри России "еще и свыше того". Подобная ситуация, по мнению купцов, ущемляла государственные интересы, ибо тот капитал, который иностранцы "в прибыль себе получают, действительно оставался бы в России". Однако "правлящие экономию" помещики, имея в своем распоряжении леса, земли и собственную бесплатную рабочую силу, не стремились производить продукцию высокого качества. Они предпочитали заниматься торговлей, причем продавать преимущественно сырье [20, с. 396].

Подобная постановка купечеством вопроса – преобладающее развитие обрабатывающей промышленности вместо поставок за границу сырья – свидетельствовала не только о рациональном подходе к государственным интересам, но и о понимании важности своего "дела", формировании предпринимательской деловой культуры.

Промышленный профиль Владимирской губернии начал складываться еще в XVII в. и сформировался в основных чертах в XVIII столетии.

Одной из традиционных отраслей промышленности на данной территории было кожевенное производство. До середины XVIII в. производимая на предприятиях юфта пользовалась высоким спросом и носила название "русской кожи". Через Санкт-Петербург ее в больших количествах отправляли за рубеж, особенно в Англию [16, с. 1–25]. Прибыль от ее продажи составляла приблизительно 22 %, и это был третий по прибыльности товар после железа и полотна [56, с. 71]. К середине 80–х гг. XVIII в. во Владимирской губернии насчитывалось 98 кожевенных заводов, из них 70 – в городах [23, табл.А]. Это составляло приблизительно 11,5 % от всех учтенных кожевен России [32, с. 182; 53, с. 42]. Подавляющее большинство заводов были мелкими заведениями, где в процессе производства принимали участие и сами хозяева, и

члены их семей. Наемных работников было обычно немного – от 1 до 7 чел. [32, с. 182]. На всех предприятиях губернии их насчитывалось в это время всего 325 чел. [32, с. 209–212].

С началом промышленного переворота в Европе "русская кожа" стала постепенно уступать по качеству зарубежной, экспорт юфти постоянно падал, и к середине XIX столетия сократился более чем в четыре раза. Во Владимирской губернии к 1862 г. остался 41 завод [17, с. 63]. Доведению отрасли до плачевного состояния частично способствовала и политика правительства, которое решило выпуск за границу сырых кож. Иностранцам было выгоднее покупать по более низкой цене невыделанную кожу и поставлять ее собственным промышленникам.

Купцы, получая стабильно высокую прибыль на протяжении длительного времени, не торопились вкладывать дополнительные капиталы в производство, в том числе – для внедрения технических усовершенствований. Современники отмечали, что способы обработки кожи "и поныне остаются в первобытном состоянии, упорно чуждаясь всех современных улучшений". Поэтому постепенно кожевенная промышленность переместилась из города в уезды, снабжая преимущественно сельского потребителя недорогими товарами. Заводы были "разбросаны по всей губернии и находились в плохом состоянии, потому что заводчики не заботились об улучшениях". Низкое качество продукции не смущало "комиссариатское ведомство", которое продолжало закупать кожу для шорно-седельной промышленности, армейских ранцев и проч. [13, с. 237].

Ведущей отраслью индустрии в регионе являлась текстильная, преимущественно полотняная, промышленность. Активное развитие купеческих мануфактур началось с 70–80–х гг. XVIII в. К началу XIX в. во Владимирской губернии образовалось несколько центров по производству полотна: Шуя (14 предприятий), Юрьев-Польской (11 предприятий), Вязники (10 "фабрик"). Однако во второй четверти XIX в. полотняное производство в России в целом вступило в затяжной кризис. Основными его причинами были относительная дешевизна английского полотна по сравнению с российским и активное развитие хлопчатобумажной промышленности.

К середине XIX столетия в губернии насчитывались 41 ситцевая и 33 миткалевых "фабрики" [13, с. 237; 18, с. 327]. Их владельцами были представители наиболее зажиточных и родовитых купеческих семей: Барановы, Дунаевы, Зубовы, Корниловы, Масленниковы, Овсянниковы, Шевелкины, Шиловы и др. [22; 21; 40, с. 47; 46, с. 31–34]. Ф. Баранов первым ввел в России способ крашения хлопчатой бумаги мареной [13, с. 267], основав

заведение для окраски пряжи в ярко-красный, "адриано-польский" цвет. Его сын для удешевления производства даже пытался самостоятельно разводить марену под Дербентом [38, с. 104]. Количество же полотняных предприятий в это время сократилось до 28 "фабрик" [13, с. 260–294; 18, с. 327]. Современники отмечали, что льняные изделия "в качествах своих уже совсем не тот товар... и в тканях и в красках они далеко уступают изделиям тридцатилетней давности" [15].

Использование купцами технических новинок за исследуемый период во Владимирской губернии встречается всего один раз – в текстильной отрасли. Вязниковский купец Г.С. Елизаров первым в России ввел на своем предприятии механическое прядение льна, для чего из Англии были выписаны и установлены специальные машины. Впоследствии он механизировал и полотняные фабрики, на которых стали использовать механические ткацкие станки и паровую машину [30, с. 2]. Это помогло ему в период кризиса полотняной промышленности не только сохранить экономические позиции, но и расширить производство.

Таким образом, активного стремления к усовершенствованию производства купцы не проявляли. Это было связано не только с личными предпринимательскими качествами, определенной инертностью мышления, привычкой действовать "как отцы и деды", но и с нехваткой средств: внедрение новых технологий, закупка машин требовали денег, которых у подавляющей массы купечества не было.

Отношения предпринимателей и работников в конце XVIII – первой половине XIX вв. строились в непростых условиях, когда при сохранении крепостничества объективно возникали элементы буржуазного строя, начинался промышленный переворот. Требовалась определенное время, чтобы осознать новые реалии, в том числе – и систему общественных отношений в сфере производства, частью которых становился "рабочий вопрос".

Применительно к указанному периоду о "рабочем вопросе" можно говорить лишь условно. Основной проблемой и для правительства, и для предпринимателей являлось обеспечение промышленных заведений рабочей силой. Несмотря на многочисленные просьбы в Уложенную комиссию 1767 г. о восстановлении права покупки крепостных, правительство в течение длительного времени не шло ни на малейшие уступки. Единственное, чего смогли добиться купцы, это сохранить уже имеющихся крепостных рабочих за своими предприятиями. Сенатский указ 1786 г. подтвердил разрешение оставлять при мануфактурах тех рабочих людей, которые были приобретены до запрещения в 1762 г. лицам недворянского происхождения использовать крепостной труд [45, с.

364].

В 1798 г. право покупки "к заводам и фабрикам крестьян с землею и без земли" для купцов было восстановлено. В указе подчеркивалось, что правительство пошло на этот шаг для того, чтобы "из купцов заводчики и фабриканты" могли "распространить свои заводы на пользу собственную и государственную" [12]. Некоторые мануфактуристы воспользовались этим правом. В частности, шуйский "фабрикант" Носов в 1800 г. приобрел 363 чел. в 10 деревнях [14, с. 16].

Использование труда крестьян-отходников не позволяло наладить бесперебойную работу предприятий. В летнее время на мануфактурах резко сокращалась производственная деятельность. Владелец крупного полотняного предприятия (151 стан, 236 наемных работников) вязниковский купец И.В. Водовозов в 1803 г. сообщал в Мануфактур-коллегию, что его заведение простаивало 4–5 мес. в году "в сенокосное время" [33, с. 34]. Даже к концу 30–х гг. XIX в. "Журнал мануфактур и торговли" отмечал, что крупные предприятия делались безлюдными с мая по август, "ибо в эти месяцы работники расходятся по деревням" [45, с. 267]. Постоянные вынужденные остановки производства в значительной степени тормозили развитие предпринимательской культуры. Владельцы предприятий были вынуждены постоянно заниматься поисками рабочей силы, которая не имела необходимых производственных навыков.

Запрет на покупку крепостных и нехватка рабочей силы вызывали стремление "обойти" закон. Так возникла практика своеобразной аренды крепостных. Схема была довольно простой. Дворяне в счет своих долгов или просто по договору отдавали "в работы" купцам своих крестьян или дворовых, иногда целыми семьями. Отдавали "на завод" и детей. При "отдаче" заключался контракт, в котором оговаривалась оплата за произведенную работу и ряд дополнительных условий.

Деньги за работника (100 – 120 руб. в год за человека) получал владелец крестьян, за ребенка родители получали от 12 до 18 руб. Переданные "в работу" находились на содержании нанимателя [8, Л.1]. По условиям договора работнику предписывалось "жить при заводе неотлучно", "быть во всем послушну", не воровать и "с воровскими людьми не знатца", "в карты не играть". Уже перечисление этих условий характеризует качество рабочей силы, которую использовали купцы. В случае самовольного ухода работника с завода его владелец (или родители ребенка) должны были выплатить нанимателю неустойку – 500 руб. [7, Л.1 об; 6, Л. 37]. В случае причинения нанимателю ущерба наемного работника могли отдать "в зажив" [2, Л. 4 об.].

Иногда на заводы нанимались мещане. При таком

вольном найме работник приобретал одежду и питание за свой счет. Оплата труда доходила до 40 руб. в год [6, Л. 37 об.; 7, Л. 2].

Практика заключения договоров с предпринимателями от имени владельца крестьян, а не самого работника, вызывала недовольство и рабочих, и "фабрикантов". Поэтому правительство было вынуждено в 1825 г. издать указ о запрещении помещикам отдавать своих крепостных в заводские работы, а договоры заключать от лица рабочих [36, с. 382].

Не являлось редкостью и переманивание предпринимателями друг у друга рабочих людей. Конфликт между владельцами двух стекольных "фабрик" в Судогодском уезде Владимирской губернии – купцом С.Вороновым и "дворяншей" М. Мальцовой – произошел из-за того, что Мальцова обнаружила на заводе Воронова трех бывших своих крепостных, сбежавших некоторое время назад вместе с семьями. Попытка вернуть крестьян закончилась колоссальной дракой, в которой приняли участие около 40 человек – мастеровые, сотские, судебный заседатель и даже священник [37, с. 62].

Широкую известность получили махинации с рабочей силой в промышленной империи Баташевых. К 90-м гг. XVIII в. братья Баташевы оказались владельцами 15 металлургических и металлообрабатывающих заводов в Рязанской, Тамбовской и Владимирской губерниях. Баташевы активно переманивали к себе мастеровых с других предприятий, выдавая за переход на их заводы по 8 руб. каждому человеку. В 1815 г. в ответ на запрос Московского горного правления о количестве рабочих людей И.Р. Баташев вынужден был уклончиво сообщить, что "по смутным 1812 г. обстоятельствам" он не может отыскать купчих на 279 чел. В 1830-е гг. XIX в. случайно был найден секретный журнал главной заводской конторы. В нем совершенно откровенно рассматривалась возможность "скрыть от правительства значительное количество рожденных от солдаток детей". В деле о "солдатских детях" фигурировало 404 чел. в возрасте от 1 года до 42 лет (только душ м. п.), рожденных солдатками "законно", т. е. при вторичном выходе замуж, и "незаконно", вне официального брака. После долгого разбирательства специальной комиссией было предписано "оставить навсегда в сих имениях" при заводах 104 чел., заплатив за них штраф и "внеся в ревизию" [34, с. 482–483]. Обращает на себя внимание цинизм, с которым предприниматели почти полвека спокойно обманывали государство. Неуплата в течение длительного времени подушной подати за 300 чел. крепостных никак не могла быть замаскирована рассуждениями о "всенародной пользе".

Таким образом, отсутствие развитого рынка рабочей силы, возможность и необходимость использования при-

нудительного труда (крепостных, "отданных в работы") на основе внеэкономического принуждения формировало у купечества стремление обойти закон для уменьшения своих издержек.

Несмотря на сохраняющиеся крепостнические отношения, количество наемных работников постепенно увеличивалось. На предприятиях разных отраслей обрабатывающей промышленности в период с конца XVIII до 20–30-х гг. XIX в. доля вольнонаемного труда составляла от 12–16 % (в бумагоделательном производстве и изготовлении шерстяных тканей) до 86–98 % (хлопчатобумажное, кожевенное, канатное производство) [32; 31, с. 106, 139, 156, 182].

Отношения между промышленниками и наемными работниками требовали определенной законодательной базы. Владельцы предприятий были недовольны качеством работы нанимающихся на мануфактуры крестьян. В защите собственных интересов они надеялись на поддержку государства. С другой стороны, наемные работники не были довольны условиями работы и мизерной оплатой труда, которые существовали на мануфактурах. В 1769 г. при выполнении казенных работ были установлены расценки: по 7 коп. в день плотникам, по 10 коп. – возчикам и по 5 коп. – пешим работникам [1, Л. 381]. Подобные расценки существовали и на частновладельческих "фабриках".

Недовольство условиями труда заставляло рабочих людей бороться за улучшение своего положения. В первой половине XIX в. волнения на предприятиях среди наемных работников еще не были массовым явлением [41, с. 84–87]. В 1822 г. началось "беспокойство между мастеровыми" на заводах Баташева одновременно во Владимирской и Рязанской губерниях. Двое мастеровых, "отлучась самовольно" с гусевского завода, подали владимирскому губернатору прошение "о притеснениях". Массовое недовольство работников было вызвано снижением заработной платы до 7 коп. в сутки. Для выяснения обстоятельств на заводы прибыли сначала представители губернаторов двух губерний, затем сами губернаторы, затем пришлось вызывать воинскую команду. Рабочие во время расследования вели себя "весьма буйно", один из них даже "поднял топор". Двое мастеровых, несмотря на установление жесткого контроля, смогли дойти до Санкт-Петербурга для подачи просьбы министру финансов [4, Л. 2–4 об.].

Показательно, что меленковский уездный суд, в котором рассматривались все обстоятельства дела, вынес решение не применять к мастеровым телесного наказания, "принимая во уважение, что мастеровые некоторым образом были вынуждены к неудовольствию малою платою заработанных денег". В исследовании обстоятельств

дела принимал участие старший советник Московского горного правления. Несмотря на решение суда, он посчитал, что на предприятиях Баташева "плата достаточна" и "не уступает производимой на других заводах" [4, Л. 5 об.–8]. Следует учесть, что между мизерной нормой оплаты труда 7 коп. в сутки, установленной в 1769 г., и такой же нормой 1822 г. лежит дистанция в 60 лет, заполненных войнами и инфляцией.

Ситуацию с размером оплаты труда можно оценить по-разному. В делах городских магистратов и палате уголовного суда Владимирской губернии содержатся бесконечные жалобы на купцов, которые просто не доплачивали наемным работникам часть их заработной платы. Совершенно не важно, что суммы недоплаты могли быть незначительными – 5 руб., 92 руб. или 582 руб. [9, Л. 3–4; 10, Л. 12; 11, Л. 36]. Важно, что деловая этика купца–предпринимателя допускала подобную коммерческую недобросовестность. Случаи обсчета в свою пользу нанимаемых купцами приказчиков, доверенных лиц и привлекаемых рабочих давно отражены в литературе [44, с. 87–112; 27, с. 282; 49, с. 634]. Правда, наемные работники часто платили своим нанимателям той же монетой. Массовость этих явлений зафиксирована в депутатских наказах в Уложенную комиссию.

В то же время, по данным Мануфактур–коллегии на ряде купеческих "фабрик" в различное время отпускная цена продукции была выше продажной. Это означает, что предприятия работали в убыток [33, с. 34–35]. Произведя закупку сырья и выпустив готовую продукцию, в условиях отсутствия технического прогресса купцы могли сэкономить только на одном – заработной плате своих работников.

Стремление мастеровых "добиться правды" любой ценой, вплоть до подачи жалоб в правительство, заставило государство обратить внимание на вновь возникшую проблему. В течение долгого времени забота государства о промышленности проявлялась лишь в намерении обеспечить ее рабочими руками и по мере возможности защитить от иностранной конкуренции. Проблемы регулирования внутренней жизни предприятий, отношения владельцев мануфактур и рабочих людей правительство не интересовало, т. к. большинство работников были крепостными. Только в 30–е гг. XIX в. возникла мысль о необходимости улучшения положения вольнонаемных работников в интересах сохранения "порядка". На этой основе и возник Устав о промышленности, относившийся к серии законов о государственном благоустройстве. В указе от 24 мая 1835 г. были установлены правила найма на промышленные предприятия лиц "податного сословия", получивших паспорт [47, с. 20]. Закон был очень несовершенно и не предусматривал многих ситуаций, возникавших в действительности.

В 1843 г. в хозяйственный департамент МВД была подана записка, содержащая "правила для занимающихся работой на фабриках Владимирской губернии крестьян" [3]. Автором записки был один из представителей промышленников Владимирской губернии Платон Зимин. В Гавриловском посаде ему принадлежали три рассеянные мануфактуры: две хлопчатобумажных (90 станков, 166 наемных работников) и одна полотняная (130 станков, 224 наемных работника) [33, с. 15]. Зимин отмечал, что для населения Суздальского, Юрьев–Польского, Шуйского и других уездов Владимирской губернии работа на "фабриках" (рассеянных мануфактурах) составляет "главный промысел". Нанимаясь на работу, крестьяне, по мнению Зимина, приобретают "безбедное существование", в то время как фабриканты "приходят в разорение по предосудительным поступкам крестьян". Список этих "предосудительных поступков" был весьма внушительным: крестьяне не выполняют в срок работы, вследствие чего останавливается торговля, берут от других фабрикантов заказы и тоже их не выполняют, изготавливают некачественную продукцию, проматывают материалы и скрываются, отрицают получение задатка и требуют дополнительной оплаты, называются чужими именами и т. д. Наказать их невозможно, так как в законе эти проступки не предусмотрены [3, Л. 2,3,15–15 об.]. Поэтому Зимин выдвинул целый комплекс предложений, направленных на усиление ответственности рабочих людей.

Прежде всего, в проекте для урегулирования отношений нанимателей и наемных работников предлагалось условия найма оговаривать в специальном договоре. Существовавшая на рассеянных мануфактурах практика производства предполагала, что в крестьянской светелке работают сразу несколько членов семьи. Поэтому крестьяне при поступлении на работу должны были представить свидетельство "от своего начальства" о числе работников в семействе, о количестве свободного для работы времени, поручительство в хорошем поведении, а также гарантировать ответственность семейства за допущенный брак. Для учета раздаваемого материала и записи договоров фабриканту следовало иметь специальную книгу. Всю выработанную продукцию крестьянину полагалось незамедлительно отдавать владельцу мануфактуры, "ни под каким видом не доводить фабриканта до поездки" до места своего проживания, иначе все дорожные расходы пришлось бы оплачивать самому работнику. Крестьянин не имел права передавать взятое для работы сырье другим, переходить во время действия договора на другое предприятие, производить какую–либо продукцию "собственно для торговли". По требованию предпринимателя "местное начальство" должно было выслать работника в контору для расчета. Отдельно оговаривалась ответственность фабриканта за прием беглого крестьянина. Все споры между владельцем мануфактуры и работником должны были разбираться в словесном су–

де, а в случае необходимости передаваться на рассмотрение в магистрат [З, Л. 19–23 об.].

В своем комментарии к проекту Зимина владимирский губернатор Донауров отмечал, что развитие промышленности в губернии связано с малоземельем, и крестьяне вынуждены искать дополнительные заработки. Вследствие этого следует соблюдать "обоюдные выгоды". В частности, хлебопашец не может заранее определить число свободных дней, которые он мог потратить на работу на предприятии. Нерационально, по мнению губернатора, обременять земскую полицию высылкой крестьян для расчета в контору, так как у полиции достаточно своих обязанностей. Запрещать крестьянам торговать своими товарами "вовсе излишне". Губернатор отдавал себе отчет в том, что крестьяне нанимались на мануфактуру не из стремления приобрести "безбедное существование", а вследствие острой нехватки земли. В объективном рассмотрении конфликтов между работниками и владельцами мануфактур губернатор также не был уверен, фактически обвинив предпринимателей и "контрщиков" (которые часто тоже являлись купцами) в возможных злоупотреблениях вследствие неграмотности крестьян.

Между тем, записка Зимина была переправлена в Московское отделение Мануфактурного совета, где в нее внесли ряд дополнений. Показательно заключение, сделанное членами Совета: "Главное основание благосостояния промышленности есть уверенность в целостности соб-

ственности,веряемой другому" [З, Л. 20]. Эта "целостность собственности", без которой в принципе не могли формироваться буржуазные отношения, являлась методом постоянной заботы купечества, где без помощи государства оно никак не могло обойтись.

С предложениями Зимина были ознакомлены министр финансов и министр внутренних дел. Затем записку передали на рассмотрение в Государственный Совет, и в 1846 г., 2 декабря, был подписан указ, в котором большинство предложений владимирского предпринимателя было учтено.

Таким образом, в сфере "работодатель – работник" на мануфактурах законодательное регулирование отношений долгое время не производилось. При сохранении крепостного права постановка данного вопроса с точки зрения государства не имела смысла. Обращение правительства к этой проблеме было вызвано все усиливающимся стремлением к "отысканию воли" работными людьми. Однако государственная политика имела "карательный" оттенок. Купечество, тесно связанное с производством, продемонстрировало более взвешенную позицию, хотя и стремилось всемерно защитить свои интересы.

Реальное понимание всех нюансов "внутрипроизводственных" отношений позволило купцам проявить инициативу и в определенной степени "подтолкнуть" законодательство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив древних актов (Далее: РГАДА). Ф. 259. Оп. 1. Кн. 3800.
2. РГАДА. Ф. 745. Оп. 1. Д. 59.
3. Российский государственный исторический архив (Далее: РГИА). Ф. 1287. Оп. 6. Д. 87.
4. РГИА. Ф. 1345. Оп. 99. Д. 130.
5. РГИА. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 26
6. Государственный архив Владимирской области (Далее: ГАВО). Ф. 22. Оп. 2. Д. 1.
7. ГАВО. Ф. 92. Оп. 6. Д. 21.
8. ГАВО. Ф. 92. Оп. 6. Д. 177.
9. ГАВО. Ф. 93. Оп. 1, т. 2. Д. 1284.
10. ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1.
11. ГАВО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 6.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XXV. – СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – № 18442.
13. Военно-статистическое обозрение Российской империи. издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении департамента Генерального штаба. – СПб.: Типография департамента Генерального штаба, 1852. Т. VI. Ч. 2.–319 с.
14. Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Кн. IV. – Владимир: Тип. губерн. правления, 1913. – С. 10–30.
15. Исторический взгляд на промышленность г. Суздаля и его уезд // Владимирские губернские ведомости. – 1867. – № 15 (часть неоф.).
16. Лядов И. Топографическое описание Владимирской, Суздальской, Переславской–Залесской и Юрьев–Польской провинции городов в 1760 годах // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. III. – Владимир.: Тип. губерн. правления. 1880. – С. 1–25.
17. Памятная книжка Владимирской губернии на 1862 год.–Владимир: Тип. губерн. правления, 1864. – 125 с.
18. Памятная книжка Владимирской губернии за 1864 год– Владимир: Тип. губерн. правления, 1866. – 347 с.

19. Сборник Русского исторического общества (Далее: Сб. РИО). Т. 8. Предисловие Д.В. Поленова. – СПб.: Тип. Лебедева. 1875.
20. Сб. РИО). Т. 107. Под редакцией В.И. Сергеевича. – СПб.: Тип. Лебедева. 1900.
21. Список фабрикантов и заводчиков Российской империи. 1832 г. – СПб., 1833. – С. 80–99.
22. Статистика города Юрьева-Польского // Владимирские губернские ведомости. – 1838. – № 44 (часть неоф.).
23. Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 г. с приложением одного рисунка // Под ред. Г.А. Рязского.– Владимир: Изд. Владимирской Ученой архив. комиссии, 1906. – 133 с.
24. Балабанов М. Очерки по истории рабочего класса в России. В 2 ч. Ч. 1. – М., 1926.–218 с.
25. Балицкий Г. Фабричное законодательство в России. – М., 1906. – 247 с.
26. Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. (формирование антикрепостнической мысли). – М.: Изд. Московского университета, 1965. – 382 с.
27. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX вв.: Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. –Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 424 с.
28. Быков А. Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. – СПб., 1909.
29. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов н/Д, 1995. – 667 с.
30. Вязниковские купцы и промышленники // Торговая площадь. – 2008. – № 1. – С. 2.
31. Громыко М.М. К характеристике социальной психологии сибирского купечества XVIII в. // История СССР. – М., 1978. – № 3. – С. 58–71.
32. Демкин А.В. Обрабатывающая промышленность России в конце XVIII – начале XIX в. – М.: ИРИ РАН, 2008. – 294 с.
33. Демкин А.В. Полотняное производство в России на рубеже XVIII –XIX вв. – М.: ИРИ РАН, 2004. – 258 с.
34. Демиховский К.К. Источники и пути комплектования рабочей силы на заводах Приокского горного округа в XVIII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII – XVIII вв.). – М., 1958. – С. 464–486.
35. Заозерская Е.И. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах в 20 – 60-х годах XVIII в. – М.: АН СССР, 1960. – 276 с.
36. Киняпина Н. С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е годы XIX в.). – М.: Изд-во МГУ, 1968. – 453 с.
37. Киприянова Н.В. Особенности правосознания провинциального купечества в XVIII в. // Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. IV. – Шуя, 2004. – С. 62–67.
38. Кожан А. А. Предпринимательская деятельность купцов Барановых // Рождественский сборник. Вып. 3 –. Ковров: "Маштекс", 1998. – С.103–107.
39. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи: (XVIII и XIX ст.)/ Под ред. и с предисловием В.Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 576 с.
40. Монахова О. В. Из истории ковровского купеческого рода Дунаевых // Рождественские чтения. Вып. 1. – Ковров: "Маштекс", 1994. С. 47–54.
41. Нисселович Л.Н. История заводско-промышленного законодательства Российской империи. В 2 ч. Ч. II. – СПб.: Скоропечатня Георга Гюнтца, 1884. – 160 с.
42. Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. – М., 1924. – 287 с.
43. Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. – М.: Изд. Академии Наук, 1953. – 457 с.
44. Павленко Н. И. О некоторых сторонах первоначального накопления капитала //Исторические записки. Кн. 54. М.: Изд. Академии Наук, 1955. – С. 87–112.
45. Полянский Ф. Я. Первоначальное накопление капитала в России. М.: Изд. социально-экономической литературы, 1958. – 416 с.
46. Попова М. П. На благо Владимирского края. Владимир: Транзит-ИКС, 2011. – 192 с.
47. Поткина И.В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: XIX – первая четверть XX в. М.: Норма, 2009. – 304 с.
48. Предпринимательское право в рыночной экономике. – М., 2004. – 277 с.
49. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. – Барнаул: Изд Алтайского ун-та, 1998. – 660 с.
50. Рашин А. Г. Формирование промышленного пролетариата в России. М.: Соцэкгиз, 1940. – 386 с
51. Рыбаков Ю. А. Промышленное законодательство России первой половины XIX в.: (историко-вед. очерки). – М., 1986. – 213 с.
52. Сутягина О. А. Деловой и социокультурный облик сибирского купечества в XIX в.: Автореф. дис. ... канд. наук: Исторические науки: 07.00.02/ Томск, 2010. – 21 с.
53. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. СПб., 1907. – 419 с.
54. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1915. – 387 с.
55. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права / по изд. 1914 г. М.: "СПАРК", 1994. – 335 с.
56. Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М.: Изд. АН СССР, 1953. – 203 с.

ВЛАДИМИРСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИЯ И ЕЕ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1898-1918 гг.)

VLADIMIR SCIENTIFIC ARCHIVAL COMMISSION AND ITS SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITY (1898-1918)

L. Kirillova

Annotation

Article is devoted to development of local history researches in Russia at the end the XIX beginning of the XX centuries on the example of the Vladimir province. Object of research is the Vladimir scientific archival commission, as one of local history societies. As object of research scientific and educational activity of the Vladimir scientist archival serves the commission.

Keywords: study of local lore, provincial scientific archival commissions, archiving, museum business, scientific and educational activity.

Кириллова Любовь Владимировна

К.и.н., доцент каф. "История, археология и краеведение" Владимирского государственного университета

Аннотация

Статья посвящена развитию краеведческих исследований в России в конце XIX–начале XX вв. на примере Владимирской губернии. Объектом исследования является Владимирская ученая архивная комиссия, как одно из историко–краеведческих обществ. Предметом исследования служит научная и просветительская деятельность Владимирской ученой архивной комиссии.

Ключевые слова:

Краеведение, губернские ученые архивные комиссии, архивное дело, музейное дело, научно–просветительская деятельность.

Цель исследования состоит в изучении этапов развития владимирского краеведения и оценки вклада сотрудников ВУАК в расширение, углубление, систематизацию и популяризацию знаний об истории и культуре Владимирского края.

Хронологические рамки исследования определяются временем существования архивной комиссии с момента ее учреждения в 1898 г. и вплоть до закрытия в 1918 г.

Для изучения проблемы развития краеведения во Владимирской губернии привлекалась делопроизводственная документация Владимирской ученой архивной комиссии, характеризующаяся достаточно высокой информативностью и достоверностью. Она отложилась в 526 фонде Государственного архива Владимирской области (ГАВО). Для достижения исследовательских задач большое значение имеют материалы, опубликованные ВУАК в своих ежегодных изданиях, в частности отчетах о деятельности за год.

В конце XIX в. провинциальная интеллигенция проявляла стремление познать пути развития Отечества, ее патриотизм стимулировал изучение регионов, краев, земель, местностей. Краеведение стало возглавляться научными обществами, археологическими и научно–естественными съездами. На местах стали чаще издавать статистические сборники, памятные книжки, составлять ар–

хеологические карты губерний, организовывать музеи. К концу XIX в. в области гуманитарных и общественных наук работало 60 организаций, включая более 30 историко–археологических [12; 63]. Фактически происходило формирование общественности, как особой силы, способной играть важную роль в развитии научного краеведения и его популяризации.

26 ноября 1898 г. во Владимире была учреждена губернская ученая архивная комиссия (ВУАК). Ее открытие местное общество встретило с "живейшим сочувствием" [4; 1]. На первом заседании организатор этого общества, опытный архивист А. В. Селиванов обстоятельно разъяснил цели и задачи комиссии.

Соответственно "Положению о губернских исторических архивах и учёных архивных комиссиях" от 13 апреля 1884 г. [7; 662–663] и по примеру других архивных комиссий, ВУАК должна была создать исторический архив, способствовать сохранению и изучению памятников старины, организовать краеведческий музей и публиковать труды сотрудников комиссии в особом периодическом издании [4; 2].

Главной обязанностью и наиболее важной в научном отношении задачей архивной комиссии являлся разбор и описание дел архивов провинциальных правительствен–

ных, общественных и частных учреждений с целью сохранения важных для исторической науки документов и создания исторического архива. Из дел местных учреждений, подлежащих уничтожению, комиссии имели право выбирать те, которые представляли интерес и создавать из них исторические архивы. Именно в архивных документах содержалось множество "драгоценного исторически-бытового материала". Это была самая трудная и кропотливая работа, требующая, по словам самих членов комиссии, "горячей преданности и особой любви к исторической науке" [4; 3].

Главная трудность, с которой сталкивалась архивная комиссия, это отсутствие подробной инструкции по разбору и описанию дел. Какие более важны для истории, какие менее, какие дела нужно хранить в историческом архиве, какие не подлежат хранению, как составлять описи, в каком порядке и объеме – такие вопросы возникали постоянно. В основном проблемы решались благодаря товарищу (заместителю) председателя ВУАК А.В. Селиванову, руководившему на первых порах занятиями по архивоведению среди членов комиссии.

Другим направлением деятельности архивной комиссии было изучение вещественных памятников старины Владимиро-Суздальского края и их описание. Комиссия должна была заниматься:

- ◆ *во-первых*, сбором сведений через земских начальников, исправников и других уездных представителей администрации о случайных находках предметов старины, о городищах и курганах и т. п. (в первый же год работы комиссии такие сведения поступили и были произведены археологические раскопки);

- ◆ *во-вторых*, осуществлять контроль над сохранением от уничтожения и неумелой реставрации храмов, стенописи в них, икон и другой церковной утвари (с этой целью была создана специальная комиссия, которая должна была составить список всех храмов Владимирской губернии, построенных до начала XIX в., с указанием наиболее интересных и важных памятников древнерусской церковной и гражданской архитектуры, а также древних стенописей и икон);

- ◆ *в-третьих*, проводить ежемесячные (очередные) собрания, предназначенные "для обмена мыслей по разным вопросам при изучении памятников древности Владимирской губернии и для того, чтобы сообщать о результатах разбора актов и дел разных архивов" (на таких собраниях члены комиссии делали сообщения и читали рефераты, которые были результатами их научной работы);

- ◆ *в-четвертых*, участвовали в различных съездах и других мероприятиях, проводимых императорским археологическим обществом, другими комиссиями, самой ВУАК, где зачитывались доклады по архивному делу и истории Владимирского края, пропагандировалась местная история [4; 6–9].

По примеру архивных комиссий, созданных ранее, ВУАК решила издавать "Труды Владимирской ученой архивной комиссии" и выпускать их по мере возможности и накопления материала. "Труды" должны были содержать следующие разделы: сообщения, описи дел разных архивов, хроника, протоколы заседаний комиссии. Поскольку ВУАК не располагала достаточными средствами на издание, то для сокращения расходов, первоначально все материалы печатались как приложение к "Владимирским губернским ведомостям". Затем стали издавать отдельные выпуски "Трудов" в количестве 500 экземпляров.

С первых дней существования архивной комиссии важнейшей просветительской задачей стало создания музея. Собираемые памятники древности необходимо было разместить в специально приспособленном для этого помещении. Музей, по мнению сотрудников ВУАК, должен был наглядно отражать жизнь и деятельность Владимирской губернии в ее историческом развитии, начиная от древнейших времён до настоящего времени [4; 11].

Несмотря на отсутствие денежных средств, это начинание архивной комиссии осуществилось успешно. За шесть лет (1900–1906 гг.) было построено само здание для музея, архива и библиотеки, оборудовано и открыто для публики.

Реализуя поставленные перед собой задачи, члены архивной комиссии постоянно сталкивались с самыми разными трудностями. Так, выходявшие ведомственные распоряжения и правила по учреждениям министерства финансов, министерства внутренних дел в значительной степени ограничивали их возможности по формированию исторических архивов. В ВУАК это привело к тому, что составление исторического архива практически прекратилось в 1909–1910 гг. [8; 5]. Но работа комиссии не остановилась, ее сотрудники продолжали заниматься просмотром описей дел, присланных из учреждений. Кроме того, члены ВУАК искали другие источники пополнения губернского исторического архива (частные, помещичьи и др.).

Взятые на себя обязанности комиссия не смогла бы выполнить, если бы не сформировался круг единомышленников из числа местной интеллигенции, убежденных в важности работы по сохранению исторического наследия. Состав комиссии изначально формировался по приглашению директора Археологического института с губернатором как из чиновников, так и из частных лиц, "могущих быть полезными комиссии своими познаниями и усердием к делу". Губернатор являлся по должности "непременным попечителем" этого общества.

Профессор Д. Я. Самоквасов в своей книге "Архивное дело в России", вышедшей в 1902 году подверг критике составы губернских архивных комиссий: "Волею судеб архивное дело в России вручено 150–200 "ученым" в ли-

це чиновников, исправников, безграмотных попов, отставных козы барабанщиков и недорослей" [6; 24]. Удовлетворительным состав комиссий профессор Самоков считал, если в них входили архиепископ, губернатор, вице-губернатор, председатель окружного суда, управляющий казенной палатой, воинский начальник, предводитель дворянства, городской голова, настоятель монастыря и ректор семинарии.

При создании архивная комиссия получила "многочисленные изъявления сочувствия и искреннейшие пожелания успехов в многополезной ученой деятельности... и в особенности тронута тем высоким вниманием, каким удостоили ее августейшие особы: их императорские высочества великие князья Сергей Александрович и Константин Константинович, изъявившие согласие принять на себя звание почетных членов ученой архивной комиссии, и его императорское высочество великий князь Георгий Михайлович, милостиво принявший вновь открытую архивную комиссию под своё августейшее покровительство" [4; 1].

За первый 1899 г. своего существования в состав архивной комиссии вошли 116 человек: 14 почетных, 21 пожизненных, 80 действительных и 1 сотрудник. В комиссии были избраны должностные лица – непрменный попечитель Владимирский губернатор генерал-лейтенант Н. В. Цеймерн, председатель Н. П. Урусов, товарищ председателя А. В. Селиванов, правитель дел В. Г. Георгиевский, хранитель архива и библиотекарь А. В. Смирнов и казначей Н. А. Маклаков [4; 1–2].

Весь состав комиссии делился на почетных, пожизненных, действительных и сотрудников. Почетных в составе ВУАК от общего количества членов комиссии было 8,6–12,6% (от 14 до 30 человек), пожизненных – 18,1–44,4% (от 21 до 112 человек), действительных – 39,5–69% (от 80 до 146 человек).

Изучение материалов губернских УАК показывает, что в их составе, особенно среди почетных членов, числилось много известных ученых в области гуманитарных наук, представителей университетских центров – Петербурга, Москвы, Варшавы и др. Вопрос о том какую роль они сыграли в развитии провинциальных научно-исторических сообществ и каким было их участие в работе архивных комиссий является ещё недостаточно изученным. Почетных и пожизненных членов чаще всего избирали заочно на заседаниях комиссии, где двое рекомендуемых обосновывали избрание новых членов их заслугами в науке и возможной пользой для работы данной губернской ученой архивной комиссии. В действительные члены ВУАК желающие вступали после своего заявления и рекомендаций со стороны людей уже состоящих членами этого общества.

Многие из тех, кто получили приглашение стать чле-

нами Владимирской архивной комиссии с удовлетворением и благодарностью принимали его. В письме профессора Варшавского университета А. В. Михайлова, которому предложили стать пожизненным членом ВУАК в 1906 году, было написано следующее: "Владимирская земля всегда влекла и влечёт меня своей седой стариной, встречающейся там повсеместно, и своим крепким укладом коренной русской жизни, и свою наконец мощную северо-великорусскую речь, которая в моих глазах является лучшим и отражением мощного и устойчивого характера своих обитателей, сумевших положить в своё время прочное основание величию России... Поэтому быть членом общества, которое в отведенной ему области поставило себе целью изучать Владимиро-Суздальский край и этим содействовать раскрытию его высокого исторического значения, многими и теперь, увы, забытого или несознаваемого, для меня особенно приятно" [3].

Среди почетных членов ВУАК были такие известные деятели науки и искусства как председатель Московского Археологического общества графиня П. С. Уварова; известный археолог, инспектор и профессор по кафедре церковной археологии и литургики Санкт-Петербургской духовной академии, директор Санкт-Петербургского археологического института Н. В. Покровский; известный историк, профессор В. О. Ключевский, историк, археолог, член-корреспондент, почётный член Петербургской АН, фактический руководитель Исторического музея в Москве И. Е. Забелин; русский учёный, специалист в области античной истории, эпиграфики и искусства, И. В. Цветаев. С 1906 г. почетным членом комиссии стал и ее основатель А. В. Селиванов.

Почетными членами ВУАК состояли так же великие князья Сергей Александрович, Константин Константинович, Владимир Александрович, Георгий Михайлович; министры внутренних дел И. Л. Горемыкин, В. К. Плеве, Б. В. Штюрмер; государственный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода, ученый-правовед, публицист, автор историко-юридических трудов, идеолог самодержавия К. П. Победоносцев; владимирские губернаторы, состоявшие непрменными попечителями и председателями владимирской архивной комиссии; архиепископы Владимирские и Суздальские (Сергий Спасский, Николай Нахимов), предводитель владимирского губернского дворянства В. С. Храповицкий и др.

Наряду с деятелями науки почетными членами ВУАК состояли купцы-меценаты, которые оказывали особенно значительную материальную помощь комиссии. Среди них следует отметить владельца стекольных и хрустальных заводов, члена нескольких научно-исторических и благотворительных обществ Ю. С. Нечаева-Мальцова и др.

Пожизненные члены в основном были местными меценатами, субсидировавшими работу комиссии. Стать пожизненным членом ВУАК можно было при условии

внесения единовременного взноса 500 рублей. Но предложения стать пожизненными членами ВУАК получали так же именитые деятели науки искусства, которые могли оказать реальное содействие научным задачам комиссии. Так среди них сначала оказались, например, И. В. Цветаев, В. О. Ключевский, ставшие вскоре почетными членами ВУАК; беллетрист-народник и этнограф, непрерывный попечитель Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Ф. Д. Нефедов; профессор по кафедре гомилетики и истории проповедничества в Киевской духовной академии, писатель В. Ф. Певницкий; член ученого комитета МНП, управляющий Отделением археологии славянской и русской Императорского Русского археологического общества и руководитель учебной части историко-филологического отделения Санкт-Петербурга высших женских курсов, историк С. Ф. Платонов; историк Русской церкви Е. Е. Голубинский; историк член Российской АН Е. Ф. Шмурло; многие местные любители старины, краеведы.

Действительные члены представляли местную интеллигенцию. Эта категория членов комиссии обязана была ежегодно уплачивать взнос в размере пяти рублей [2]. В число действительных членов ВУАК входило немало священнослужителей (настоятель Успенского кафедрального собора протоиерей А. И. Виноградов, настоятель Дмитриевского собора протоиерей В. В. Косаткин и др.). Единственным членом-сотрудником стал К. П. Смирнов.

При изучении географии представительства видно, что в ВУАК иногородние члены составляли большинство. Связи тянулись в крупные научные центры, в глубокую провинцию и даже за рубеж (Санкт-Петербург, Москва, Кострома, Ярославль, Нижний Новгород, Рязань, Муром, Суздаль, Варшава, Константинополь, Берлин, Париж и мн. др.). Некоторые из сотрудников архивной комиссии одновременно являлись членами нескольких архивных комиссий и других научно-исторических обществ (А. В. Селиванов, А. В. Смирнов и др.).

Когда в Комитете министров в 1884 года обсуждался проект о создании губернских ученых архивных комиссий, было высказано пожелание о привлечении в комиссии "лиц духовного звания, наиболее отличающихся просвещением и любовью к старине, а также некоторых монастырей" [5; 269]. Достаточно активное участие в деятельности ВУАК приняли представители местного духовенства. В ее составе на протяжении двадцати лет (1898–1918 гг.) находилось от 17 до 36 священнослужителей (примерно 10–14 %). Среди них были и архиепископы, и священники сельских приходов.

Участие в деятельности архивной комиссии представителей духовенства не было формальным. Видя большую просветительскую роль этой организации, владимирские священнослужители вносили свою посильную лепту. Они описывали архивы своих приходов, на матери-

алах этих архивов проводили исследования и печатали их в "Трудах ВУАК", создавали и пополняли библиотеки, участвовали в строительстве музея и формировании его коллекций, в охране и реставрации церковных и монастырских памятников архитектуры, в различных мероприятиях, проводимых архивной комиссией (юбилей А. С. Пушкина, чествование памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя, встречи императора Николая II с семьей во время его поездки по Владимирской губернии в 1912 г. и т. д.)

Численность членов ВУАК с момента ее открытия постоянно менялась. На первом общем собрании ВУАК 26 ноября 1898 г. присутствовало всего 30 человек. В 1907 году комиссия состояла из 283 человек. В дальнейшем состав архивной комиссии сокращался и в 1915 и 1916 гг. составил 201 и 205 человек соответственно. Всего членами ВУАК за двадцать лет состояли более 450 человек. Довольно большое количество членов ВУАК и их разнообразный сословный и профессиональный состав говорит о большом интересе общества в провинциальном Владимире и губернии к истории родного края, о желании внести свою посильную лепту в ее изучение.

Участие в работе архивной комиссии каждый из членов принимал разное. Ядро комиссии, состоявшее из должностных лиц ВУАК, и наиболее активных сотрудников собиралось для обсуждения различных проблем довольно часто. Уже на втором собрании 29 ноября 1898 г. они решили, что собрания членов ВУАК должны быть регулярными – ежемесячно, за исключением летних месяцев [1]. Иногда на таких собраниях разгорались настоящие споры. Так, обсуждая вопросы издательской деятельности на собрании 14 марта 1899 г., много споров вызвали принципы печатания тех или иных работ сотрудников ВУАК и деятельности редакционной комиссии.

Состав архивной комиссии постоянно претерпевал изменения. Помимо вступления в число членов архивной комиссии новых людей, происходили переизбрания некоторых действительных членов ВУАК в пожизненные. Качественно комиссия тоже постоянно менялась. В отчете за тринадцатый год существования архивной комиссии (1911 г.) его авторы отметили, что ядро (правление) ВУАК не подвергалось крупным изменениям, однако состав архивной комиссии менялся почти ежегодно, что влияло на продуктивность работы [11; 4]. Неоднократно в отчетах ВУАК звучали слова сожаления, что те или иные задачи архивной комиссии трудно решаемы "по причине недостатка заинтересованных лиц из членов комиссии".

Средний возраст членов ВУАК составлял примерно пятьдесят лет, и он со временем увеличивался. Почти ежегодно из числа членов комиссии выбывали несколько человек по причине смерти. Наибольшие потери по этой причине отмечены в отчетах архивной комиссии в 1902 г. (10 человек), 1906 г. (10 человек), 1908 г. (16 человек) и 1914 г. (12 человек). За восемнадцать лет ВУАК поте-

ряла более 130 членов. В одном из отчетов сотрудники ВУАК писали: "Из почивших такие имена, как архиепископ Никон и И. М. Леонтьев, останутся для архивной комиссии всегда незабвенными: первый из них, живший среди нас, во Владимире, очень короткое время, оставил очень яркий след и как общественный деятель вообще и как в высокой степени доброжелательно относившийся к архивной комиссии, – с его согласия члены бывшего у нас III областного съезда имели возможность детально ознакомиться с церковными древностями Владимирского края. Что касается И. М. Леонтьева, всегда живо интересовавшегося делами архивной комиссии, весь успех того же съезда почти всецело обязан ему; благодаря его же заботам, наш музей внутри отделан так, как немногие отделаны подобные здания и в столицах. И это сделано без всяких расходов со стороны комиссии" [10; 4–5]. Из пожизненных членов был отмечен вклад уроженки Муромского уезда супруги посла русского правительства в Берлине М. И. Остен-Сакен, пожертвовавшей на постройку музея 500 руб., Н. В. Султанова, присылавшего свои произведения, протоиерея А. И. Виноградова – первого историка Владимирского Успенского кафедрального собора, неутомимого труженика "в деле реставрации этого древнего церковного памятника", автора нескольких произведений по истории края. "Почти все почившие члены или принимали самое горячее участие в делах архивной комиссии, как например М. С. Померанцев, начавший было энергично разбирать и описывать архив Александровского полицейского управления, пользовавшийся известностью как нумизмат – постоянно жертвовавший в музей комиссии из своего обширного собрания монеты, и, наконец, как любивший историю – помещавший на страницах "Трудов" комиссии свои интересные разыскания; далее – как Ю. Г. Гейдуне, производившая раскопки в Покровском уезде и свои находки там пожер-

твовавшая в наш музей; Забелин, Вахрамеев и Рогожин останутся особо памятными, как жертвователи своих трудов и изданий" [10; 4]. За двенадцатый год деятельности ВУАК отметила, что "особенно тяжела для комиссии потеря троих действительных членов: А. П. Безсонов всегда живо интересовался ее деятельностью, входил заметно в ее интересы; П. П. Кудрявцев – был одним из действительных археологов нашего края, признанным таковым и такими авторитетными учреждениями, как Императорское Московское археологическое общество; в нашем музее есть большое, и при том образцовое, собрание каменных орудий, пожертвованное им еще в 1905 г.; С. Д. Смирнов был усердным пропагандистом идеи нашей архивной комиссии в таком промышленном центре, как г. Иваново–Вознесенск, и материально обеспеченный в последние годы жизни своей, он не раз содействовал нашей комиссии, в осуществлении намеченных ею задач, своими посильными жертвами" [8; 4]. Пожизненные члены Ф. К. Сахаров, А. А. Титов, архимандрит Мисаил обогащали издания архивной комиссии своими трудами, пополняли библиотеку и жертвовали деньги на нужды ВУАК.

В ежегодных отчетах ВУАК заслуги перед комиссией отдельных ее членов отмечены достаточно четко. Благодаря этим сведениям можно представить, сколь велика была работа архивной комиссии в целом, и насколько вклад каждого члена ВУАК способствовал реализации научно–просветительских задач этого провинциального сообщества. Поэтому потери среди активных членов архивной комиссии влияли на продуктивность ее деятельности. Тем не менее, руководство ВУАК всегда отмечало необходимость активизации деятельности комиссии. Большую роль в этом играли как ее организаторы, так и рядовые члены ВУАК, преданные просветительским идеям.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 3. Л. 10–13
2. ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 3. Л. 6
3. ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 4. Лл. 165–об.
4. Георгиевский В. Г., Маклаков Н. А. Отчет о деятельности ВУАК за первый год ее существования (1899). // Труды ВУАК. Кн. II. Владимир, 1900.
5. Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М. 1960.
6. Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России. М., 1902. Кн. 1. С. 24
7. Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т. 1. Петроград, 1916.
8. Смирнов А. В., Трегубов М. И. Отчет о деятельности ВУАК за двенадцатый год ее существования (1910 г.). // Труды ВУАК. Кн. XII. Владимир, 1911.
9. Смирнов А. В., Трегубов М. И. Отчет о деятельности ВУАК за десятый год ее существования (1908 г.) // Труды ВУАК. Кн. X. Владимир, 1909.
10. Смирнов А. В., Трегубов М. И. Отчет о деятельности ВУАК за одиннадцатый год ее существования (1909 г.) // Труды ВУАК. Кн. XI. Владимир, 1910.
11. Смирнов А. В., Трегубов М. И. Отчет о деятельности ВУАК за тринадцатый год ее существования (1911 г.) // Труды ВУАК. Кн. XV. Владимир, 1912.
12. Туманова А. С. Формирование общественности и опыт ее самоорганизации: конец XVIII–начало XX вв. / А. И. Кошелев и его время: материалы Международной научной конференции, посвященной 200–летию со дня рождения А. И. Кошелева, 23–25 мая 2006 года / Отв. ред. П. В. Акулышин, И. Н. Гребенкин; Ряз. Гос. ун–т им. С. А. Есенина. – Рязань, 2007.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII - НАЧАЛЕ XX в. (на примере губернского города Владимира)

THE DEVELOPMENT OF HEALTH SYSTEM IN RUSSIA IN THE LAST QUARTER OF XVIII - THE BEGINNING OF XX CENTURY (on the example of the provincial city of Vladimir)

N. Myagtina

Annotation

The article is devoted to the main stages of development of the health system in Russia as the example of the provincial city of Vladimir in the last quarter of XVIII – the beginning of XX century. Object of research is the evolution of governmental policy and health care activity of state structures of medical aid to the population of Vladimir and Vladimir region in the specified period. The subject of study includes state structures of the health system, functioning in the analyzed period in Russia and the provincial city of Vladimir.

Keywords: health, state health care system, the provincial city of Vladimir.

Мягтина Надежда Владимировна
К.и.н., доцент каф. музеологии
и истории культуры Владимирского
государственного университета
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

Аннотация

Статья посвящена основным этапам становления и системы здравоохранения в России на примере губернского города Владимира в последней четверти XVIII – начале XX в. Объектом исследования является эволюция правительственной политики в сфере здравоохранения и деятельность государственных структур Владимира и Владимирской губернии по оказанию медицинской помощи населению в указанный период. Предметом изучения выступают государственные структуры системы здравоохранения, действовавшие в данный период в России и губернском городе Владимире.

Ключевые слова:

Здравоохранение, государственная система здравоохранения, губернский город Владимир.

Цель исследования заключается в изучении основных этапов становления и развития системы здравоохранения в России на примере губернского города Владимира в последней четверти XVIII – начале XX в.

Хронологические рамки работы охватывают период с последней четверти XVIII в. до начала XX в., при этом можно выделить несколько периодов. Первый этап связан с Губернской реформой 1775 г., в ходе которой были созданы первые государственные органы медицинской и социальной помощи населению – приказы общественного призрения. Следующий этап ознаменован Великими реформами 60 – 70-х гг. XIX в., когда в большинстве губерний приказы были ликвидированы и функции здравоохранения, а также социальной защиты населения переданы местному самоуправлению – земствам. Конечным рубежом стали коренные изменения всей государственной системы, произошедшие после событий октября 1917 г.

Для изучения проблемы становления системы здравоохранения в губернском городе Владимире привлека-

лась делопроизводственная документация местных учреждений, характеризующаяся высокой степенью информативности и достоверности. Она отложилась в следующих фондах Государственного архива Владимирской области (ГАВО): Канцелярии губернатора (ф. 14), Владимирского наместнического правления (ф. 15), Владимирской губернской врачебной управы (ф. 489), Владимирского комитета общественного здравия (ф. 490), Владимирского приказа общественного призрения (ф. 538), Конторы Владимирских благотворительных заведений (ф. 539) и др. Для достижения исследовательских задач наибольшее значение имеют документы, сосредоточенные в фонде Владимирского приказа общественного призрения и Владимирской губернской врачебной управы. Так, годовые отчеты этих структур содержат сведения о состоянии больниц в городах губернии, медицинских кадрах, основных направлениях предупреждения и борьбы с эпидемиями и эпизоотиями. [29; 54]

Обратимся к истории становления государственной системы здравоохранения в России. Основы правительственной политики в сфере медицинского обслуживания населения были заложены с момента учреждения в 1581

г. Аптекарского приказа. [38; 214] Изначально приказ являлся придворным медицинским учреждением: в его обязанности входило лечение царя, его семьи и приближенных. [26; 298] Приказ управлял царской аптекой, контролировал деятельность медицинского персонала. Он также занимался приглашением на службу иностранных врачей, которые подвергались экзаменам и, "оказавшихся невежественными", должен был выгонять "без жадного озлобления". [39; 934]

В функции Аптекарского приказа входила организация противоэпидемических мероприятий: "распоряжался береженьем Москвы от заразы". [39; 934] Известно, что с этой целью в 1592 г. впервые в стране были введены пограничные карантинные. [40; 886]

В XVII в. на Аптекарский приказ была возложена организация медицинской службы в русской армии: руководство медицинским персоналом в период войн, снабжение войск медикаментами, организация временных военных госпиталей, освидетельствование солдат на пригодность к несению военной службы. А при Михаиле Федоровиче появились полковые врачи, получавшие жалованье из казны. [40; 886]

В первой четверти XVIII в. благодаря реформам Петра Великого управление лечебными заведениями было поставлено на государственную основу. В 1714 г. Аптекарский приказ был преобразован в Канцелярию главной аптеки, затем – Медицинскую коллегия, а в 1721 г. – Медицинскую канцелярию.

Медицинская канцелярия стала единым органом управления медико-санитарным делом. Одной из важнейших ее функций стало определение прав на врачебную практику. [26; 302] В соответствии с указом 1721 г. докторам не разрешалось "проводить вольную практику не подвергнувшись испытанию в медицинских науках от Медицинской канцелярии". [26; 302]

В течение 1739 – 1797 г. для управления городским здравоохранением в Петербурге и Москве действовали физикаты. Возглавляли их штат-физики, выполнявшие функции санитарных и судебных врачей. [26; 302]

Новый этап в развитии здравоохранения в России приходится на правление Екатерины II. Осуществляя программу создания лечебных заведений, императрица в июне 1763 г. подписала указ "Об учреждении в Москве первой градской больницы имени цесаревича князя Великого Павла Петровича". Больница была открыта 14 сентября 1763 г. Сначала она была рассчитана на 25 коек, а с 1766 г. число мест увеличено вдвое. Павловская больница существует и сейчас и носит название 4-й городской клинической больницы. [4; 197]

В период правления Екатерины II развивались медицинское образование и наука. Так, в 1764 г. по инициативе М. В. Ломоносова был открыт Медицинский факультет Московского университета. Он стал крупнейшим центром развития медицинского образования. С приходом русских ученых обучение в университете приобрело практическую направленность.

Выдающимися представителями медицинской науки в России этого времени были первый русский профессор медицины С. Г. Зыбелин, анатом и хирург М. И. Шеин, эпидемиолог Д. С. Самойлович, акушер и педиатр Н. М. Максимович-Амбодик и др. [40; 887]

В 1765 г. возникло Вольное экономическое общество – первое русское научное общество, сыгравшее важную роль в пропаганде гигиенических знаний и развитии оспопрививания. [26; 300]

В 1768 г. впервые по инициативе Екатерины II было проведено прививание оспы. Оно было "произведено при императорском дворе английским врачом Димздалем". [5; 238] В том же году в Петербурге был учрежден специальный Оспопрививательный дом. Прививание в нем осуществлялось на бесплатной основе два раза в год: весной и осенью. Так, в 1789 г. было привито 190 детей обоего пола, а в 1792 г. – 142 мальчиков и девочек. [5; 239]

В 1786 г. была проведена реформа медицинского образования. Госпитальные (медико-хирургические) школы были отделены от госпиталей и преобразованы в самостоятельные медико-хирургические училища. В новых учебных заведениях теоретическое обучение было усилено за счет практического, преобладавшего в госпитальных школах. [5; 301]

В 1798 г. в соответствии с указом императора Павла I в Петербурге на основе госпитальной школы была организована Медико-хирургическая академия. Специально для нее по проекту архитектора А. Порто было построено здание на Выборгской стороне. В этом учебном заведении велась подготовка врачей, ветеринаров и фармацевтов "во всех частях врачебной науки". [21; 24]

Медико-хирургическая академия стала не только единственным в Петербурге высшим медицинским учебным заведением, но и крупнейшим центром медицины в стране, где работали известные врачи профессора: И. П. Франк, хирурги И. Ф. Буш, Н. И. Пирогов и др.

При Екатерине II происходило активное развитие государственных структур управления здравоохранением. Для центрального управления врачебным делом в 1763 г. была упразднена Медицинская канцелярия и образо-

вана Медицинская коллегия, которая подчинялась Сенату. Медицинская коллегия состояла из двух департаментов: коллегии "докторского и лекарского искусства" и экономической канцелярии, которые размещались в Петербурге. [5; 227] В Москве располагалась контора коллегии, которую возглавлял штатд-физик. [40; 887]

Медицинская коллегия занималась организацией медицинского обслуживания населения, вопросами снабжения и подготовки врачебного персонала, медико-санитарным законодательством и развитием медицинской науки. [1; 632]

Главной задачей Медицинской коллегии была организация медицинской помощи населению. Например, согласно "Учреждениям для управления губерний" в губернские и уездные города должны были назначаться врачи, деятельность которых контролировалась Медицинской коллегией в столице.

С целью качественной подготовки врачебного персонала Медицинская коллегия проверяла деятельность врачебных училищ, проводила экзамены для всех практикующих в России докторов, операторов, лекарей и аптекарей, занималась приглашением врачей-иностранцев. [40; 887]

В ходе проведения Губернской реформы 1775 г. в каждой губернии были организованы приказы общественного призрения. Они стали первыми государственными структурами, оказывавшими медицинскую помощь населению в провинции.

В соответствии с "Учреждениями для управления губерний" приказы, в первую очередь, должны были заниматься делами здравоохранения: организовывать и содержать медицинские заведения (больницы, аптеки и др.). [34; 380]

Владимирский приказ общественного призрения был основан в 1779 г. Первый этап его деятельности был отмечен основанием в губернском городе медицинских заведений: больницы и отделения для душевнобольных. Так, в 1782 г. при выезде из Владимира на левой стороне Большой Нижегородской дороги было открыто первое в городе медицинское учреждение – больница. [28; 36] В том же году при ней было организовано отделение для душевнобольных. [7; 2]

Вначале больница была рассчитана на 24 человека. Принимали в нее в первую очередь пациентов, не имевших средств к существованию, а затем уже владельческих крестьян и состоятельных жителей города, за лечение и содержание которых взималась плата. [32; 125] Например, за питание с "имущих" брали по 2 р. 50 к. в ме-

сяц. [23; 3]

В 1798 – 1801 гг. на средства Владимирского приказа по плану архитектора И. Чистякова в губернском городе был построен комплекс благотворительных заведений, где в новом и более просторном здании разместилась больница с несколькими отделениями. Главный корпус предназначался для больных мужского пола. Он состоял из 18 палат и был рассчитан на 120 кроватей. Специально для больных арестантов отводились три палаты. Второй корпус был отдан под женское отделение. Третий корпус предназначался для душевнобольных и состоял из мужского и женского отделений. В комплекс также входили "аптека, приемные покои, операционная, лаборатория и др." [37; 20]

Больница и отделение для душевнобольных находились на полном обеспечении Владимирского приказа, который выдавал деньги на приобретение медикаментов, продовольствия и одежды больным, а также выплачивал жалование обслуживающему персоналу. Так, по данным 1852 г. заработная плата служащим больницы в составе 19 человек составляла 962 р. в год, а 1865 г. – 1390 р. [31; 166]

В начале 1853 г. в связи с угрозой распространения во Владимирской губернии эпидемии холеры из МВД поступило предписание об учреждении при больнице приказа специального отделения, рассчитанного на 25 человек. Владимирский приказ выделил 560 р. на приобретение для холерного отделения белья, одежды и обуви. [18; 7] Для размещения отделения приказ арендовал дом у чиновницы А. Ф. Вороиной. [19; 23] Это отделение было закрыто в октябре 1853 г. в связи с окончанием эпидемии. [27; 35]

Согласно указу императора Павла I от 19 января 1797 г. в каждой губернии были учреждены Врачебные управы. [40; 75]

Согласно Врачебному уставу к их обязанностям относилась борьба с эпидемиями и эпизоотиями; надзор за больницами и аптеками; контроль над деятельностью врачей; составление медико-топографического описания местности; выполнение функций судебной медицины; надзор "за доброкачественностью съестных припасов". [36; 176]

Во Владимирской губернии Врачебная управа была образована в 1797 г. В мае того же года Медицинская коллегия обратилась к владимирскому губернатору с просьбой выделить для нее помещение. Через месяц Владимирское губернское правление определило для нее две комнаты с обстановкой, а также "писаря и сторожа, да денег на мелкие расходы – 80 р., на разъезды – 200 р." [24; 3]

В состав Владимирской врачебной управы входил доктор, выполнявший обязанности инспектора медицинской службы, хирург и акушер. Первым инспектором управы стал Иван Слонецкий. В 1807 – 1830 гг. эту должность занимал коллежский асессор Невианд. [37; 18]

В течение 1830 – 1866 гг. Владимирскую управу возглавлял Митрофан Иванович Алякринский (1794 – 1873). В 1821 г. он окончил Московский университет, а затем был назначен субинспектором Медицинского института. В декабре 1825 г. Митрофан Иванович защитил диссертацию в Московском университете, получив степень доктора медицины. [37; 19]

Как практикующий врач, Алякринский довольно скоро стал популярным не только во Владимире, но и во всей губернии, особенно после эпидемии холеры, охватившей губернию в 1831 г. Он также преподавал медицину во Владимирской духовной семинарии. Им были написаны две статьи: "О пособии утопшим, замерзшим, угоревшим, задохшимся в неспособном для дыхания воздухе и лишившимся чувств от ушиба" и "Описание оподельдока Моренкова, составленный преемником его, доктором Алякринским". [37; 20]

Митрофан Иванович
АЛЯКРИНСКИЙ

Алякринский продолжил дело своего наставника Дмитрия Павловича Моренко (1759 – 1830) – знаменитого суздальского врача. Моренко, получив образование в Петербурге, с 1783 г. служил в Морском и Сухопутном госпиталях хирургом. [3; 4] Выйдя на пенсию, он приобрел в Суздале большой участок земли, на котором разбил

огород и сад, оборудовал лабораторию и стал заниматься производством собственных лекарственных средств. Моренко изготовлял оподельдок – крепкую летучую мазь, а также мятную эссенцию. За изобретение лекарств Александр I пожаловал ему золотую медаль. [25; 139]

Кроме этого, Дмитрий Павлович изобрел дегтярное мыло и построил в Суздале фабрику для его изготовления, а затем по особому способу – и цикорий кофе, для выпуска которого долгое время действовал специальный завод на реке Каменке. [25; 138] За изобретенные лекарства и рецепт домашнего кофе Моренко был избран членом Вольного экономического общества. [25; 139]

Первым доктором Владимирской врачебной управы стал врач и акушер Иоганн Фридрих Людвиг Каппель. [23; 3] Губернский доктор Каппель, именуемый в народе, Федором Федоровичем, был ганноверским подданным. Его отец состоял профессором медицины в университете Юлии Каролины. Решив пойти по стопам отца, Иоганн поступил на медицинский факультет университета. Затем для приобретения навыков для врачебной практики путешествовал по Европе. Его докторская диссертация была посвящена лечению эпилепсии. [35; 57]

С 1781 г. И. Каппель стал работать как практик. В 1786 г. по рекомендации первого королевского медика Великобритании И. Г. Циммермана был приглашен на службу в Россию. В сентябре 1786 г. получил должность губернского доктора во Владимире "с приобретением чина коллежского асессора и годового оклада в 800 р." [35; 57]

Помимо практической деятельности И. Каппель занимался научной работой. В 1795 г. он составил и отправил в Медицинскую коллегию перечень лекарственных трав, произрастающих в окрестностях Владимира. В 1796 г. Каппель приобрел деревянный дом недалеко от Золотых ворот, где поселился со своим семейством. В мае 1799 г. он уехал лечиться в Москву, однако и столичные врачи "оказались бессильны против водяной болезни". [35; 58]

Владимирская врачебная управа занималась охраной здоровья и предупреждением эпидемий. В течение 1797 – 1866 гг. управой совместно с Владимирским приказом велась борьба с эпидемиями и эпизоотиями. Проводилось содействие оспопрививанию и борьба с холерой. [17; 70] Так, в 1826 г. в губернии свирепствовала оспа, в 1830, 1840 и 1853 гг. – холера. В результате холерной эпидемии 1848 г. в губернии умерло 23 438 чел., а в 1853 г. – 5540 чел.

Сотрудниками управы велось содействие оспопрививанию. Пояснение о его пользе с 1804 г. было возложено на представителей духовенства. Но население отка-

зывалось от него в силу предрассудков. Священники пытались воздействовать на прихожан, проповедуя, "что не использовать известных мер предосторожности в силу своих предрассудков и упрямству, значит отягощать совесть свою тяжелым преступлением, сопряженным с убийством". Убеждение проходило и другим способом: привитых детей ставили в церкви впереди, на особом месте, и после богослужения – объявляли имена привитых и выздоровевших, и тех, кто потеряли своих детей из-за собственной небрежности. По данным 1845 г. в губернии была привита оспа 33 950 младенцам. [37; 17]

Для борьбы с холерой Врачебной управой предписывалось распространять в виде листовок краткие наставления профессора, доктора медицины М. Я. Мудрова. [15; 3] Его работа, называвшаяся "Краткое наставление о холере и способе, как предохранять себя от оной...", была издана во Владимире в 1830 г.

Врачебная управа проводила медицинские освидетельствования по судебным, гражданским и уголовным делам. В случае подтверждения врачом факта насильственной смерти дело передавалось судебному следователю. Во Владимире судебная экспертиза проводилась по требованию Полицейской управы содержанием так называемой "Старой аптеки" провизором Яманом в присутствии членов Врачебной управы.

Сотрудниками управы проводились судебно-химические исследования "над разного рода веществами, присланными следователями и Полицейской управой". [11; 10] Так, во Владимирской губернии довольно частыми были случаи отравления мышьяком: только за 1863 г. в губернии по этой причине скончалось 253 чел. [11; 12]

Врачебная управа вместе с городской полицией осуществляла общий надзор за продаваемыми продуктами и напитками. С этой целью проводились следующие мероприятия: осмотр мясных, рыбных и овощных лавок, трактиров, харчевен, винных погребов, пивных лавок и др. [11; 13]

Как свидетельствуют документы, инспектор Врачебной управы во время объезда губернии осматривал в городах трактиры, мясные и овощные ряды. Так, во Владимире в 1845 г. им были замечены следующие нарушения: "продавалась телятина и свинина, надутая воздухом"; "на весах медные чашки не были очищены от ржавчины", а при осмотре одного из трактира, где хранилась соленая рыба "запах был настолько несносным, что было тут же назначено эту рыбу истребить". [9; 7] О замеченных беспорядках управа докладывала губернатору и городской полиции.

Владимирская Врачебная управа контролировала де-

ятельность государственных и вольных (частных) аптек. Члены управы должны вести протоколы, где отмечалось "исправность или неисправность каждого аптекаря", следить за четким исполнением рецептов, надзирать за продажей лекарственных веществ, в особенности ядовитых и сильно действующих. Например, в 1856 г. содержанию Новой аптеки города было сделано замечание о том, что для хранения трав не было сделано необходимых ящичков, а их "содержание в кульках" не соответствовало санитарным нормам. Кроме того, как обнаружили сотрудники управы "некоторые сильнодействующие средства не были помещены в особые шкафы с замком и печатью", что также противоречило "Аптекарскому уставу". А содержанию Старой владимирской аптеки Самуилу Бренейзену наоборот была высказана благодарность "за содержание аптеки в наилучшем порядке и содействие при судебно-медицинских исследованиях". [10; 17]

Врачебная управа сотрудничала с приказом общественного призрения. Так, инспектор Врачебной управы должен был принимать участие в заседаниях общего присутствия приказа, посвященных медицинским вопросам и деятельности подведомственных лечебных учреждений. [16; 3]

По данным 1863 г. в штате Владимирской врачебной управы работало 13 уездных и 16 городских врачей, один хирург, один губернский ветеринарный врач, а также 26 аптекарских учеников. Кроме того, при Палате государственных имуществ находилось 5 врачей. Помимо государственных медицинских учреждений и врачей, состоящих на государственной службе, были врачи вольнопрактикующие. Их услугами пользовались люди богатые и состоятельные. Практически в каждой помещичьей усадьбе был доктор, занимающийся лечением "господ" и крепостных крестьян. [19; 70]

Таким образом, Владимирская врачебная управа контролировала деятельность больничных и аптечных учреждений, городских и уездных врачей, и осуществляла ряд мер, направленных на борьбу с эпидемиями, а также предупреждение эпизоотий. Она стала первым в губернии учреждением, которое в течение 1797 – 1866 гг. совместно с приказом общественного призрения занималась охраной здоровья.

В начале XIX в. система управления здравоохранением в России претерпела коренное изменение. В ходе организации министерств была упразднена Медицинская коллегия. Ее обязанности были распределены между МВД, военным ведомством (сухопутных и морских сил), а подготовка медицинских кадров возложена на Министерство народного просвещения. [26; 304]

К местному врачебному управлению относились со-

зданные в губернском городе комитеты: Комитет общественного здоровья, оспенные и холерные комитеты. Они находились в ведении Медицинского департамента МВД и организовывались в случае эпидемий. Так, Оспенный комитет был открыт во Владимире в 1829 г. В его состав входили: вице-губернатор, инспектор Врачебной управы, кафедральный протоирей, городской голова.

Холерный комитет был впервые открыт во Владимире 3 июля 1831 г. В его состав входили выборный представитель дворянства, вице-губернатор, управляющий удельной конторой, командир внутреннего гарнизонного батальона и инспектор Врачебной управы. Цель комитета заключалась в "принятия мер, препятствующих распространению холеры в губернии", в том числе проведение агитации среди населения. Так, для борьбы с эпидемией выпускались специальные "Прибавления" к газете "Владимирские губернские ведомости", которые бесплатно раздавались всем желающим и, в первую очередь, духовенству, которое затем распространяло их среди своих прихожан. [12; 34]

В 1831 г. в связи с эпидемией холеры Владимир был разделен на 10 кварталов и каждый квартал, в свою очередь, был разбит еще на несколько отделений. Для управления ими назначались лица из числа дворян, чиновников и горожан. Кварталы возглавляли попечители, отделения – надзиратели. Они снабжались описанием каждой улицы и правилами, извлеченными из распоряжений МВД, касающихся мер борьбы с холерой.

В августе 1831 г. было выделено специальное помещение для лазарета, куда помещали заболевших холерой "с целью обезопасить здоровых жителей". [8; 3] В мае 1832 г. в связи с прекращением эпидемии Холерный комитет был закрыт. [8; 4]

К концу февраля 1852 г. во Владимире был создан Комитет общественного здоровья. Согласно предписанию МВД от 14 февраля 1852 г. в его обязанности входило "попечение о народном здравии, ограничении действий эпидемических заболеваний, предупреждение и пресечение падежей скота". Ответственность за организацию губернского комитета была возложена на губернатора, уездных комитетов – на уездных представителей дворянства. [12; 2]

В состав губернского Комитета общественного здоровья входили представители администрации (губернатор, городской голова, полицмейстер, палатой государственных имуществ, управляющий удельной конторой), инспектор Врачебной управы, помощник ветеринарного врача, городские и ветеринарные врачи, назначаемые Врачебной управой, а также представители духовенства. [12; 4]

В 1853 г. в связи с эпидемией холеры во Владимире инспектор Врачебной управы Алякринский на очередном заседании Губернского комитета предложил "разделить город между врачами, чтобы всем жителям и полиции было известно, к кому необходимо обращаться за помощью". [13; 32] В случае эпидемий подобным образом действовали и уездные комитеты, так как это помогало справиться с заболеваниями более оперативно и эффективно. [13; 34]

Владимирский комитет общественного здоровья ежегодно представлял в МВД сведения об эпидемиях и падежах скота в губернии, а также мерах, принятых для борьбы с ними. Так, согласно отчету за 1855 г. в конце июня началась эпидемия холеры. В числе больных был 181 чел., из которых 79 чел. умерло и 102 – выздоровело. [14; 3]

Комитеты общественного здоровья финансировались за счет средств Владимирского приказа и уездных казначейств. Однако наиболее важной проблемой являлась нехватка средств. Многим уездным комитетам приходилось арендовать помещения для размещения больных во время эпидемий. Остро стояла проблема нехватки медицинского персонала. Губернский и уездные комитеты общественного здоровья во Владимирской губернии были закрыты в 1871 г.

Таким образом, губернские комитеты включали членов губернской администрации, представителей структур городского самоуправления, а также сотрудников медицинских учреждений, что объяснялось чрезвычайным характером их деятельности.

Важные изменения в организации всей системы здравоохранения страны были связаны с созданием выборных представительных учреждений местного земского (1864) и городского (1870) самоуправления. Так, в 1864 г. было введено "Положение о губернских и уездных земских учреждениях". Этим документом было положено начало деятельности всесословного местного самоуправления – земства, к числу обязанностей которого относилось "попечение о народном здравии".

С образованием земских органов самоуправления количество лечебных учреждений и число их пациентов значительно увеличилось. Основанные Владимирским приказом больницы и отделение для душевнобольных перешли в ведение губернского земства. По данным 1876 г. в течение года в этих медицинских учреждениях содержалось 1166 человек. [20; 2]

Наряду с земскими лечебными заведениями в 1886 г. во Владимире была создана бесплатная лечебница-амбулатория, находившаяся в здании полицейского участка

на Никитской площади. Больных принимали в ней независимо от социального и материального положения. [33; 128]

В начале XX в. в городе действовало 4 амбулатории, каждая из которых принимала в среднем по 8 тыс. человек в год. [33; 128] Например, в 1893 г. была открыта амбулатория при Георгиевской общине сестер милосердия. Среди врачей, которые вели бесплатный прием, были очень известные в городе доктора: Н. П. Воскресенский, А. В. Смирнов, В. Н. и Н. Н. Овчининские. Среди женщин-врачей следует отметить сестру известного владимирского писателя Н. Н. Златовратского – Анну Николаевну Златовратскую–Харламову. [2; 4]

Число врачей и медицинского персонала увеличивалось в регионе из года в год. Так, по данным 1886 г. во Владимире числилось 18 врачей и 51 человек медицинского персонала (фельдшеров, акушерок), из них в губернской земской больнице города работало 7 докторов, 11 фельдшеров и один аптекарский помощник. [6; 33]

Всего по данным 1886 г. в губернии работало 110 врачей. [6; 33] Наибольшей известностью пользовались владимирский городской врач Василий Васильевич Веселовский, владимирские уездные врачи Евгений Иванович Фаворский и Исайя Григорьевич Браудо, вольнопрактикующий врач Августин Игнатьевич Яновский и др. [6; 33]

Организация специализированных санитарных структур во Владимире началась в 1882 г., когда при губернской земской управе была учреждена санитарная комиссия, преобразованная через год в санитарное бюро. В 1892 г. в составе городской управы была создана санитарно-исполнительная комиссия. Ее председателем являлся городской глава. В состав комиссии входили представители структур городского самоуправления (члены Городской управы, Городской думы, Земской управы), администрации города (полицмейстер, исправник Владимирского уезда), врачебный персонал (городской и уездный врачи и др.) [33; 127]

С целью борьбы с эпидемиями создавались общества

охраны здоровья. Так, в 1890 г. во Владимире было основано Медицинское общество. В эту организацию входили городские, земские, частнопрактикующие и фабрично-заводские врачи. Основными направлениями работы общества стало научное, просветительское, благотворительное и санитарное. [22; 19]

Итак, в первой половине XIX – начале XX вв. был сделан значительный шаг в оказании медицинской помощи всем слоям городского населения провинциальных городов России путем расширения числа губернских и уездных городов, где имелись больницы, дома для душевнобольных, аптеки. Так, в 1852 г. в государственных медицинских заведениях Владимирской губернии содержался 2681 чел., из них 1195 чел. – в больнице и отделении для душевнобольных Владимира (содержание одного в пациента в больнице составляло 1 р. в месяц, в отделении для душевнобольных – 1,49 р.) [30; 128]. Таким образом, в губернском центре медицинская помощь была оказана 8 – 9 % населения.

К недостаткам работы в области здравоохранения можно отнести нехватку больничных коек, малочисленность медицинского персонала. Кроме того, значительная часть бюджета Владимира шла на содержание полиции, военных и гражданских чиновников, а не на развитие здравоохранения. Например, в 1829 г. на полицию и пожарную команду тратилось 37,2 % городского бюджета, на содержание чиновников – 25,4 %, а на здравоохранение шло не более 1%.

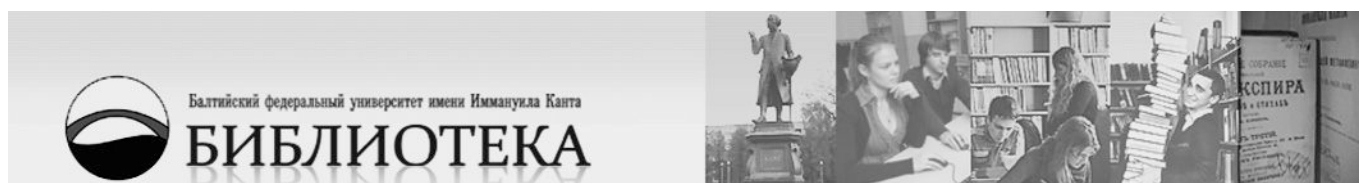
Развитие здравоохранения в губернском городе Владимире в дореформенный период происходило в рамках приказной системы, которую в 60–х гг. XIX в. сменила земская модель. С образованием земских органов самоуправления количество лечебных учреждений, число медицинского персонала и их пациентов значительно увеличилось. Впервые за всю историю страны медицинские учреждения стали обычным явлением провинциальной жизни. Земские врачи придавали большое значение профилактике заболеваний, боролись с эпидемиями. Новым принципом работы земских учреждений стал сохранявшийся и по сей день участковый принцип медицинского обслуживания населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия. Т. 26. М., 1954. 652 с.
2. Владимирская Георгиевская община сестер милосердия. Владимир, 1902. 87 с.
3. Владимирские губернские ведомости. 1849. Неофициальная часть. № 36. С. 3 – 4.
4. Власов П. В. Обитель милосердия. М.: Моск. рабочий, 1991. 303 с.
5. Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом. СПб., "ЛИГА", 1996. 528 с.
6. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 2. Д. 343.

7. ГАВО. Ф. 15. Оп. 6. Д. 56.
8. ГАВО. Ф. 431. Оп.1. Д. 26.
9. ГАВО. Ф. 489. Оп. 1. Д. 637.
10. ГАВО. Ф. 489. Оп.1. Д.1186.
11. ГАВО. Ф. 489. Оп. 1. Д.1547.
12. ГАВО. Ф. 490. Оп.1. Д.2.
13. ГАВО. Ф. 490. Оп.1. Д. 3.
14. ГАВО. Ф. 490. Оп 1. Д. 20.
15. ГАВО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 2.
16. ГАВО. Ф. 538. Оп. 1. Д. 290.
17. ГАВО. Ф. 538. Оп. 1. Д. 434.
18. ГАВО. Ф. 538. Оп. 1. Д. 450.
19. ГАВО. Ф. 538. Оп. 1. Д. 499.
20. ГАВО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 63.
21. Даринский, А. В. Высшие учебные заведения старого Петербурга. СПб: Глагол, 2002. 96 с.
22. Добрынина А. М. Неполитические общественные организации Владимирской губернии, Автореф. дис. канд. ист. наук. Иваново: Иванов. гос. университет, 2001. 27 с.
23. Дятлова Н. Первая в крае больница // Молва. 1993. 14 сентября. С. 3.
24. Дятлова, Н. "Стол, покрытый сукном с зеркалом" – с этого началась врачебная управа // Местное время. 1994. 24 сентября. С. 3
25. Кичигин М., Иванов А. Владимирское ополье. Историко-хозяйственный очерк/ под ред. А. Жучина. Владимир, 1993. 380 с.
26. Малая медицинская энциклопедия: в 6-ти т. / Гл. ред. В. И. Покровский. Т. 3. М. : Большая Российская энциклопедия, 1992. 434 с.
27. Мягтина Н. В. Медицинское обслуживание населения в губернском городе Владимире в дореформенный период XIX в. // А.И. Кошелев и его время: материалы международной научной конференции. 23 – 25 мая 2006 г. Рязань, 2007. С. 35 – 38.
28. Мягтина Н. В. Общественное призрение во Владимирской губернии (последняя четверть XVIII – 60-х гг. XIX вв.)// Материалы международной научной конференции "Динамика научных исследований 2008", 14 –15 июля 2008 г. Болгария, София, 2008. С. 36 – 40.
29. Мягтина Н.В. Отражение истории здравоохранения и социального попечения в фондах Государственного Архива Владимирской области // Прага, Publishing House "Education and Science" s.r.o., 2010. Материалы II международной научно-практической конференции – "Новости научной мысли – 2010". С. 54 – 57.
30. Мягтина Н. В. Развитие социальной медицины во Владимирской губернии (последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв.) // Инновационные технологии в гуманитарных науках": Труды международной конференции. Ульяновск, 2008. С. 58 – 61.
31. Мягтина Н. В. Становление системы здравоохранения во Владимирской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. // Материалы Межрегиональной краеведческой конференции (28 апреля 2008 г.). Владимир, 2009. С. 166 – 169.
32. Мягтина Н. В. Становление системы здравоохранения в губернском городе Владимире в последней трети XVIII – первой половине XIX вв.// Дни славянской письменности и культуры. Материалы научно-практической конференции. 24 – 25 мая 2008 г. Владимир. Владимир: ВлГУ, 2008. С. 125 – 129.
33. Носова Е. С. Деятельность Владимирской губернской администрации по "охранению народного здравия" в 1870 – 1905 гг. // Материалы XV Межрегиональной краеведческой конференции (16 апреля 2010 г.). Владимир: б/и, 2010. С. 127 – 131.
34. Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е. Т. 20. № 14 357. ст. 380.
35. Пугина Т. А. "В день стократно тебя вспоминаю" // Старая столица: краеведческий альманах. Вып. 3. Владимир, 2007. С. 57 – 59.
36. Свод законов Российской империи. Т. 13. Устав врачебный. СПб, 1857. С. 176 – 211.
37. Смирнов А. В. Материалы для истории медицины во владимирской губернии. Ч. 1. Владимир: "Типо-Литография Губернского правления", 1901. 22 с.
38. Энциклопедический словарь. Россия. СПб., 1898. 987 с.
39. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 2. СПб., 1896. 989 с.
40. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 36. СПб., 1898. 985 с.

© Н.В. Мягтина, (kafedramz@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОНАРХИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ проект 14-11-33002.

REGIONAL MONARCHIST ORGANIZATION OF VLADIMIR PROVINCE IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

I. Omeliyanchuk

Annotation

The article describes the creation, social composition and main activities regional monarchist organizations of Vladimir province. Investigated party statutes and policy documents right-wing organizations, their relationships with the administration of Vladimir province, shows intraparty conflicts.

Keywords: Vladimir Province, monarchist organization, Union of Russian Orthodox people of Shuya, Autocratic-monarchist party of Ivanovo-Voznesensk.

Омельянчук Игорь Владимирович

*Д.ист.н., доцент, профессор
Владимирского государственного
университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых*

Аннотация

В статье на основании архивных материалов рассмотрены создание, социальный состав и основные направления деятельности региональных монархических организаций Владимирской губернии. Исследованы партийные уставы и программные документы правых организаций, их взаимоотношения с администрацией Владимирской губернии, показаны внутривластные конфликты.

Ключевые слова:

Владимирская губерния, монархические организации, Шуйский союз русских православных людей, Иваново-вознесенская самодержавно-монархическая партия.

Нарастание революционного кризиса в Российской империи стало катализатором процесса консолидации правых контрреволюционных сил. А царский манифест от 17 октября 1905 г., легализовавший деятельность политических партий способствовал институализации монархических союзов и организаций, не только столичных, имеющих всероссийский масштаб, но и провинциальных, ограничивающих свою деятельность пределами одного региона.

Одной из таких организаций во Владимирской губернии стал "Союз Партия Русских Православных Людей гор. Шуи и уездов Владимирской губернии", созданный 22 ноября 1905 г. в уездном городе Шуе. Его учредителями стали местные мещане М.К. Петров и И.А. Баландин. Организация создавалась, как писал один из ее основателей, "согласно Высочайшего манифеста от 16 февраля 1905 года", призывавшего людей "соединиться в единомыслии и содействии словом и делом по искоренению крамолы и в разумном противодействии смуте внутренней" [5, Л. 5].

Еще до легализации партии ее лидеры М.К. Петров, И.А. Баландин и А.А. Лаврентьев обратились к Владимирскому губернатору с просьбой напечатать воззвание с призывом к людям "верным церкви, ЦАРЮ и родине"

образовывать патриотические союзы. Авторы обращались в первую очередь к низшим слоям населения, наиболее патриархально настроенным. "Пусть русские люди не смущаются тем, что в их среде будет мало интеллигентов, которые или уклонились на путь измены, или холопствуют перед ней и подличают", – говорилось в этом воззвании [2; Л. 6, 6 об.].

Правда сразу среди авторов возникли разногласия – А.А. Лаврентьев обратился к губернатору с заявлением, что он не согласен с утверждением о том, что внутренние враги, захватили не только печать, но "земства и школу" и просит либо эти слова убрать, либо опубликовать воззвание без его подписи [2, Л. 10].

Но этот конфликт не помешал учредителям уже 3 декабря представить проект программы и устав новой организации Владимирскому губернатору. В этих документах были продекларированы цели "партии Союз": "Объединить всех русских людей в единомыслии нашего права преимущества перед инородцами как создателями Русского государства; Разъяснить народу отстаивать свои права мирным путем и оберегать Россию; Подготовить лиц имеющих быть избранными в Государственную Думу в духе интересов русских православных" [5, Л. 10 об.].

Деятельность организации основывалась на следующих принципах:

1. Господство православной веры при свободе других вер и исповеданий.
2. Управление государством Царем Самодержавным с Государственной Думой, согласно Манифеста 17 октября 1905 года.
3. Единство и неделимость России.
4. Все законы общие для всей России со всеми окраинами и Финляндией с преобладанием прав Русских православных".

В программе также говорилось о необходимости улучшения быта рабочих, поддержке русской промышленности, наделении крестьян землей за счет казны, преимуществе православных при назначении чиновников и прочих должностных лиц, а также о необходимости развития народного просвещения. Завершался этот документ провозглашением довольно путанного и пафосного лозунга: "Да будет единая Самодержавная власть, Богом дарованная, с безграничным правом и полным единением истинно верующего Русского Народа, и этот камень закона не подвинут силы вселенной, он тверд от начала и до конца" [5, Л. 10, 10 об.].

Членами Союза могли быть только "совершеннолетние русские православные, без различия пола, сословий и состояний". Не принимались в организацию только евреи. Финансировать организацию предполагалось за счет добровольных пожертвований. О социальном составе Шуйского Союза его председатель М.К. Петров сказал так: "Все мы из простого народа небогатые люди, но стоящие за Веру, Царя и Отечество". Устав организации наделял ее учредителей буквально диктаторскими полномочиями: "Члены-основатели Союза М.К. Петров и И.А. Баландин остаются распорядителями союза и его действия", а также имеют право распустить руководящий орган партии – Комитет – и самостоятельно (!) выбрать его "снова из лиц партии Союза, а также казначея, делопроизводителя и членов ревизионной комиссии". В первоначальный состав Комитета Шуйского союза православных людей вошли П.Х. Варенцов, И.К. Шаров, А.И. Салов, Л.П. Плетников, Т.А. Воробьев и А. Харузин [5, Л. 10, 10 об.]. В течение 1906 г. к ним добавились Засыпкин (делопроизводитель), Корнов, Краев, Баранов, Брюханов, Корзинкин, Волков, Харламов, Валуев, Огурцов, Копьев [2, Л. 24].

С декабря 1905 г. Шуйский Союз русских православных людей начал активно действовать. Вероятно, его учредители сразу же сделали ряд громких заявлений, содержащих прямые угрозы представителям оппозиционных движений. Во всяком случае, 13 декабря 1905 г. Шуйский городской голова П.П. Китаев направил Влади-

мирскому губернатору телеграмму следующего содержания: "Для успокоения граждан, встревоженных заявлениями мещан Петрова и Баландина, что Вами утвержден устав учрежденного ими Союза православных русских людей, убедительно прошу Ваше Превосходительство уведомить меня действительно ли утвержден ли Вами этот устав". А в следующей телеграмме Китаев разъяснил, что "беспокойство граждан вызвано действиями учредителей Союза, угрожающих и требующих вступления в члены Союза и прикрывающихся Вашим авторитетом". Губернатор вынужден был предупредить М.К. Петрова и И.А. Баландина, что если они не будут "действовать правильно" и "в интересах жителей города", то подвергнутся действию Положения охраны [2, Л. 13, 15, 16].

Практически сразу же после создания в Шуйском Союзе началась борьба за власть, уже 4 марта 1906 г. местный уездный исправник сообщал, что "Баландин устранен от должности члена учредителя Комитета, а таковым оставлен один лишь Петров". В тот же день И.А. Баландин отправил губернатору следующее послание: "Покорно прошу Вашего Превосходительства не разрешать никаких просьб Петрову... без согласия распорядительного комитета не менее половины согласившихся, а их у нас девятнадцать человек с учредителями и обязательно на всякой просьбе... должны подписать оба учредителя, а не один: он Петров получил разрешение, нас обманул, комитет не знает" [2, Л. 23, 24]. Губернатор не это письмо никак не отреагировал и М.К. Петров остался полномочным хозяином организации.

Издание временных правил об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. потребовало другого порядка регистрации Шуйского Союза и его действия были приостановлены, хотя, по сведениям М.К. Баландина к лету 1906 г. в организации числилось "более 600 человек членов записанных, а кроме сочувствующих оному до 6000 человек". Поэтому 28 июня 1906 г. учредители подали прошение на имя министра внутренних дел с просьбой "разрешить продолжать действовать в защиту Веры Православной и Самодержавного Царя нашего батюшки и дорогого отечества Русского Народа". После этого Губернское по делам об обществах присутствие 2 сентября 1906 г. зарегистрировало "Союз Партию Русских Православных Людей в гор. Шуе и уездах Владимирской губернии" и внесло в его в реестр обществ и союзов [5, Л. 5, 31].

Ориентация на низшие социальные слои, в основном на рабочих местных фабрик, подтолкнула руководство Шуйского Союза к изменению своего устава. Он был утвержден в новой редакции губернским по делам об обществах присутствием 16 марта 1909 г. В § 6 нового устава было внесено дополнение "Об улучшении быта рабочих", которое "имеет своей целью содействовать дея-

тельности рабочих по вопросам, касающимся улучшения экономической жизни состоящих действительными членами Союза, способствовать выяснению их нужд, удовлетворяя их законными способами"

Для достижения этой цели предполагалось:

- ◆ Входить в непосредственные сношения с предпринимателями по делам рабочих, ходатайствовать, в случае необходимости, за каждого рабочего, состоящего членом Союза, перед фабрикантами и подлежащей властью, а так же оказывать юридическую и медицинскую помощь, если на это будут иметься у Союза средства.
- ◆ Устраивать собрания рабочих для обсуждения вопросов, касающихся их профессиональной жизни по вопросам взаимопомощи, общества потребителей и т.п.
- ◆ Устраивать беседы по профессиональным вопросам рабочих с правом приглашения для чтения лекций специалистов рабочего труда, по сельскому хозяйству и т.п.
- ◆ Сбирать и публиковать сведения, касающиеся деятельности рабочих, входящих в состав членов отдела Союза по взаимопомощи, издавать с разрешения Начальства периодические издания по взаимопомощи.
- ◆ Устраивать при отделах Союза с разрешения подлежащей власти читальни и библиотеки, касающиеся до специальности рабочих, входящих в состав членов отдела Союза.
- ◆ Организовывать для рабочих квартиры с удешевлением в цене; с увеличением же средств или с поступлением пожертвований, приступить к приобретению недвижимого для сей цели имущества, и строить здания для квартир.
- ◆ Устраивать бюро труда по приисканию занятий для состоящих без дела членов Союза, если к этому будут средства.
- ◆ Союз имеет право на открытие чайной или клуба, необходимых для каждого отдела Союза, с целью привлечения в оные рабочих и действовать в силе нравственно-во времяпровождения [7, Л. 12, 23, 24].

С 1906 г. Шуйский Союз русских православных людей стал отделом СРН, сохранив свое название и устав, в котором было отмечено, что организация объединена с Союзом Русского Народа "во Всероссийских съездах единомыслия" (работой монархических съездов) [5, Л. 74]. Соответственно программные документы Шуйского Союза были унифицированы с головной организацией. Так его "Основоположения" дословно повторяли аналогичный документ СРН, лишь в одном пункте был исключен абзац осуждающий деятельность первого русского императора ("Петр I отвергнув каноническое устройство святой православной церкви... нарушил соборность и нравственно-церковное учение и Общине царя с право-

славным народом..." и т.п.) [15, С. 8]. Вероятно, для провинциальных союзников подобные слова в адрес самодержца казались крамоллой.

С 1908 г. самая многочисленная правая организация – СРН – переживала очередной внутренний конфликт, причиной которого стала невозможность согласования интересов различных социальных групп, на которые опирался Союз. Представители высших слоев, в первую очередь помещики во главе с Н.Е. Марковым 2-м, образовали в СРН так называемое "обновленческое" течение, примирившееся с существованием третьей юньской политической системы, символами которой стали Государственная дума и аграрная реформа П.А. Столыпина. На противоположной стороне оказались представители низших сословий, а также часть интеллигенции. Характерной чертой этой группировки, возглавляемой председателем СРН А.И. Дубровиным, стали политический традиционализм и неприятие "думской монархии". Линией размежевания в борьбе "обновленцев" и "дубровинцев" стал вопрос об отношении к крестьянской общине. Первые (как и правительство) предлагали ее немедленно ликвидировать, вторые же видели в ней опору самодержавия и эффективный инструмент социальной защиты крестьянства. Несмотря на то, что М.К. Петров больше поддерживал А.И. Дубровина, в программных документах Шуйский союз предпочел сохранить нейтралитет по этому вопросу, объединив в своей программе тезисы обеих враждующих группировок: "Откладывая свое поддержание непринужденного мнения крестьянского сословия по вопросу об общине, впредь до разрешения этого вопроса самими крестьянами Союз в области улучшения крестьянского быта постановляет себе ближайшею задачею содействовать увеличению наделов малоземельных крестьян, содействовать переселению таких крестьян и содействовать переходу земельных имуществ в руки крестьян на основании добровольных сделок" [5, Л. 34, 34 об.].

По этой же причине в числе почетных членов организации, наряду с крупными жертвователями (Шуйский предводитель дворянства Д.В. Култашев, священник Всехсвятского женского монастыря А.П. Скрипкин и купец А.В. Константинов) числились представители обоих враждующих направлений, "обновленцы" А.А. Римский-Корсаков и В.М. Пуришкевич мирно соседствовали со своими оппонентами Б.В. Никольским, А.И. Дубровиным, Е.А. Полубояриновой и И.П. Кацауровым [5, Л. 79].

Как пишет современный российский исследователь Ю. Иванов, лидеры Шуйских монархистов не пользовались особым авторитетом в городе. М.К. Петров ранее попадал на страницы криминальной хроники, как опекун, развративший свою воспитанницу, а И.А. Баландин был известен среди жителей, как "дебошир и буян". Возмож-

но поэтому председатель Шуйского Союза не нашел общего языка ни с благочинным города Шуи, протоиереем П. Светозаровым, ни с городским головой П.П. Китаевым, явно не разделявшими его "черносотенных" убеждений [9, С. 72, 73, 74]. Тем не менее, М.К. Петров в монархическом движении играл определенную роль, так он участвовал в работе принимая участие в работе III и IV Всероссийских монархических съездов в Киеве (1906 г.) и Москве (1907 г.) соответственно, частного совещания отделов СРН в Ярославле (1909 г.), съезде Всероссийского Дубровинского СРН в Москве, 1911 г., торжествах по случаю 200-летия Полтавской битвы и 300-летия Дома Романовых.

Шуйский Союз русских православных людей стремился расширить свою деятельность и на другие населенные пункты Владимирской губернии, открывая там отделы своей организации. Первым из них стал филиал в с. Поддыбье Суздальского уезда, председателем которого был избран местный крестьянин С.Ф. Егоров, а делопроизводителем – крестьянин Н.К. Калинин. В своем составе эта организация насчитывала всего 8 человек, включая председателя. Затем 6 декабря 1909 г. был создан отдел в с. Южа при фабрике Балина. Возглавил его крестьянин И.Г. Колганов. А 7 февраля 1911 г. был открыт подотдел Союза в поселке при станции Нерль Суздальского уезда. С 14 августа 1911 г. им руководил Т.Т. Титов. В состав Комитета организации входили 12 членов [5, Л. 52, 54, 56, 62, 63].

Однако в 1913 г. Южский отдел решил перейти под прямую юрисдикцию СРН, что встретило понимания со стороны председателя Шуйского Союза. "Хотя по идее Союз один и тот же, направлений разных по уставам", – писал М.К. Петров в прошении на имя владимирского губернатора. Поэтому постановлением собрания Совета Шуйского Союза от 30-го июня 1913 г., было решено: "В селе Южа при фабрике Балина отдел нашего Союза закрыть, отобрать от бывшего председателя нашего Отдела Союза Ивана Григорьевича Колганова круглую печать и угловой штампель нашего отдела Союза и удостоверение на звание его председателем, и утвержденную ведомость комитета... и квитанционную нумерную книгу нашего Отдела Союза и считать Отдел в с. Южа при Фабрике Балина закрытым". М.К. Петров просил губернатора отобрать "все поименованные выше предметы" у председателя Южского отдела И.Г. Колганова с помощью Южской полиции. Одна губернатор в просьбе отказал, заявив М.К. Петрову, что "делать подобного рода распоряжения в круг обязанностей губернского по делам об обществах присутствия не входит, и что истребовать означенные вещи от Колганова Петров может судебным порядком [5, Л. 71, 74 об.]".

Численность Шуйского Союза православных русских

людей колебалась в довольно значительных пределах. 24 июля 1906 г. его председатель М.К. Петров, отвечая на запрос Б.В. Никольского, указывал, что в составе организации числится 635 человек "собственноручно подписавшихся" и прибыло еще "до 40 человек" [10; 70]. Владимирский губернатор в этот же период докладывал в МВД, что численность шуйских монархистов достигает 1000 человек [1, С. 136]. Однако в октябре 1907 г. начальник губернии приводил уже иные цифры: "по бумагам" в Союзе около 1000 человек, "в действительности же несколько десятков" [12, С. 111]. "Если в 1908 году на собраниях Союза бывало до 300 человек, в 1909 году – около 100, на "юбилейном" собрании в честь пятилетия Союза в декабре 1910 года – менее 50, то на "общих" собраниях 1911–1914 годов – 8–15 человек", – пишет Ю. Иванов [9; 74]. Впрочем, тенденция к сокращению численного состава была характерна для всех "черносотенных" организаций этого периода, так как основным побудительным мотивом к вступлению в них, являлась борьба с наступившей "смутой". После окончания революции большинство членов правых организаций уже не видели смысла своего пребывания в их рядах.

Накануне Первой мировой войны Шуйский союз православных русских людей вновь активизировал свою работу, о чем свидетельствуют протоколы собраний, отложившиеся в материалах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства [13, С. 670]. Конечно это подтверждают и достаточно частые обновления состава его руководящего органа в этот период. Так на декабрь 1913 г. членами комитета Шуйского Союза являлись И.С. Кабещев, И.А. Кириллов (с. Миловское) И.М. Кочетков. С.Ф. Неплохов (с. Назарьево), М.О. Похлебкин, А.В. Трунов (с. Лежнево); кандидатами А.В. Буров, И.К. Галкин, Ф.Н. Кочетков, М.И. Кочетков С.А. Луговкин Д.И. Панфилов И.Е. Пухов, П.Е. Усов. Однако уже 15 июля 1914 г. состав руководящих органов изменился. В комитет вошли новые члены В.С. Буров, Г.А. Воробьев, П.А. Лебедев, С.А. Луговкин и П.А. Марычев, выбыл М.О. Похлебкин, переведенный в кандидаты. Кроме него кандидатами стали К.О. Ваулин, П.С. Калошин, И.Т. Медведев (с. Тейково), К.В. Морозов; выбыли из числа кандидатов И.К. Галкин, М.И. Кочетков и С.А. Луговкин. Председателем организации все это время бессменно оставался ее учредитель М.К. Петров [5, Л. 77, 77 об., 79, 79 об.]

Начало Первой мировой войны способствовало росту патриотических (а порой и шовинистических) настроений среди населения. Численность Шуйского союза вновь стала увеличиваться и к декабрю 1914 г. достигла 1278 человек [14; 12, С. 111]. Однако усиление оппозиционных настроений в обществе в ходе войны привело к окончательной изоляции "союзников", вытесненных на обочину политического процесса. Последнее упоминание о Шуйском союзе православных русских людей содержит

ся в донесении уездного исправника губернатору и датируется 7 марта 1916 г. [7, Л. 11].

Еще одной региональной монархической организацией Владимирской губернии стала Иваново–Вознесенская самодержавно–монархическая партия, возникшая в конце декабря 1905 г.. 23 декабря ее комитет в составе председателя И.П. Борисова, товарища председателя М.Т. Кашина, казначея А.Р. Фельдмана и членов комитета А.Н. Ардасова и Д.А. Гуреева, разработал ее программу, согласно которой "Самодержавно–монархическая партия признает главнейшей своей целью соблюдение полной неприкосновенности САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА на основах Манифеста от 17 октября 1905 года" и "потому всеми легальными способами намерена оказывать помощь правительству в умиротворении страны и в борьбе против губительных начинаний крайних левых партий". Главной же своей задачей в настоящий момент Иваново–вознесенские монархисты считали "объединение под своим знаменем рабочего и крестьянского классов, как более недостаточных и более нуждающихся в улучшении своего экономического положения и быта. Потребности этого улучшения стали более очевидны за последнее время, благодаря сильно отражающейся агитации крайних левых партий среди этих классов. Самодержавно–монархическая партия берет на себя смелость занять положение руководителя и советника среди рабочего и крестьянского люда и борца за его интересы, но борца мирного, путем закона и справедливости" [7, Л. 2].

7 января общим собранием Самодержавно–монархической партии был одобрен ее устав. Его авторы предполагали создание филиалов своей организации руководимых партийными комитетами, каждый из которых должен состоять из 15 членов "и к ним не менее 5 кандидатов с равным правом голоса", переизбираемых ежегодно. При этом "Комитет в Иваново–Вознесенске считается главным, все остальные ему подведомственны и подчинены". Авторы устава не рассчитывали на особую массовость своей организации, поэтому среди руководящих органов партии значилось и общее собрание. Членами партии, делившимися на почетных и действительных, могли стать только лица "мужского пола всех званий, состояний и вероисповеданий за исключением иудейского", причем лютеране и католики так же могли вступить в партию, но "только в том случае, если они находятся не менее 3 лет в подданстве". Предполагалось, что средства партии будут пополняться не только за счет членских взносов и частных пожертвований, но и "доходов с устраиваемых партией лекций, концертов, литературных чтений и других полезных партии и обществу увеселений", которые, как подчеркивали отцы–основатели, будут устраиваться "всякий раз с разрешения начальства". Дабы избежать злоупотреблений, все сборы вносились в специальные

"талонные книжки". Мелкие расходы совершались по усмотрению комитета, право же распоряжения крупными суммами принадлежало общему собранию [7, Л. 2 об., 3].

Исполняющий обязанности Иваново–Вознесенский полицмейстер докладывал Владимирскому губернатору о первых шагах новой политической организации: "Председатель Иваново–Вознесенской Самодержавно–монархической партии телеграммой от 1–го сего Января сообщил мне, что названная партия, отслужив по случаю нового года молебен под открытым небом при многотысячном стечении народа о здравии и долголетию Государя императора и всего Царствующего дома, просит меня повергнуть к стопам обожаемого царя чувства безграничной преданности и благодарности за возведенные свободы, которыми благоугодно было осчастливить свой русский народ, выражая в то же время глубокую надежду на скорый созыв Государственной Думы ради скорейшего умиротворения страны"[7, Л. 12].

В тот же день 1 января общим собранием партии был единогласно одобрен проект "монумена Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому Николаю Александровичу, составленный купеческим сыном Михаилом Васильевичем Мартыновым, студентом Императорского Инженерного Московского училища". 16 января этот "монумент" вместе проектом устава партии был передан "на усмотрение" Владимирскому губернатору И.М. Леонтьеву. Кроме того, партийное руководство обратилось к "начальнику губернии" с просьбой "войти с ходатайством перед Его Императорским Величеством о разрешении в полном составе нашему Комитету представиться Государю Императору и выразить верноподданнические чувства от имени всех членов нашей партии"[7, Л. 1, 1 об.]. Просьба была исполнена. Однако Петербург, прежде чем дать согласие, потребовал от местного полицмейстера выслать телеграммой в Департамент общих дел МВД "список членов депутации Иваново–Вознесенской монархической партии, желающих представиться государю императору"[7, Л. 7].

Данный список, с указанием рода занятий членов депутации дает представление о социальном составе "партактива" Самодержавно–монархической партии: Председатель – потомственный почетный гражданин И.П. Борисов, товарищ председателя – крестьянин М.Т. Кашин, казначей – дворянин А. Р. Фельдман, члены партии – крестьяне М.В. Журавлев, Д.А. Гуреев, А.И. Ардасов, М.Н. Щербаков, мещане – С.М. Мужжавелов, А.Г. Селивановский. Как видим, в составе делегации преобладали крестьяне, которых насчитывалось пять человек, двое являлись мещанами, один потомственный почетный гражданин и один дворянин. Если же оставить в стороне формальную сословную принадлежность и обратиться к роду

занятий членов делегации, то картина будет иной. Из всего состава делегации крестьянином (не только по словной принадлежности) был только Д.А. Гуреев, занимавшийся огородничеством, двое являлись служащими – артельщик станции Иваново (кассир–инкассатор) М.Т. Кашин и служащий городской управы А.Г. Селивановский, двое представляли свободные профессии – частный поверенный (адвокат) А.И. Ардасов и фотограф М.Н. Щербаков, еще двое буржуазию – владелец кирпичного завода М.В. Журавлев и мясоторговец С.М. Мужжавелов, один был занят в сфере торговли – "комиссионер представитель заграничных фирм" А.Р. Фельдман. Председатель партии И.П. Борисов не указал свой род занятий [7, Л. 12]. Это несколько размывает сложившийся стереотип о правых партиях как организациях, объединяющих в своих рядах представителей дворянства, "отсталой" части крестьянства и священнослужителей. Правда, следует учесть, что в сравнительно новом промышленном центре, каковым являлся Иваново–Вознесенск, вышеназванные группы просто были крайне малочисленны.

Вероятно список делегатов не вызвал вопросов и вскоре "на прием депутации Иваново–Вознесенской монархической партии последовало высочайшее соизволение", и 7 февраля 1906 г. депутация, снабженная, по распоряжению нового губернатора И.Н. Сазонова, удостоверениями личности, выехала в Петербург [7, Л. 18, 19, 24]. 16 февраля она была принята Николаем II. После "челобитни" председатель партии И.П. Борисов обратился к царю: "Ваше Императорское Величество, молим Тебя, будь самодержавным и неограниченным Государем" [3, Л. 32]. М.Т. Кашин также заверил государя в преданности: "Мы, железнодорожные рабочие, приложили свое сильное старание к прекращению смуты, заявив смутьянам, что мы, как один человек, поднимемся на защиту своего Возлюбленного Самодержавного Государя, Ея Императорского Величества Государыни Императрицы, наследника Государя и поправных евреями и смутьянами прав нашей православной родины. Верь, Великий Государь, весь русский народ купно видит залог мира и преуспевания родины только в Тебе и Твоей Самодержавнейшей, ничем не ограниченной власти" [17, С. 219]. Николай II поблагодарив депутацию за верноподданнические чувства, успокоил монархистов, изложив свое политическое кредо: "Передайте Вашим братьям–единомышленникам, что я как встарь буду Самодержавный и неограниченный. Милости, дарованные Манифестом, я выполню для блага всего народа". После этих слов, как свидетельствует документ, "депутация земно благодарила" императора [3, Л. 32].

Однако министерство внутренних дел не признало возможным утвердить устав Ивановской самодержавно–монархической партии, так как "в отношении... политических союзов, обществ, собраний, партий и т.п. в нашем

законодательстве (кроме закона 8 апреля 1782 г.) отсутствуют надлежащие указания". Правда министерство не стало препятствовать деятельности партии, указав, что "до издания ожидаемого в ближайшем будущем специального закона о союзах и профессиональных обществах надлежит, в силу положенных в основание ВЫСОЧАЙШЕГО Манифеста 17 октября новых начал, признать, что образовавшимся за последнее время многочисленным союзам и партиям должно быть предоставлено право действовать без утвержденных Правительством уставов, но с ведома местных властей, при непрерывном, конечно, условии, чтобы преследуемые этими партиями, обществами и союзами задачи не служили во вред государственным интересам и правительственным мероприятиям, не преследовали бы законопротивные цели, и чтобы деятельность их была согласована с требованиями действующих законов" [3, Л. 20].

В социальном составе Иваново–Вознесенской самодержавно–монархической партии доминировали представители рабочего класса, в основном низкоквалифицированные (и, соответственно, низкооплачиваемые). У этой категории трудящихся не было сбережений, и прекращение выплаты зарплаты ставило их на грань физического выживания. Учитывая, что в текстильной промышленности использовался, в основном, низкоквалифицированный труд, становятся понятными мотивы части ивановских рабочих, выступавших против "смутьянов", призывавших к прекращению работ. Так, по сообщению Иваново–Вознесенского полицмейстера, 13 июля 1905 г. рабочие завода Дьяконова не согласились с требованием пришлых агитаторов прекратить работы, и даже едва не избили их [4, Л. 170]. Монархические настроения местного пролетариата ярко характеризует телеграмма, отправленная в начале 1906 г. от имени 10000 рабочих фабрик Горбуновых, Скворцова и Клементьевой на имя премьер–министра С.Ю.Витте с требованием покончить с забастовками [11].

Деятельность партии ограничивалась в это время проведением собраний и уличных шествий. Попытки провести в Думу своего представителя не увенчались успехом. Сами монархисты в послании к царю объяснили свой провал так: ""Выборы для нас – дело новое, непривычное. Наша партия, не будучи посвящена в тайники выборной агитации и к тому же не имея на таковую никаких средств, была затерта. В силу этого из фабричных рабочих нашего крупного промышленного и фабричного города не предстанет перед Тобой ни один" [17, С. 219–220].

Во второй половине 1906 г. Иваново–Вознесенская самодержавно–монархическая партия, сохранив название и устав, вошла в состав Союза Русского народа [18, С. 243], получив статус отдела. Ее численность к 1907 г.

достигла 16500 человек, еще 150 входило в состав подотдела СРН при станции Иваново Северных железных дорог [12, С. 111]. Однако в следующем году в руководстве партии произошел раскол, следствием которого стало создание новой монархической организации "Царь и народ". Товарищ председателя М.Т. Кашин с группой сторонников вышли из состава Самодержавно-монархической партии и предприняли попытку создать собственную монархическую организацию под названием "Царь и народ". Прошение о регистрации ее устава, подписанное М.Т. Кашиным, крестьянином М.Е. Сесоровым и мещанином Н.В. Мешковым, было представлено в Губернское по делам об обществах присутствии 24 мая 1907 г. Вероятно, к этому времени деятельность Самодержавно-монархической партии не отличалась особой активностью, так как Иваново-Вознесенский полицмейстер, представлявший это прошение губернатору, отмечал, что "учреждение упомянутого общества в гор. Иваново-Вознесенске является более чем желательным и препятствий к удовлетворению ходатайства вышеозначенных лиц не встречается". Однако, бюрократический механизм работал по своим правилам, и обществу "Царь и народ" было отказано в регистрации, так как в уставе не были точно указаны район его деятельности местонахождение комитета [6, Л. 1, 10].

28 июня учредители общества направили прошение губернатору, в котором просили ускорить утверждение устава, "ввиду непрекращающейся вредной для государственного порядка агитации левых элементов и нашей невозможности вступить с ними в борьбу законными путями как устно, так и печатно" [6, Л. 12]. Устав к этому времени был доработан. Целью общества "Царь и народ" провозглашалось "развитие русского национального самосознания и прочное объединение русских людей для общей работы нашего дорогого отечества России единой и неделимой на незыблемых основах: вера православная, неограниченное царское самодержавие и сохранение исконных прав русского народа". При этом общество (в отличие от крайне правого Союза русского народа) не только признавало законодательный характер Государственной думы, но и "намеревалось принять самое деятельное участие в выборах в Государственную Думу членов, преимущественно из своей среды, для проведения в жизнь целей, преследуемых обществом". Устранено было и препятствие регистрации общества: район его действий ограничивался Владимирской губернией (ранее оно намеревалось устраивать отделы в различных губерниях и областях) [16, С. 2, 8; 6, Л. 17, 20 об.].

24 августа 1907 г. общество "Царь и народ" было внесено в реестр обществ и союзов Владимирской губернии. Однако набрать должное количество членов своей организации ее учредителям так и не удалось. В результате губернское по делам об обществах присутствие

на своем заседании 20 марта 1910 г. отметив "что названное общество, будучи разрешенным к открытию с 24 августа 1907 года до настоящего времени своих действий не открывало... постановило: общество "Царь и народ" в г. Иваново-Вознесенске как не открывшее свои действия в течение более чем двух лет, закрыть" [6, Л. 16, 38].

Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия, уже в виде отдела СРН, продолжила функционировать. Для привлечения сторонников при ней была учреждена Касса взаимопомощи. В уставе этой Кассы прямо говорилось, что создана она с целью "способствовать благосостоянию своих членов и их семейств, дабы жизненно осуществлялся Божественный завет любви делом и истиною... и тем множились бы по призыву Самодержца патриотические ряды Союза Русского Народа". Управлял всеми делами Кассы совет Иваново-Вознесенского отдела СРН. Членские взносы участников были весьма небольшими – 50 коп. одновременно и в дальнейшем по 1 руб. ежегодно. Уставом кассы предполагалось выдавать пособия "как заимобразные из 4 % годовых, так и безвозвратные беспроцентные".

По замыслу создателей, касса взаимопомощи должна продемонстрировать образец социальной защиты рабочих, взяв на себя обязательства по трудоустройству своих членов, обеспечению их жильем, дешевыми лекарствами и медицинской помощью, устройству их детей в учебные заведения, созданию временного пристанища для бесприютных членов, а также пенсионных и похоронных касс. Предполагалось даже выплата пособий по безработице: "...члены кассы, впавшие в крайнюю нужду и не состоящие на службе, могут получать периодические пособия (ежемесячно) в размере не свыше 30-ти рублей и не более как в течение шести месяцев". Для достижения поставленных целей предполагалось создавать потребительские лавки, склады, мастерские, чайные, постоянные дворы и др. доходные предприятия, устраивать платные лекции, концерты и т.п., благотворительные базары, с благотворительной целью издавать и продавать патриотическую литературу [8, Л. 1, 3, 4, 8.]. Однако эти намерения так и не были реализованы. Последние упоминания о ИВСМП в полицейских документах относятся ко 2 марта 1916 г. [7, Л. 10.]

Таким образом, во Владимирской губернии в 1905–1916 гг. помимо отделов всероссийских партий, действовали две региональных монархических организации и была предпринята попытка создать третью. Причиной возникновения такого количества самостоятельных правых организаций с одинаковыми политическими программами, стало как нетерпение провинциалов, не желавших дожидаться, пока столичные партии откроют свои отделы в провинции, так и политические амбиции мест-

ных лидеров, желавших играть первые роли, пусть и не всероссийского масштаба. Даже войдя в состав СРН, владимирские монархические организации вместе со своими названиями и уставами сохранили и известную самостоятельность.

Основным направлением деятельности региональных правых организаций во Владимирской губернии стала организация и участие в различных уличных мероприятиях монархического характера, отправка верноподдани-

ческих телеграмм, проведение крестных ходов и т.п. Доминирование в социальном составе этих организаций представителей низов (рабочих, крестьян, занятых в местной промышленности) и практически полное отсутствие интеллигенции не позволило им сыграть какую-либо значительную роль в думских избирательных кампаниях. После окончания Первой русской революции деятельность правых партий во Владимирской губернии постепенно затихает, поддерживаемая лишь стремлением их лидеров не сходить с политической сцены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов А.М. Монархисты и рабочие в 1905–1907 гг. / Цивилизационные и формационные подходы к изучению Отечественной истории: теория и методология (конкретно–исторические проблемы). Вып. 1. М.: МАДИ, 1996. С. 134–145.
2. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 14. Оп. 4. Д. 2670.
3. ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2833.
4. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1434.
5. ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.
6. ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 23.
7. ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 58.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 116. Оп. 1. Д. 91.
9. Иванов Ю. Человек – партия: Как помещик Петров создал миф о шуйских черносотенцах // Родина. 2000. № 3. С. 72–75.
10. Кирьянов Ю.И. Правые партии 1911–1917. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2001. – 464 с., ил.
11. Московские ведомости. 1906. 9 февраля.
12. Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 104–124.
13. Правые партии. Документы и материалы. В 2 тт. / Т. 1. 1905–1910 гг. М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 1998. – 720 с.
14. Русское знамя. 1914. 21 декабря.
15. Союз Русского Народа. М.: "Русская печатня", 1906. – 16 с.
16. Устав общества "Царь и народ" в городе Иваново–Вознесенске Владимирской губ. Иваново–Вознесенск: Типография В.П. Тихомирова, 1907. – 10 с.
17. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. М.: Крафт+, Институт Русской цивилизации, 2008. – 640 с.: ил.
18. Шевцов А.В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX в. СПб.: Изд. Рос. нац. библиотеки, 1997. – 316 с.

© И.В. Омелянчук, (Omeliyanchuk@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ МЕЛЕНКОВСКОГО УЕЗДА

VLADIMIR'S REGION IN RUSSIAN HISTORY XIX - THE BEGINNING XX CENTURY

A. Tikhonov
E. Kazakovtseva

Annotation

This article is about the main problem of development Vladimir's province in XIX – the beginning XX century. In this material shows the change of territory Vladimir's region from the middle ages to the beginning XX century. Also in this article gives the information about another articles of the represented collection.

Keywords: Vladimir's region, province, population, industry, monarchy parties.

Тихонов Андрей Константинович

Д.ист.н., профессор зав. каф.

"История, археология и краеведение"

Гуманитарного института Владимирского

государственного университета

Казаковцева Евгения Сергеевна

Спец. по УМР Каф. "История, археология

и краеведение" Владимирского

государственного университета

Аннотация

Статья посвящена основным проблемам развития Владимирской губернии в XIX – начале XX в. В ней рассмотрено изменение административно-территориального деления региона с периода средних веков до начала XX века, а также дана информация о содержании статей подборки.

Ключевые слова:

Владимирский край, губерния, население, промышленность, монархические партии.

Цель исследования состоит в изучении экономического развития Меленковского уезда в середине XIX – начале XX вв., в частности, кустарных промыслов, как формы сельской промышленности.

Хронологические рамки исследования определяются временем становления капиталистических отношений в России (пореформенным периодом).

Для изучения проблемы экономического развития Меленковского уезда привлекались материалы по статистике Владимирской губернии, описание земель Меленковского уезда, доклады – отчеты Владимирской Губернской Земской управы по кустарному предпринимательству, труды Владимирского губернского статистического комитета.

Причины занятости населения Меленковского района кустарными промыслами были следующими: малая производительность земли, земельный дефицит и продовольственный недостаток, высокая арендная плата вненадельной земли. Ко всему прочему, крестьянин должен был уплатить 387,5 тысяч рублей разного рода платежей, падавших на надельную землю, что также заставляло прибегать к дополнительному заработку [8; 3–5].

Кустарный промысел – это отдел ручного искусства крестьян, которому они посвящают свое досужее от полных работ время [12; 156].

Кустарные промыслы Меленковского уезда можно разделить на четыре группы, в основание которых положены с одной стороны: материал, подвергающийся в процессе производства обработке, с другой – характер вырабатываемых изделий.

Таблица [5; 84].

Группы производств	Хозяйства, занятые в кустарных промыслах, %
1. По обработке дерева (рогожный промысел, лапотный промысел и др.)	23,3
2. По обработке металлов (ремесленное (слесари и деревенские кузнецы))	19,9
3. По обработке минеральных веществ (гончарное производство)	12,6
4. По обработке волокнистых веществ (женское рукоделье, портняжный промысел, трепанье, мятье, чесанье льна)	29,9

Из данной таблицы следует, что кустарное производство населения в большей степени было ориентировано на промыслы, связанные с обработкой волокнистых и минеральных веществ, дерева, металлов. На самой низкой ступени – обработка животного сырья [5; 85].

Наиболее распространенным в Меленковском уезде был рогожный промысел (тканье рогож из липового мочала). Наиболее он был развит в трех селеньях: деревне Старинки, селе Григорьеве и в деревне Улановке [6; 125].

Организация промысла была чисто семейной. Для тканья рогож кроме мочала нужен был ткацкий станок и помещение для тканья. Ткацкий станок каждая семья имела свой собственный, а помещением служила жилая изба.

Мочало покупалось раздатчиками в Нижнем Новгороде, куда оно доставлялось из Уфимской губернии, а потом перепродавалось ими рогожникам. Для тканья рогож требовалось участие 3–4 людей. За станком работали двое: один сидел спереди станка, а другой сбоку, и уплотнял ткань. Затем третий разбирал и готовил мочало, четвертый вдевал мочало в берда. Рогожи ткались разного качества и величины. За тканье разных сортов рогожи платили от 2,5 – до 5 рублей за сотню.

Достоинством рогожного промысла было то, что он не отрывал работника от семьи. Рогожи начинали работать после уборки урожая и до Петрова дня. От пыли и постоянной влаги они страдали проблемами со здоровьем [8; 44–45].

Лапотный промысел принадлежал крестьянам деревни Деревнищи, находящейся в Тургеневской волости. Половина населения деревни в зимнее время оставалась дома и плела из лыка крестьянскую обувь "вороняшки", так называли лапти, которые не имели толстой подошвы, подплетаемой после самими покупателями [12; 161–162].

Капитала для занятия данным промыслом нужно было немного. Кочедык – загнутое широкое шило – передавалось по наследству, ножик, деревянная колодка. Покупалось только лыко пучками. Пучок имел 15–50 трубок. Из трубки длиной в сажень выходил 1 лапоть. Пара лаптей продавалась по 10–12 копеек. В день лапотник мог сплести до 5 пар лаптей [8; 45].

Помимо представленных кустарных промыслов, в Меленковском уезде существовали: колесное мастерство, делание телег, изготовление саней, решет, корзин [3; 7–8], плетение соломенных шляп, изготовление оконных рам [12; 159–166].

В крестьянском хозяйстве всегда были необходимы орудия труда, инструменты из металла, поэтому почти в каждой деревне была кузница. Кузнецы занимались подковкой лошадей, натягиванием шин на тяжелые колеса, сваркой сломавшихся сошников. В кузницах изготавливали гвозди, пробойники, обоймы для натягивания шин на колеса, тяпки другие принадлежности, используемые крестьянами в быту [2; 72–74].

В селеньях, расположенных ближе к заводам, кузнецы изготавливали различные предметы для продажи.

Для починки всех предметов, кузнецы использовали "домашний лом". Редко когда покупалось новое железо и сталь. Рабочим кузнецам платили не более 50 рублей [12; 166–167].

С древнейших времен изготовление керамических изделий занимало важное место в крестьянском хозяйстве. Традиционно, в середине XIX–начале XX вв. было наиболее распространенным среди крестьян. Нужно отметить тот факт, что вообще во Владимирской губернии гончарное производство было распространено достаточно широко, так как ее уезды, деревни и села всегда славились богатыми залежами самых разнообразных глин.

О Меленковском уезде во "Временнике Российской империи" находим более подробные сведения, что добытие горшечной глины в Меленковском уезде не имело самостоятельного промышленного значения. Она являлась в продаже уже в виде готовых глиняных изделий. Их производством занимались крестьяне села Коровина (40 семей) и деревни Ратново (15 семей), находящиеся недалеко Меленок.

Крестьяне в течение почти всего года, за непродолжительными промежутками, потребными для полевых работ, занимались изготовлением глиняных изделий – простой домашней посуды и других принадлежностей кухни и хозяйства.

Только что сделанные сырые изделия тщательно высушивались на воздухе, потом обжигались в устроенных для этого горнах и хранились в особых помещениях. Их продажа производилась в разное время в Меленках, Муроме, Елатье (Тамбовская губерния), Касимове (Рязанская губерния). Глиняный товар также развозили на больших возах по деревням, где его продавали крестьянам за деньги или меняли на зерновые хлеба: рожь, овес, гречу, пшено, просо и лен.

Производство глиняных изделий лежало в семье на знании и искусстве мужчин, от которых это знание передавалось сыну. Женщины в этом производстве не участвовали, т.к. на них лежала вся работа по хозяйству и полевые работы. В этих занятиях принимали участие и дети, достигшие десятилетнего возраста [10; 283–284].

Во второй половине XIX века в Коровине появилось глазурование. Для этого использовали свинцовый сурик, медный купорос, марганец. Наносили раствор глазури на поверхность сосудов тряпочной кисточкой. После декоративной отделки высушенные изделия были готовы к обжигу.

Обжиг производился в специальных печах – горнах, которые были двух видов: напольные в помещениях и ямные на огородах. Оба вида горнов имели сходную конструкцию и состояли из двух ярусов: нижнего для топки и верхнего для обжига изделий.

В конце XIX века в Коровине появились новые формы изделий, имеющие более усложненную разработку. Это были фигурные квасники, покрытые плотной зеленой глазурью, в которых без труда угадывается влияние скопинских изделий. Видимо, широкая известность, оригинальность и фантастичность форм последних, толкнула местных мастеров на разработку своего варианта, так как при всей близости со скопинскими местный квасник отмечен своим своеобразием и красотой. Он более прост и графичен по форме, скромнее по фигурной лепнине. Здесь воображение не уведило мастера столь далеко от утилитарной целесообразности вещи, как это наблюдалось в Скопине (Рязанской губернии) [9; 143–147].

На протяжении всего XIX – начала XX веков коровинская керамика продолжала сохранять ярко выраженный самобытный народный стиль, шедший в русле общих художественных устремлений крестьянского искусства этого края.

В начале XX века коровинское гончарство стало испытывать неравную конкуренцию с появившейся на рынках в массовом количестве металлической посудой. Этот процесс, характерный для всех промыслов России, имел здесь те же последствия: число мастеров значительно сократилось, увеличение выпуска изделий шло за счет снижения их художественного качества, вековые традиции предавались забвению. Лишь начавшееся в нашей стране после революции возрождение народных промыслов помогло сохранению этого самобытного центра [5; 93].

Так как в большинстве случаев промыслы работали на местный рынок (их продукцию скупали жители окрестных деревень), многие вещи не получили широкого распространения. Кроме того, если труд гончара и пользовался уважением, то на глиняную посуду смотрели как на нечто, пусть очень полезное, но обыденное, привычное, что не стоит беречь и хранить много лет. Это особенно касалось бытовой посуды простых форм. С проникновением в деревню фарфора в конце XIX века пренебрежение к гончарным изделиям возросло. Поэтому собирателям произведений народного искусства часто бывает нелегко в полевых условиях находить вещи даже местного, еще недавно действовавшего производства.

Что касается видов художественного оформления, то они были столь многообразны, что можно говорить о своеобразной живописи, графике, скульптуре в народной керамике. Каждый промысел, естественно, развивался в особых экономических условиях. Очень часто в произ-

водствах, отдаленных от торговых и промышленных центров, сохранялись архаические формы, ясно ощущаемой древнерусской традиции. В других случаях, наоборот, чувствовалось влияние современной городского быта, а иногда стремление использовать формы и мотивы украшений изделий из других материалов [4; 55].

Керамика Меленковского уезда близка по своим особенностям к скопинским бытовым изделиям. Здесь также применялись потечные глазури ярких расцветок и оттиск штампиками, но сам орнамент отличался своей простотой и строгостью [7; 85].

Очень часто предметы гончарного искусства показывались на выставках, как в пределах губернии, так и за пределами страны [1; 21].

Неотъемлемой частью крестьянских занятий было прядение шерсти и льна. Оно совершалось ручным способом: шерсть свертывалась куделей, привязывалась к прялке и, не смачиваясь слюной, нитку навивали на веретено. Лен заготавливался мочками (небольшими прядями), которые сначала прочесывали на гребне, чтобы отделилось волокно, затем сажали их на тот же гребень и пряли, беспрестанно послиюивая нитку у мочки, вытянув нить на два аршина, наматывали ее на веретено.

Пряденную шерсть и лен ткали на одних и тех же станках. Вытканное сукно употреблялось на верхнюю одежду в семье, а холст поступал на повседневное белье, только холст точился пестрым: синяя нитка с красной и белой, или с одной которой–нибудь из последних [12; 168]. Это рукоделье присуще всем женщинам уезда, которым они занимаются почти каждую свободную минуту, исключая рабочую пору и праздники [6; 121].

В деревне Большой–Сал был распространен синильный промысел. В специальных помещениях красили в синий цвет пряжу, холсты и набивали их яркими цветными узорами. Работы начинались вслед за прекращением овчино – выделочного производства с Крещенья и производились до июля, а после сенокоса до 1–го сентября. Все производство в синильных заведениях принадлежало исключительно, прихотливому вкусу женщин.

Способ синения льняных изделий был довольно простым: в кипящий котел с кубовой синей краской опускали пряжу или холсты и держали их там до известного только мастеру времени, потом вынимают их из краски и развешивали на воздух для просушки. Если пряжа или холст недостаточно окрасились, то их снова опускали в краску и т. д. пока не получался требуемый цвет.

Набивались холсты доской, с вырезанными на ней узорами, которой намазав нужной краской, оттискивали на белом или синем холсте различные узоры.

Нужная для этого процесса краска – синяя кубовая, называемая кольга, приобреталась в Муроме по 4 рубля

за фунт, желтая крон, покупалась там же по 6 копеек за фунт.

В деревнях Усад и Малютинке три домохозяина крашили великим постом, порыжевшие крестьянские шляпы валеные из шерсти, для этого их специально собирали их по окрестным селениям.

Для окраски старых шляп в черно-бархатный цвет изготавливали красящее вещество из смеси: сандал, медный купорос и другие специи, составляющих секрет мастера. За окрашивание шляпы брали по 15 копеек [12; 171–172].

Центром портняжного промысла являлась Усадская волость [6; 122]. Этот промысел был организован следующим образом: портной – предприниматель, собственник ручной или ножной швейной машины, брал себе одного ученика, нанимал одного или двух подручных и управлялся с ними в соседние села на поиски работы. Для нее портному нужны были: машинка, утюг и ножницы. Когда работа была найдена, они приходили в дом заказчика, получали от него материал и начинали работу, во время которой пользовались харчами заказчика. По окончании работы они переходили в следующий дом, и так до тех пор, пока не "обшивали" все селенье. Портные уходили из дома в сентябре, а возвращались в феврале.

За шитье пиджака брали 80 копеек, за кафтан – 50 копеек, за кофту – 50 копеек [8; 47–48].

Льняным промыслом занимались во всех волостях Меленковского уезда [11; 109]. Он состоял в том, что лен, собранный со своей и арендованной земли мяли, трепали, чесали и продавали. Посев льна, и обработка его для тканья холста, производилось почти во всех хозяйствах уезда. Обработкой льна всецело занимались жен-

щины. Снопы сначала сушили в бане, а затем его переминали и связывали на продажу. К концу XIX века Меленковский лен стал терять конкурентоспособность на рынке, его вытеснял лен из Псковской губернии, который по качеству был гораздо лучше [8; 50].

В деревне Большой-Сал (Пановской волости) [6; 122], кроме обработки льна, крестьяне занимались выделкой овчины. Они обустроили 8 специальных помещений, в которых овчину выдывали на продажу и по заказу крестьян соседних деревень.

К этому занятию приступали после окончания полевых работ и продолжали его до Рождества. На выделку и дубку овчины употребляли: корье, ржаную муку и поваренную соль, в таком размере: на 100 овчин от 3 до 4–х пудов корья, столько же ржаной муки и 20 фунтов соли.

На выделку поступала русская и черкасская овчина (черкасская преимущественно выдываются на продажу).

Готовая к продаже овчина связывалась десятками и продавалась на базарах г. Меленок и Выксунском заводе, по следующим ценам: русская овчина от 10 до 14 руб. за десять штук, черкасская – от 14 до 20 руб. За выделку же овчин по заказу брали от 10 до 12 копеек за штуку [12; 170–171].

Исследование показывает, что кустарные промыслы в Меленковском уезде в середине XIX – начале XX вв. были достаточно разнообразными и обеспечивали крестьян необходимой продукцией. Благодаря развитию кустарных промыслов, они также получали возможность дополнительного заработка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирские кустари на выставке в городе Шуе. Типо-литография Губернского правления, 1901. – 34с.
2. Вознесенский В., Бобров Я. Владимирский край. Обзор народного хозяйства Владимирской губернии с 51 рисунком. 7 картографиями и 5 диаграммами в тексте. Владимир, 1928. – 148с.
3. Доклады – отчеты Владимирской Губернской Земской управы очередному губернскому земскому собранию по кустарному предпринимательству и профессиональному образованию. Типо-литография губернской земской управы, 1912. – 113с.
4. Иванов А.И. Забытое производство. Очерки изразцовой промышленности Владимирского края. Издательство Владимирского окружного бюро краеведения и окружного историко-краеведческого музея, 1930. – 56с.
5. История и культура Меленковского края: монография / М.Я. Федотова. – Владимир: Транзит – ИКС, 2013. – 221с.
6. Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1913 год. Издательство Владимирского губернского Статистического Комитета, 1912. – 345с.
7. Каталог кустарно-промышленной выставки, устраиваемой в городе Владимире при Губернской Управе. Типо-литография губернской земской управы, 1912.
8. Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Том III. Меленковский уезд. Выпуск III. Промыслы крестьянского населения. Типо-литография Губернской Земской Управы, 1901. – 172с.
9. Скворцов А.И. "Коровинские гончары", Перо Жар-птицы, Ярославль, 1974. – 347с.
10. Статистический Временник Российской Империи. II. Выпуск 3. Часть 1. СПб., 1872. – 327с.
11. Труды Владимирского Губернского Научного общества. Выпуск II. Владимирское государственное издательство, 1921. – 186с.
12. Труды Владимирского губернского статистического комитета. Под ред. секретаря комитета К. Тихонравовым. Выпуск X. Владимирская топография губернского правления, 1874. – 393с.

МОНАРХИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ИСТОРИОГРАФИИ (1914-февраль 1917 гг.)

THE MONARCHICAL ORGANIZATIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE HISTORIOGRAPHY (1914 - February 1917)

O. Golovina

Annotation

The historiography study of the monarchical organizations of the Russian Empire at the beginning of the 20th century is essential considering the exponential increase of the publications devoted to the ideology and practical activity of these organizations. Both the absence of the historiographic works examining the monarchists' activity within the period from 1914 till February 1917 and the necessity of such a research condition the peculiar timeliness of this article. The article gives the general overview of the historiography of the Russian monarchical organizations within the indicated period; it researched the state of subject knowledge, distinguished the current problematics. The historiographic researches devoted to the monarchical organizations' activity study are the important component and the necessary condition for the comprehensive study of the political history of the Russian Empire at the beginning of the 20th century.

Keywords: historiography, right-wing political organizations of the Russian Empire at the beginning of the 20th century, Russian monarchical organizations, the Black Hundreds.

Головина Ольга Владимировна
Днепропетровский государственный
университет внутренних дел,
г. Днепропетровск, Украина

Аннотация

Изучение историографии монархических организаций Российской империи начала XX века представляется актуальным с учетом возрастающего по экспоненте количества публикаций, посвященных идеологии и практической деятельности данных объединений. Отсутствие историографических работ, рассматривающих изучение деятельности монархистов в период с 1914 г. по февраль 1917 г. и необходимость такого исследования обуславливает особую актуальность данной статьи. В статье представлен общий обзор историографии русских монархических объединений в указанный период, исследована степень изученности темы, выделена актуальная проблематика. Историографические исследования, посвященные изучению деятельности монархических объединений, являются важной составляющей и необходимым условием всестороннего изучения политической истории Российской империи начала XX века.

Ключевые слова:

Историография, правые политические организации Российской империи начала XX века, русские монархические объединения, черносотенцы.

Исследование деятельности монархических организаций как важной составляющей общественно-политической жизни Российской империи начала XX в. продолжает оставаться актуальным на современном этапе развития исторической науки. Общий объем работ как обобщающего характера [21; 22; 18; 7], так и посвященных отдельным аспектам идеологической и практической политической борьбы российских крайне правых объединений [9; 19] постоянно увеличивается, значительное количество защищенных диссертаций свидетельствует об актуальности изучения монархических организаций [10; 20; 5; 26].

С учетом возрастающего по экспоненте количества публикаций, посвященных идеологии и политической деятельности данных объединений, является актуальным изучение историографии русских монархических организаций. Появляются работы, посвященные историографии проблемы [8; 17; 4], целью которых является не только рассмотрение степени изученности данных поли-

тических объединений, но и определение перспективных направлений исследований, что позволит выявить и устранить существующие пробелы в истории монархических организаций начала XX в.

Несмотря на наличие публикаций, рассматривающих правые российские политические партии и организации начала XX в., и работ, посвященных историографии их деятельности, на современном этапе развития историографии исследование степени изученности монархических объединений не теряет своей актуальности. Отсутствие работ, рассматривающих историографию монархических организаций в период с 1914 г. по февраль 1917 г., и необходимость такого исследования обуславливает своевременность и особую актуальность данной статьи. Историографические исследования, посвященные деятельности монархических объединений, являются важной составляющей и необходимым условием всестороннего изучения политической истории Российской империи начала XX в.

В деятельности русских монархических организаций можно выделить несколько периодов: период активных политических выступлений различных классов и слоев населения Российской империи во время первой русской революции; период реакции и последовавшего за ней временного экономического и политического подъема 1908–1914 гг., период I мировой войны (1914–февраль 1917 гг.).

Деятельность политических организаций крайне правой направленности в 1905–1907 гг., несмотря на обширную историографию первой русской революции, изучена недостаточно. Изучение деятельности монархических объединений в период первой русской революции представляет не только научный интерес, но и имеет важное общественное значение, поскольку в массовом сознании волна погромов, прокатившаяся осенью 1905 г., продолжает ассоциироваться с крайне правыми монархическими объединениями – черносотенными союзами. Объективное и всестороннее исследование деятельности крайне правых монархических объединений в 1905–1907 гг. получает свое развитие начиная с 90-х гг. XX в.

Следующий период деятельности монархических партий и организаций характеризуется перемещением политической борьбы в выборный орган государственного управления – Государственную думу. Для этого периода присущ спад активности монархического движения, численность черносотенных союзов постепенно уменьшается. На смену монархической идеологии приходит новая идеология, призванная консолидировать общество вокруг лозунга "самодержавие – православие – народность". Правые политические организации, действующие в период 1908–1914 гг., рассматривались в работах историков (А. Я. Аврех, В. С. Дякин, Ю. Б. Соловьев), посвященных третьей и четвертой думам и деятельности Государственных дум. В современной российской и украинской историографии имеется достаточное количество работ, рассматривающих деятельность правых политических организаций в данный период, преимущественно в работе Государственной думы Российской империи.

Последний период деятельности монархических объединений в исторической литературе практически не рассматривался. Исследователи советского периода исходили из определяющего положения, что классовая борьба в Российской империи начала XX ст. велась между пролетариатом и буржуазией, помещичье дворянство как класс являлось пережитком феодального общества, и активной роли в политической борьбе как выражении классовой борьбы принимать не могло. Историография деятельности монархических объединений в этот период, таким образом, состоит из работ, предметом которых являлись значительно более широкие проблемы, в рамках которых рассмотрение деятельности монархических

объединений имело эпизодический, производный характер [1; 2; 6].

К таким обобщающим темам в историографии периода с 1914 г. по февраль 1917 г. относится история первой мировой войны и Февральской революции, в рамках которой рассматривается положение классовых и политических сил накануне краха самодержавия, и затрагивается, соответственно, положение правого крыла политического лагеря. Рассмотрение деятельности политических сил охранительного направления занимает в этих работах соответствующее, весьма скромное, место. Другую группу публикаций составляют обобщающие работы, посвященные социально-политической истории Российской империи, классовой и политической структуре общества, истории Государственных дум и падения третьей и четвертой систем, исследующие внутреннеполитические предпосылки краха самодержавия, в том числе деятельность охранительного лагеря. Важной составляющей историографии деятельности монархических объединений в период с 1914 г. по февраль 1917 г. являются обобщающие работы С. А. Степанова, Ю. И. Кирьянова, И. В. Омелянчука, посвященные монархическим (черносотенным) организациям на протяжении всего периода их истории.

В историографии деятельности русских монархических организаций в 1914–1917 гг. можно выделить несколько периодов: 1) дореволюционный; 2) советский, который, в свою очередь, делится на несколько этапов; 3) постсоветский (или современный).

Начало изучения деятельности политических партий и организаций было положено еще в период становления парламентской системы Российской империи начала XX в. непосредственными участниками происходящих политических процессов. К дореволюционной историографии можно отнести публикации, посвященные событиям 1914–1917 гг., представленные в основном мемуарной литературой и работами публицистического характера, размещенными в периодических печатных изданиях. В первую очередь важнейшими историографическими источниками являются работы политических лидеров и государственных деятелей периода упадка и гибели третьей и четвертой систем, I мировой войны и Февральской революции: П. Н. Милюкова, В. В. Шульгина, В. Н. Коковцова, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого и других [16; 25; 11; 13; 14; 15; 24].

Публикации этой группы отражают общественно-политическую жизнь Российской империи начала XX в., поскольку их авторы оказывали значительное влияние на развитие политических процессов, происходящих в указанный период. В работах П. Н. Милюкова, В. В. Шульгина, В. И. Ленина приводятся данные о партийном составе

Государственной думы, раскрываются методы и формы парламентской борьбы, используемые в это время, описывается деятельность и личные качества политических деятелей, в частности правого лагеря: В. М. Пуришкевича, Н. Е. Маркова (Маркова Второго) и др.

Несмотря на то, что мемуарам как источнику присущ субъективизм как в освещении событий и явлений, так и в их отборе для описывания, рассматриваемые работы имеют важное значение для историографии политических партий Российской империи начала XX в. Это обусловлено наличием исследовательских элементов в данной группе источников, что дает возможность рассматривать их не только в источниковедческом, но и в историографическом плане.

Важное значение для историографии монархических объединений имеют работы В. И. Ленина, в которых анализируются программные установки, методы политической и партийной борьбы [13; 14; 15]. В период 1914–февраля 1917 гг. работы В. И. Ленина в основном были посвящены борьбе пролетариата и тактике классового боя в условиях войны. Тем не менее, в работах В. И. Ленина, написанных в указанный период, находит отражение общественно-политическая и социальная обстановка, характерная для Российской империи в период I мировой войны.

Статьи В. И. Ленина, посвященные злободневным вопросам политической и общественной жизни Российской империи, необходимо рассматривать как исторический источник для изучения политической истории Российской империи начала XX в., и одновременно эти публикации являются важнейшим историографическим источником, как одни из первых работ, в которых анализируется деятельность монархических объединений.

Воспоминания редактора газеты "Киевлянин", члена Государственной думы В. В. Шульгина, одного из лидеров русских националистов, являются важным источником для изучения деятельности правых политических объединений, в частности партии националистов – "Всероссийского национального союза" и фракции "прогрессивных русских националистов" в IV Государственной думе [25]. Книга воспоминаний В. В. Шульгина "Годы" охватывает весь период деятельности правых политических объединений, начиная с провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. до Февральской революции 1917 г. В своих мемуарах автору удалось создать целостную картину упадка и гибели самодержавия в Российской империи начала XX в., в частности, деятельности в Государственных думах различных политических сил и отдельных государственных и политических деятелей. По выражению В. П. Владимирова, автора вводной статьи к первому изданию книги "Годы" (1979 г.), "перед читателем проходит

красочно выписанная, будто сошедшая с картины Репина "Государственный совет", галерея бывших властителей царской России" [25, с. 13].

На протяжении советского периода историографии изучение деятельности политических сил реакционной направленности происходило неравномерно. В развитии советской историографии монархических организаций можно выделить несколько этапов: 20–30-е гг.; 30–50-е гг.; 60–80-е гг. Характерной чертой для советского периода историографии данных объединений является отсутствие специальных исследований, посвященных истории политических объединений охранительного лагеря. Исключение составляли немногочисленные работы, положившие начало научному исследованию правых политических партий и организаций [23; 12].

В 20–30-е гг., на первом этапе развития советской историографии, несмотря на увеличение общего количества работ, посвященных российским политическим партиям, и, в частности, монархическим объединениям, деятельность монархистов в период 1914–1917 гг. не представляла научного интереса для исследователей. С середины 30-х гг. исследование монархических партий и организаций практически не происходило. Имеющиеся в отдельных работах упоминания о черносотенных союзах отличаются тенденциозностью оценок.

После периода 30–50-х гг., во время которого монархические партии и организации выпали из комплекса исследуемых советской исторической наукой проблем, в изучении политической истории Российской империи начала XX в. начинается новый этап. В 60–80-е гг. история правых политических объединений рассматривается в многочисленных обобщающих монографиях, посвященных социально-политической истории Российской империи [6; 1; 23; 12]. На этом этапе деятельность монархических партий и организаций в период с 1914 по февраль 1917 г. не была предметом специального изучения в советской историографии. Однако целый ряд аспектов данной темы в разной степени нашли отражение в работах, издаваемых на протяжении этого времени. В период 60–80-х гг. было подготовлено значительное количество работ, рассматривающих положение дворянства и буржуазии, политических организаций охранительного лагеря, которые можно отнести к историографии монархических партий и организаций, хотя предмет исследования в указанных работах выходит за рамки проблематики деятельности этих политических объединений.

В обобщающих работах по социально-политической истории Российской империи изучение монархических партий и организаций заслуживало лишь беглого упоминания. Определенное место занимает изучение данного вопроса в работах, посвященных третьей и юньской систе-

ме и деятельности Государственных дум. Историография правых политических объединений, включающая как непосредственно исследования, посвященные Государственным думам, так и обобщающие работы, исчерпывающе рассмотрена в соответствующей главе монографии А. А. Иванова [9, с. 6–53].

В рамках данной статьи представляется необходимым остановиться на историографии деятельности русских монархических объединений на территории Украины, что является необходимой составляющей изучения деятельности монархических организаций в Российской империи и, соответственно, их историографии.

Деидеологизация исторической науки, начавшаяся в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., обусловила активизацию изучения ранее неисследованных страниц истории, и в частности, монархических политических объединений Российской империи начала XX в.

В современной украинской историографии деятельности русских монархических организаций на территории Украины можно выделить работы, рассматривающие общие аспекты истории правых политических объединений [21; 22; 18; 26], и публикации, посвященные деятельности монархических организаций на региональном уровне, отдельным проблемам идеологической борьбы и практической политической деятельности [например, 3].

В публикациях, посвященных общим вопросам возникновения и деятельности монархических организаций на территории Украины, нашло косвенное отражение и их деятельность в период с 1914 г. по февраль 1917 г.

В статьях И. В. Омелянчука, М. С. Савчина, И. Г. Самарцева и др., опубликованных в 90-х гг. XX в., монархические союзы и их деятельность на территории Украины рассматривались как составляющая часть общероссийского движения [18; 21; 22 и др.], в работах, написанных в последние десятилетия, рассматриваются внутривнутриполитические меры воздействия на население Украины, находит отражение позиция представителей российского правого политического лагеря по отношению к "украинскому вопросу".

Так, в публикациях В. Н. Волковинского, посвященных проблематике деятельности российских правых объединений на территории Украины, рассматривается борьба этих организаций с национальным украинским движением. В своих статьях В. Н. Волковинский рассматривает не только всероссийские монархические организации, например, Союза русского народа, но и затрагивает деятельность русских националистических организаций (Киевский клуб русских националистов и др.) [например, 3].

В современной украинской историографии крайне правого монархического движения можно выделить ряд проблем, относящихся к дискуссионным или остающимся до настоящего времени малоисследованными. К таким дискуссионным проблемам принадлежат, в частности, причины погромов осенью 1905 г., вопросы взаимодействия органов государственной власти с черносотенными организациями в условиях нарастания и последующего спада угрозы революции для существующего строя, взаимоотношения монархических организаций и православной церкви и др.

К малоисследованным проблемам в изучении монархических партий и организаций можно выделить проблематику идеологических предпосылок возникновения и деятельности монархических объединений на территории Украины, отношение российских правых объединений к украинскому национальному движению, деятельность сил охранительного лагеря во время I мировой войны и Февральской революции.

Важное значение для изучения истории российских политических партий в 1914–1917 гг. имеет монография В. А. Зорика [7], посвященная деятельности политических партий Украины и России в годы I мировой войны, учитывая ограниченный круг исследований по истории правых политических объединений в указанный период.

В последнее десятилетие наблюдается увеличение исследовательского интереса к изучению деятельности монархистов на региональном уровне, а также концентрация исследовательского интереса на отдельных аспектах деятельности сил правого политического лагеря. К таким важным составляющим деятельности политических объединений являлось участие в работе выборного представительского органа – Государственной думе. Целый ряд работ подготовлен украинскими исследователями (А. Л. Глушковецкий, В. И. Милько, Е. П. Назарова и др.), в которых авторами выделена специфика участия в деятельности Государственной думы депутатов от отдельных губерний и политических сил.

Исчерпывающим исследованием, в котором рассматривается такой аспект истории монархических объединений, как их деятельность в Государственной думе и Государственном совете, представляющие единый комплекс органов власти, является монография А. А. Иванова [10].

Данная работа, являющаяся продолжением многолетнего изучения автором деятельности правых объединений в Государственной думе и Государственном совете, на настоящий момент является первым исследованием в историографии, посвященным правым политическим объединениям в годы I мировой войны.

Подводя итоги проведенному исследованию степени изученности монархических организаций в период 1914–февраль 1917 гг., можно сделать вывод, что их деятельность в указанный период изучена недостаточно полно. Несмотря на наличие значительного количества работ, рассматривающие как общие вопросы возникновения и эволюции этих объединений, так и отдельные аспекты деятельности сил охранительного лагеря, в историографии монархических организаций отсутствуют комплексные исследования, посвященные этой пробле-

матике.

Всестороннее исследование данного периода деятельности крайне правых монархических организаций является необходимым условием создания целостной исторической картины политических процессов, происходящих в Российской империи в указанный период и приведших к краху самодержавия, что обуславливает актуальность дальнейших исследований деятельности монархических объединений в Российской империи в период с 1914 г. по февраль 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. – М. : Наука, 1985. – 261 с.
2. Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. – М. : Наука, 1989. – 256 с.
3. Волковинский В. М. "Чорна сотня" та її "хрещені батьки" в Україні на початку ХХ ст. // Історія України. – 2002. – № 10. – С. 54–65.
4. Головіна О. В. Сучасна історіографія монархічних організацій в Україні: особливості і тенденції // Проблеми політичної історії України : збірник наукових праць. – Дніпропетровськ, 2013. – Вип. 8. – С. 70–77.
5. Долгих Ф. И. Правые в III и IV Государственных Думах России (1907–1917 гг.) : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.02 "Отечественная история". – М. 2004. – 16 с.
6. Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). – Л. : Наука, 1967. – 374 с.
7. Зорик В. А. Політичні партії України та Росії в роки першої світової війни (1914–лютий 1917 рр.). – Х. : ХДУХТ, 2011. – 216 с.
8. Карлукін Д. В. "Черная сотня": веги осмысления в России. – М. : Изд-во МГОУ, 2009. – 387 с.
9. Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). – М.; СПб.: "Альянс–Архео", 2013. – 520 с.
10. Иванов А. А. Правый спектр Государственной Думы и Государственного Совета России в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917 гг.): автореф. дис. на соискание уч. степени доктора ист. наук : спец. 07.00.02 "Отечественная история". – СПб., 2011. – 50 с.
11. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919 / Сост., авт. вст. ст., коммент., имен. указ. С. С. Волк. – М. : Современник, 1991. – 590 с.
12. Комин В. В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России: Факультативный курс лекций. – Калинин, 1970. – 227 с.
13. Ленин В. И. Политические партии в России // Полное собрание сочинений [5–е изд.] : в 55 т. – Т. 21. – М., – 1976. – С. 275–287.
14. Ленин В. И. Итоги выборов // Полное собрание сочинений [5–е изд.] : в 55 т. – Т. 22. – М., – 1976. – С. 319–344.
15. Ленин В. И. О черносотенстве // Полное собрание сочинений [5–е изд.] : в 55 т. – Т. 24. – М., – 1976. – С. 18–19.
16. Миллюков П. Н. Воспоминания / П. Н. Миллюков. – М. : Политиздат, 1991. – 528 с.
17. Михайлова Е.М. Проблематика политической идеологии правомонархического движения начала ХХ в. в современной отечественной историографии. // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2008. – № 2. – С. 200–207.
18. Омелянчук І.В. Чорносотенний рух в Україні на початку ХХ століття //Сучасність. – 1997. – № 12. – С. 86–93.
19. Ромов Р. Б. Правая фракция в Государственной думе // Политические партии в российских революциях в начале ХХ века. – М. : Наука, 2005. – С. 452–462.
20. Ромов Р. Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912) : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук спец. 07.00.02 "Отечественная история". – М., 2003. – 30 с.
21. Савчин М. С. Правомонархічні організації в Росії // Наукові праці з питань політичної історії. – Вип. 169. – К., – 1991. – С. 52–60.
22. Самарцев І. Г. Чорносотенці на Україні (1905–1917 рр.) // Український історичний журнал. – 1992. – № 1. – С. 90–98.
23. Спиринов Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало ХХ в.–1920 г.). – М. : Мысль, 1977. – 366 с.
24. Троцкий Л. Д. История русской революции : в 2 т. – Т. 1: Февральская революция / Общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого; Примеч. В. Иванова. – М : ТЕРРА; Республика, 1997. – 464 с.
25. Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. – М. : Новости, 1990. – 832 с.
26. Якуніна А. О. Діяльність монархічних партій Наддніпрянської України (1907 рік – перша половина 1914 року) : автореф. дис ... канд. іст. наук. – Дніпропетровськ, 2013. – 20 с.

ОСОБЕННОСТИ РЕГРЕССА ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

GLOBAL SOCIETY
REGRESSION FEATURES

A. Fedin

Annotation

The article discusses problem of degradation of the modern world. The author devotes particular attention to the analysis of general mechanisms of the process of social regression and features of their functioning within the individual subjects of the historical process.

Keywords: globalization, cultural matrix, social regression, civilization.

Федин Александр Николаевич
Аспирант, Рузаевский институт
машиностроения (филиал) ФГБОУ ВПО
"Мордовского государственного
университета им. Н. П. Огарева

Аннотация

В статье рассматривается проблема деградации современного мира. Особое внимание автор уделяет анализу общих механизмов процесса социального регресса и особенности их функционирования в рамках отдельных субъектов исторического процесса.

Ключевые слова:

Глобализация, культурная матрица, социальный регресс, цивилизация.

Современная стадия исторического процесса уникальна по своему содержанию. Никогда прежде различные цивилизации не были столь близко связаны экономическими, политическими и культурными процессами так, как это происходит в современную эпоху. Многими прогрессистами обосновывалось, что бурное развитие информационных технологий, освоение космического пространства, глобализация экономики и других сфер человеческой деятельности, способны в кратчайшие сроки воплотить в жизнь принципы единства, свободы личности и торжества человеческого разума, то есть создать основания для всеобщего общественного развития. Однако взаимоотношения различных субъектов исторического процесса на наш взгляд проходят в крайне противоречивой форме, что скорее приведет к новому кризисному этапу, нежели к общему процветанию. Чтобы раскрыть особенности регресса современного мира попытаемся развить тезис философа Н. В. Мотрошиловой, которая указывает на источник современного варварства в центре цивилизованного мира [7, с. 143].

Демонтирование прежних механизмов функционирования отдельной цивилизации в глобальном мире приводит к разрывам внутри системы развития, образуя за собой на недолгое время пустоты, которые заполняются стихийными элементами, но для современной эпохи корректнее их будет назвать общечеловеческими и универсальными, поступающими из ядра глобального мира. Данное восполнение пустот, с помощью принятия условий существования общества на основаниях иной культуры определяет потерю дееспособности. Способность

противостоять разрыву зависит от культурной матрицы субъекта, которая представляет собой ретранслятор накопленных в ней знаний различных поколений и обладающей функциями хранения, передачи и защиты от элементов внешнего воздействия, путем частичной абсорбции или же полным неприятием. Поэтому степень регрессивного воздействия для отдельного субъекта исторического развития дифференцируется, исходя из оснований культуры, что определяет феноменальность проявления всеобщего процесса деградации. Итак, мы можем сказать, что траектория движения регресса в современном мире проходит от ядра глобального мира к периферийным субъектам, совершая постепенный переход из локального состояния в глобальное. Согласимся с исследователем В. Г. Федотовой, которая относит данный этап формирования глобального мира к сворачиванию всеобщего развития, где происходит реализация общей "идеальной" модели, сущность которой выражается в поддержании статуса-кво между развитыми странами и всеми остальными, переводя термин всеобщего регресса в фикцию [10].

Процесс социального регресса современного мира неотделим от объективного перехода мира в особенное состояние, где процессы взаимодействия различных цивилизаций принимают все большее значение для общественного развития. Переход общества к новому состоянию, ставит вопрос об обработке, распространении, передаче и хранении информации, как факторам всеобщего социального развития. Анализируя вопрос развития сетей и скорости распространения информации в США

начала XXI века, социолог М. Кастельс пришел к выводу, что значительное эффективнее будет снизить темпы ускорения и увеличения бытового парка персональных компьютеров и добиться некоего паритета в соотношении владельцев. Распространяя эти выводы на мировое сообщество в целом, социолог рассматривает глобализацию, как возможность интеграции менее развитых стран в процесс формирования информационного общества при условии менее техноемких и убыстряющихся темпов развития, как решению проблемы сокращения "сетевого разрыва" [5, с. 309].

Предложенный М. Кастельсом сброс темпов ускорения, как возможности достижения скорейшего паритета в социальном развитии, невозможен по причине постоянно нуждающейся в количественном насыщении сложившейся капиталистической системе, которая использует любую возможность технического совершенства в качестве извлечения прибыли. Применительно к постиндустриальной парадигме этот вопрос поднимает А. В. Бузгалин, подчеркивающий, что заканчивающее господство материального производства переходит в виртуальную сферу, а вместе с этим происходит все больший процесс отчуждения большинства от возможностей участия в созидательной деятельности [1]. Поэтому проблема "сетевого разрыва" в существующих условиях глобального мира не решаема. При этом, как отмечает И. Д. Тузовский, даже установление паритета в данном направлении не способно автоматически вывести менее развитые общества на постиндустриальную стадию, по причине отсутствия механизмов критического осмысления информационных процессов, количество которых действительно увеличивается, порождая за собой формирование мультиэтной цивилизации [9, с. 127].

Отсутствие в ядре культуре выработанных механизмов по переработки поступающей информации извне, серьезно увеличивает шанс для начала распада самого ядра культуры и запуска процессов деградации. Поступающий в современной эпохе поток информации, существенно превышает ее количество в прошедшие эпохи, что еще раз определяет особенность современного мира, а также усиливает возможность создания разрывов внутри цивилизации. Поток информации содержит в себе как деформирующие элементы, так и положительное знание, а функции фильтра ядра культуры заключается в абсорбции знания, его переработки в рамках традиции взятой цивилизации, хранение и передачу существующему поколению на микро (личность–семья–школа) и макро (цивилизация) уровнях, для возможности устранения явлений, к которым социолог П. Штомпка применял термин "культурная травма", то есть регресса [12, с. 8].

С. Г. Кара–Мурза пишет: "Школа – одна из самых устойчивых, консервативных общественных институтов,

"генетическая матрица" культуры. В соответствии с этой матрицей воспроизводятся последующие поколения. Поэтому тип школы, выработанный той или иной культурой, является важнейшим фактором формирования и воспроизводства цивилизации. Школа – механизм, сохраняющий и передающий от поколения к поколению культурное наследие данного общества. В то же время это идеологический механизм, "производящий человека" данного общества [4, 642]. Поэтому влияние увеличивающегося информационного потока, в качестве механизма регресса, воздействует в первую очередь на процесс образования, как важнейший элемент для становления и воспроизводства личности в рамках культурно–исторического типа, а также на возможности создания и поддержания функционирования любого цивилизационного субъекта. Вызванные процессами глобализации миграционные потоки квалифицированных индивидов, содержащих в себе потенциал для прогресса локального субъекта, значительно снизили способность сопротивления ядра культуры и, безусловно, повлияли на деградацию различных цивилизаций, в том числе и русской.

Выстраивание среднего и высшего образования на основании традиций, лежащих в ядре культуры, позволяет воспроизводить в образовательных институтах личность воспринимающую, передающую и развивающую ценности присущие цивилизации. В связи с переходом, в рамках глобализации, к системе унификации образования, рухнет воспроизводство личности, а вместе с ней и возможность оперативного реагирования на происходящие изменения в экономической, политической, культурной сферах. Таким образом, процесс изменения антропоток, как и переход к универсальной модели образования, лишают развивающиеся страны возможности успешной адаптации к происходящим глобальным изменениям на основе культурного опыта. Это также ускоряет процесс культурного и исторического разрыва между поколениями людей принадлежащих одной цивилизации, по причине перехода к воспроизводству личностей на универсальных основаниях, что способствует формированию различных ценностных и моральных норм в обществе для различных поколений, в связи с чем прогресс, как общая целеполагающая идея, становится невозможным.

Развитие конкретно–индивидуального (человека), таким образом, берет свои корни теперь не в ядре культуры высшей индивидуальности, а питается универсальным источником из вне, что ведет к сворачиванию деятельности всей цивилизации.

Механизмы глобализации, повлекшие за собой усиление миграционных процессов, траекторией которых выступает движение населения от периферии к центру, воздействуют и на ядро современного мира, представ-

ленного западной цивилизации. Возникшее сегментирующее состояние общества, долгое время пытавшееся соединиться с помощью мультикультурной парадигмы, в начале этого десятилетия потерпело фиаско, именно как невозможность воплощения идей эпохи Просвещения и И. Канта по созданию единого общества, на основе принципов развития западной цивилизации. Вновь возникающая структура западных обществ, заключающая в себе строгую иерархию по этническим признакам, создает почву для возникновения новой формы фашизма, как способе соединения разрушенных элементов в обществе, что повторяет процессы, происходившие в начале XX века. Эту трансформацию западного общества сегодня можно установить по следующим признакам: а) сочетание транснационального капитала с реакционной политической силой; б) милитаризация; в) решение проблемы миграции, как основа сплочения общественных организаций, где главную роль начинает играть недовольство белого рабочего класса своим положением.

Кризис же капитализма, как экономической системы производства, был на время решен с помощью столь необходимого для его природы существования новыми пространственными рамками, открывшимися при переходе к однополярному миру. В совокупности с факторами глобализации и информатизации капиталистический уклад экономики фактически лишил субъекты автономности в принятии решений, тем самым обеспечив сворачивание естественных форм организации хозяйственной деятельности, запустив деградацию в экономической сфере. Принцип открытости субъектов новым рынкам, как показывает экономист Р. Шапиро, оставил лишь за США и Китаем возможность принятия решения согласно их государственным интересам, переведя остальных в условия быстрого отказа от традиции, что явилось стрессом для общества [11, с. 336].

Процесс установления мирового экономического хозяйства практически свел к нулю фактор национального государства, как проводника идей социального прогресса, которому уделялось большое значение в западноевропейской философии, начиная с эпохи раннего Ренессанса, а также русской философии и этатизме евразийства. Национальное государство, как связующий элемент при разработке всеобщих моделей социального прогресса, во многом определяло отношение между нарастающей силой индивида и действием капиталистической системы, а также содержало в себе процесс целеполагания, необходимый для осуществления общественных изменений. Снижение роли национального государства в рамках экономической глобализации, сочетается, по мысли Б. В. Марков, с информационными факторами также направленными на преодоление границ национальных государств, как барьера для открытого использования информации [3, с. 364].

Синтез экономических и информационных факторов позволяет создать в новом информационном пространстве общие для всех экономик образы, которые выводят человека из реального мира в мир виртуальный, где главным становятся не вопрос об интеллекте, знании, информации, традиции или же общественного развития, а сам образ. Роль же национальных государств, как отмечает отечественный кибернетик Е. Н. Ведута, теперь переходит в полномочия транснациональных корпораций, и сущность деградации, таким образом, выражается в самой природе стихийного распоряжения ресурсами мировой экономической системы, как природным, так и человеческим капиталом, тем самым реализуя принцип прогресса меньшинства за счет большинства в экономической сфере [2].

Разбирая проблемы нарастающей скорости информационных и технических изменений, сторонник теории информационного общества А. И. Ракитов писал, что "переход к информационному и индустриально-информационному обществу невозможен, если скорость формирования новой генерации людей будет уступать скоростям технологически детерминированных процессов" [8, с. 31]. Создание качественно новой эпохи общественного развития с приставкой "пост", столкнулось с неготовностью самого человека к такому переходу, что было хорошо заметно еще в середине XX века на примере западного мира, однако крен в сторону научно-технического прогресса, как в теоретическом плане, так и практическом осуществлении, привел к разрыву между техногенной цивилизацией и ее глобальными процессами, где ядро определяет развитие периферии. Как мы уже отмечали само распространение в огромных количествах информации сегодня, не создало культурного базиса, способного формировать подходы к обработке, производству и распределению информационного продукта, что влияет на деградацию в сфере интеллекта, являясь предпосылкой к состоянию полного регресса.

Кризис индустриальной системы, как завершение функционирования прогресса за счет использования природных ресурсов, обозначил новое направление для совершенствования общества, в основе которого будут заложены потенциалы различных культур. Однако движение социума в так называемое общество с приставкой "пост", явило собой формирование нового антропологического вида – Постчеловека, который согласно линии деградации В. А. Кутырева, выражает в себе движение к отождествлению человека с субъектом деятельности, превращению в "озабоченный автомат", к полной потере человеческой сущности [6].

Выход из сложившейся ситуации и прекращение нравственного падения человека, его медленного движения к отречению от своей природы в сторону рациональ-

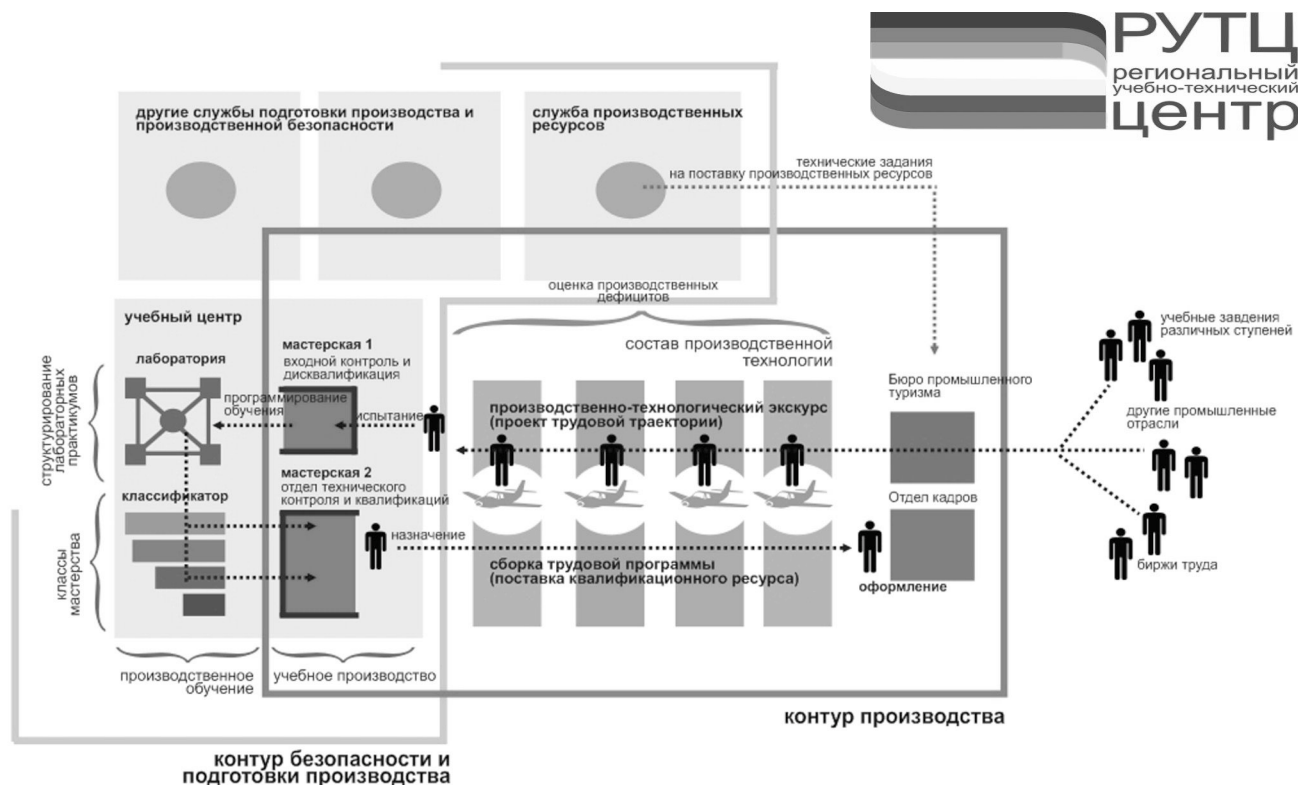
ного механизма, лежит в отказе от существующей модели универсального развития и переходе к воспроизводству личности согласно культурным матрицам, как начале осуществления прогресса всеобщего через развитие высшей индивидуальности, путем совершенствования конкретно-личного. Переход к иной парадигме развития,

как поиск альтернативной формы перехода к глобальному обществу, есть решение проблемы становления действительно всеобщего, разумного общества на равных правах, с реализацией потенциала каждой цивилизации, в основании которой находится высоконравственная личность, а не рационально-механистический индивид.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузгалин А.В. "Постиндустриальное общество" – тупиковая ветвь социального развития? // Вопросы философии. 2002. – № 5. – С. 26–43
2. Ведута Е. Н. Эффективное управление экономикой в условиях гражданского общества // Обозреватель. – 2007. – № 7. – С. 32–41.
3. Информационное общество. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
4. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 1200 с.
5. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
6. Кутырев В. А. Этот без(д)умно разумный мир // Век глобализации. – 2011. – №3. – С. 112–124
7. Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в современную эпоху / Н. В. Мотрошилова. – М.: ИФ РАН, 2007. – 268 с.
8. Ракитов А. И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. – 1994. – №4. – С. 14–34.
9. Тузовский, И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий / И. Д. Тузовский; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2009. – 312с.
10. Федотова В. Г. Модернизация и глобализация. Перспективы России. – М.: ИФ РАН, 2002. – 208 с.
11. Шапиро Р. Прогноз на будущее / Роберт Шапиро; пер. с англ. М. Жуковой. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 537 с.
12. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. – 2001. – №1. – С. 6–16.

© А.Н. Федин, (alexfedin@yandex.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ БУДУЩЕГО ПРАКТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

PSYCHO-PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMATION OF PROFESSIONAL STABILITY OF FUTURE PRACTICAL PSYCHOLOGISTS IN THE CONDITIONS FOR A COLLEGE EDUCATION

A. Varina

Annotation

The article describes the main theoretical and methodological principles and implementation technology in the educational process of preparing future professionals psycho training "Optimization of the formation of a professional sustainability of future professionals." The concept of training to optimize the stability of the formation of a professional: a person who believes in his success, seeks to more clearly define their mission and their attitude to life and become a real, real, himself.

Keywords: professional resistance and other corrective training, humanistic psychotherapy, Gestalt therapy, the model of education, professional development.

Варина Анна Борисовна
Мелитопольский государственный педагогический университет им. Богдана Хмельницкого, г. Мелитополь, Украина

Аннотация

В статье рассмотрены основные теоретико-методологические принципы и технологии внедрения в учебно-воспитательный процесс подготовки будущих специалистов психокоррекционного тренинга "Оптимизация процесса формирования профессиональной устойчивости будущих специалистов". Концепция тренинга оптимизации процесса формирования профессиональной устойчивости: человек, который верит в свою успешность, стремится более четко сформулировать свое жизненное предназначение и свое отношение к жизни, и стать аутентичным, подлинным.

Ключевые слова:

Профессиональная устойчивость, психокоррекционный тренинг, гуманистическая психотерапия, гештальт-терапия, модель образования, профессиональное становление.

В результате модернизации национальной системы образования и вхождения в единое европейское, мировое образовательное и научное пространство, в связи с внедрением в систему национального образования основных идей, сформулированных Болонской декларацией, важно учитывать как интеграционные процессы, так и национальный многовековой опыт. Актуальной проблемой для современной студенческой молодежи все больше становится вопрос собственной социальной мобильности, в которой интеграционная компетентность играет не абы какое значение. Остро встает вопрос профессиональной устойчивости, что также является практическим аспектом более широкой проблемы – проблемы конкурентоспособности и готовности к профессиональной самореализации в современных меняющихся условиях профессиональной деятельности.

В нашей стране проблема профессиональной устойчивости, психолого-педагогических условий ее формирования наиболее остро встала именно сегодня в связи с изменившимися социальными и экономическими условиями, новациями в области образования, и особенно

профессионального, а также с необходимостью изменения отношений субъекта труда к своей профессиональной деятельности. Новый смысл современного профессионализма и роли личности в его формировании повлек за собой радикальную переоценку ценностей профессионального развития. Возросли требования к специалисту, его подготовки и образования, к ответственности субъекта за свою карьеру, профессиональное будущее. Именно поэтому возможность адаптации индивида к меняющейся действительности становится осуществимой лишь благодаря одновременной динамике и устойчивости самого человека, его жизненных представлений и профессиональных планов.

Анализ научной литературы позволяет констатировать, что в настоящее время встречаются различные теоретико-методологические подходы к пониманию профессиональной устойчивости. В работах педагогов и психологов И.П.Андриади, Л.Г.Борисовой, И.Н.Димур, Ф.Г.Зиятдиновой, В.Н.Турченко, Г.А.Нагорной, Н.Е.Мажара, З.К.Каргиев, З.Н.Курлянд, О.В. Ржанниковой, В.Е.Пенькова и др. отражены различные подходы к проб-

леме профессиональной устойчивости [1]. Так, К.К. Платонов впервые сформулировал проблему профессиональной устойчивости личности, профессиональная устойчивость, по его мнению, – это такое свойство личности, в котором проявляется интенсивность, действенность и устойчивость профессиональной направленности [2, с. 77]. В.Э. Чудновским рассмотрены теоретические предпосылки понимания устойчивости. Он считает, что в основе некоторого уровня общей устойчивости лежат различные по виду и содержанию ориентиры. Это могут быть сильно выражены и действенные профессиональные интересы, приверженность человека каким-то идеалам, идеи, мотивация деятельности. Проявление устойчивости личности определяется содержательной стороной отдаленной ориентации. Ориентация на человека, на цель, которая выводит его за рамки не только конкретной ситуации, но и узколичностных интересов, возможна при наличии высокого уровня устойчивости личности. Любые исследования устойчивости, – по мнению В.Э. Чудновского, – в значительной степени связаны с психологической устойчивостью личности, т.е. главной и наиболее актуальной является проблема определения свойств, качеств человека, обеспечивающих устойчивость, надежность его поведения и жизнедеятельности в целом [4]. Результат функционирования целостной системы, активно противодействует внешним факторам, представляется в виде устойчивости. Таким образом, социальная и психолого-педагогическая значимость проблемы, поиск путей внедрения современных психокоррекционных методов в процесс профессиональной подготовки будущих практических психологов и обусловили актуальность исследования проблемы формирования профессиональной устойчивости специалиста.

В рамках теоретико-методологического анализа проблемы профессиональной устойчивости будущего практического психолога мы обнаружили следующие основные компоненты: когнитивный, эмоционально-волевой, мотивационный и поведенческий (деятельностный).

Тренинг "Оптимизация процесса формирования профессиональной устойчивости" представляет собой коррекционную составляющую технологии оптимизации процесса подготовки будущего практического психолога. Теоретическую основу концепции составили методы экзистенциальной (" гуманистической ") психотерапии, а также когнитивно-бихевиоральной и гештальт-терапии. Уровни работы тренинга охватывали уровень поведения, способностей, возможностей, убеждений. На уровне поведения формировались навыки адекватной самооценки и самовосхваления, а также умение активно применять полученные знания и навыки в жизни, в новых жизненных ситуациях частности. На этом уровне в большей степени применялись техники моделирования поведения, или когнитивно-бихевиоральной терапии. Основное внимание было акцентировано на анализе иррациональных убеж-

дений и формировании суждений по самооценке. На уровне способностей и возможностей главной задачей было научение положительному и парадоксальному мышлению, умение фиксировать дезадаптивные установки, которые создают проблемы. На этом уровне подключались техники гештальт-терапии, поскольку именно гештальт-подход предлагает человеку не столько понимать и учиться, сколько экспериментировать с целью максимального расширения жизненного (социального) пространства и свободы выбора. Уровень убеждений затрагивал вопросы реалистичности оценок и умение воспринимать безоценочное, конкретизация чувства неопределенности, проблем выбора и чувство неограниченности выбора, умение размышлять над вопросами и формулировать задачи в разных системах измерения. Такие вопросы мог решить подход, в котором основное внимание уделено "свободе воли", свободному развитию личности, осознанию ответственности за выбор жизненного пути и формирование внутреннего мира [3].

Таким образом, "тремя китами" психотерапевтических коррекционных техник стали понятия завершенности, самооценки, подлинности, на основе которых была сформулирована концепция тренинга оптимизации процесса формирования профессиональной устойчивости: человек, который верит в свою успешность, стремится более четко сформулировать свое жизненное предназначение и свое отношение к жизни, и стать подлинным, самим собой. В структуре тренинга – десять тем: первая посвящена формированию группы, мониторинга целей участников последняя – рефлексии участников относительно тренинга, остальные десять – основным чертам личностной зрелости – усиление внимания к чувствам, развитие адекватной самооценки, глубинности переживаний, работа с противоположностями, развития рефлексии, синергичности. По результатам внедрения коррекционной программы мы провели сравнительный анализ и обнаружили с помощью статистически математической обработки данных положительный сдвиг в компонентной структуре профессиональной устойчивости будущих практических психологов. Экспериментальное исследование проводилось на базе Мелитопольского государственного педагогического университета имени Богдана Хмельницкого (Украина) среди студентов 1–5 курсов специальности "Практическая психология", "Биология. Практическая психология".

В процессе математической обработки количественных данных до коррекционной работы выявлено:

- ◆ у 49,3 % опрошенных доминирует прагматичный тип направленности, то есть системой доминирующих потребностей планы и успехи в выполнены личностью деятельности, иначе говоря, личность ориентируется на конкретные результаты деятельности, которые в свою очередь, определяют личностную ценность и значимость.

♦ у 24,4 % – эгоцентричный тип направленности, т.е. цели, интересы, потребности личности носят, преимущественно, эгоистический характер и занимают центральное место в иерархии ценностей.

♦ у 15,2 % – гуманистический тип направленности личности, то есть цели, интересы и потребности других людей приобретают первостепенное значение. В общении такие люди толерантные, аутентичные, эмпатийные.

♦ у 11,1 % – экзистенциальный тип, то есть доминирующей потребностью выступает потребность во внутренней деятельности, которая характеризуется высоким уровнем самоанализа, стремлением к самосовершенствованию и самореализации.

С помощью G -критерия мы обнаружили, что изменения обусловлены именно реализацией коррекционной программы, а не внешними артефактами, угрожающих внутренней и внешней валидности эксперимента. Доминирующим обнаружено гуманистический тип направленности (39,8%), и увеличение количества студентов с экзистенциальной направленностью в 2,3 раза.

При $n=118$ типичные сдвиги – положительные.

Негативных сдвигов 37

$$G_{кр} = \begin{cases} 50(\rho \leq 0,05) \\ 46(\rho \leq 0,01) \end{cases}$$

$G_{эмп}$ – количество нетипичных сдвигов,
т.е. $G_{эмп} = 37$ $G_{эмп} < G_{кр}$

соответственно H_0 – отбрасывается, а H_1 – принимается.

По результатам определения динамики доминирования мотивов у будущих психологов до коррекционной работы, прослеживается тенденция доминирования у студентов внешнего негативного мотива (35,5 %) (т.е. неопределенность, отсутствие внутреннего личностно значи-

мого смысла в выборе профессии). Для 27,5 % исследуемых основным обнаружено внешний позитивный мотив, т.е. ориентация на растущую социальную значимость, и вместе с ней привлекательность, профессии психолога. Только у 19% студентов выявлено ориентацию на самореализацию внутреннего потенциала, на получение удовольствия от процесса профессиональной деятельности; и в 18 % – стремление профессионально расти, приносить пользу людям, с целью получения социальной значимости. После внедрения тренинговой программы доминирующим мотивом выбора профессии выявлено стремление профессионально расти, приносить пользу людям, с целью получения социальной значимости (37,5 %), то есть внутренний социально значимый мотив.

При $n=115$ типичные сдвиги – положительные.

Негативных сдвигов 38.

$$G_{кр} = \begin{cases} 45(\rho \leq 0,05) \\ 42(\rho \leq 0,01) \end{cases}$$

$G_{эмп}$ – Количество нетипичных сдвигов,
т.е. $G_{эмп} = 38$ $G_{эмп} < G_{кр}$

Значит H_0 – отбрасывается, а H_1 – принимается.

Результаты исследования подтвердили наше предположение о том, что гармонизация процесса профессиональной устойчивости будущего практического психолога будет более успешной при условии введения в учебно-воспитательных процесс коррекционной модели тренинга с использованием его возможностей в активизации процессов самопознания и саморазвития.

Перспективами дальнейших исследований в данной области является разработка и внедрение в систему подготовки будущих практических психологов комплекса методов оценки и формирования профессиональной устойчивости личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кучер В.А. Подходы к определению понятий профессиональной устойчивости /В.А. Кучер// Педагогический журнал. – Ногинск: Издательство "АНАЛИТИКА РОДИС", 2011. – №1. – С.83–96.
2. Платонов, К.К. Структура и развитие личности / К.К. Платонов. – М.: Наука, 1986. – 255 с.
3. Резник Р. Гештальтпсихология: принципы, точки зрения и перспективы. // Гештальт 2000. Сборник материалов Московского Гештальт-Института за 2000 г. М., 2001.
4. Чудновский, В.Э. К вопросу о психологической сущности устойчивости личности / В.Э. Чудновский // Вопросы психологии. 1978. № 2. – С. 23–34. – 41

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АПРОБАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СТРОИТЕЛЕЙ

EXPERIMENTAL RESEARCH OF THE SYSTEM OF PROFESSIONAL EDUCATION FUTURE SPECIALISTS OF BUILDING PROFILE

O. Hulay

Annotation

In the article the analysis results of competence approaches to the training of specialist in the system of higher education are adduced. Experimental researches in the real terms of educational process on the whole confirmed rightness of the system of education future specialists of building profile and her efficiency in the process of forming of professional abilities and skills. Worked out program of discipline "Chemistry" answers the requirements of educationally-qualifying description of specialists straight "Building" of corresponding educationally-qualifying level, the structure of teaching of educational material assists forming of the system of knowledge of future specialists, and maintenance of the selected material is accessible to the age-old and individual features and level of preparedness of students.

Keywords: professional education, competence, educational process.

Гулай Ольга Ивановна
К.т.н., доцент, Луцкий
национальный технический
университет, Украина

Аннотация

В статье приведены результаты анализа внедрения компетентного подхода в процесс подготовки специалистов в системе высшего образования. Экспериментальные исследования в реальных условиях учебного процесса в целом подтвердили правильность разработанной системы обучения будущих специалистов строительного профиля и ее эффективность в процессе формирования профессиональных умений и навыков. Разработанная экспериментальная программа дисциплины "Химия" отвечает требованиям образовательно-квалификационной характеристики специалистов направления "Строительство" соответствующего образовательно-квалификационного уровня, структура преподавания учебного материала способствует формированию системности знаний будущих специалистов, а содержание отобранного материала доступно вековым и индивидуальным особенностям и уровню подготовленности студентов.

Ключевые слова:

профессиональная подготовка, компетентность, учебный процесс.

Профессия строителя – одна из самых древних в истории человеческой цивилизации. Современные требования предполагают обучение специалистов, которые готовы к анализу реальных производственных ситуаций и принятию эффективных решений, отличаются творческим подходом к решению профессиональных заданий, умеют прогнозировать последствия своей деятельности, склонны к непрерывному саморазвитию и самообразованию. Именно по-этому является актуальной разработка и внедрение инновационных систем непрерывного профессионального образования будущих строителей, базирующихся на новейших достижениях современной педагогики.

Разработанная нами педагогическая система базируется на компетентностном [1], деятельностном [2], личностно-ориентированном [3], акмеологическом [4] и синергетическом [5] подходах. Цель педагогической системы профессиональной подготовки будущих строителей – формирование профессиональной компетентности на каждом этапе непрерывного образования. Профессиональная компетентность специалистов сочетает глубокие профессиональные знания и умения, основательную

фундаментальную подготовку и общую образованность, соединенные потребностью и умением получать новые знания и использовать их в профессиональной деятельности.

Профессиональная компетентность, формирование которой начинается в образовательных учреждениях и продолжается в процессе профессиональной деятельности, регламентируется социальным заказом и требованиями работодателей, с одной стороны, и личными интересами и стремлениями человека, который учится, с другой стороны. Этот тезис мы считаем обязательным для обеспечения целенаправленности системы профессиональной подготовки будущих строителей, ее адаптивных возможностей относительно разных сфер деятельности и должностных функций таких специалистов.

Формирование профессиональной компетентности на каждом этапе непрерывного обучения является определяющим критерием разработки содержания как фундаментальных, так и профессионально направленных дисциплин. Государственные стандарты образования, отображенные в образовательно-квалификационной ха-

рактике и образовательно-профессиональной программе подготовки будущих строителей, являются основными нормативными документами для определения содержания отдельных дисциплин. Содержание учебной дисциплины включает факты, законы, теории (теоретическая составляющая), методы и методологию (практическая составляющая).

Внедрение акмеологических и синергических принципов в учебный процесс, основными организационными формами которого являются лекции, лабораторные (практические) занятия и самостоятельная внеаудиторная работа, способствует формированию нелинейного, системно-креативного мышления, выявления скрытого потенциала и перспективных тенденций собственного развития. Их использование позволяет человеку занимать осознанную активную жизненную позицию, избирать и достигать жизненных и профессиональных целей, оценивать их достижение и влиять на собственную стратегию развития и самореализации.

На этих принципах построены основные технологические приемы, которые используются нами, в частности:

- ◆ самообразование – обладание способностью и необходимостью пополнения и генерации знаний, умение ориентироваться в сложных базах данных и системах знаний – необходимое условие профессиональной компетентности как преподавателя, так и будущего специалиста;

- ◆ деятельностное образование – компетентность формируется лишь в результате собственного практического опыта;

- ◆ личностно-ориентированное образование – превращение неорганизованных устремлений студента в творческие, инновационные; учеба как фазовый переход – перестраивается конфигурация сознания, осуществляется переход к новым, модифицированным структурам знаний и поведения;

- ◆ проблемная организация учебного процесса, которая предусматривает создание в сознании учащихся под руководством преподавателя проблемных ситуаций и организацию активной самостоятельной деятельности их решения, в результате чего и происходит творческое овладение знаниями, умениями и навыками и развитие умственных способностей;

- ◆ интерактивная учеба как система открытого диалога, взаимосвязи и общего решения проблемных ситуаций, достижения близких скоростей восприятия и преподавания, когерентное функционирование (не только преподаватель учит студента, но и учится у него);

- ◆ структурной оболочкой методической системы является модульно-рейтинговая технология образования. Содержание каждой дисциплины представлено в модулях – завершенных самостоятельных комплексах, которые являются банками информации и методических рекомендаций относительно ее усвоения.

Мониторинг учебного процесса, который базируется на тестовых технологиях, но не ограничивается ими, является важным операционным компонентом педагогической системы. Рейтинговая система предусматривает определение уровня овладения содержанием учебного материала из каждой учебной темы или смыслового модуля дисциплины, оценивания каждого вида деятельности студента.

В процессе обучения мы используем целостный системно организованный комплекс учебно-методического обеспечения, который интегративно сочетает разные методы и формы учебной деятельности, обеспечивает высокое качество преподавания и изучения конкретной дисциплины на каждом этапе непрерывного образования.

Построенная нами модель педагогической системы профессиональной подготовки будущих строителей имеет общетеоретический и прогностический характер, а ее реализация – прикладной. Поэтому изучение теоретических основ подготовки будущих специалистов строительного профиля к профессиональной деятельности на всех этапах диссертационного исследования мы сочетали с педагогическим экспериментом в реальном учебном процессе. В собственной научной и практической педагогической деятельности мы руководствовались утверждениями С. Гончаренко о педагогическом эксперименте как специальном внесении в педагогический процесс принципиально важных изменений в соответствии с заданиями и гипотезой исследования; такую организацию педагогического процесса, которая бы давала возможность видеть связи между исследуемыми явлениями без нарушений его целостности; глубокий качественный анализ и как можно более точное количественное измерение как внесенных в педагогический процесс изменений, так и результатов всего процесса [6, с. 175].

Цель педагогического эксперимента заключалась в проверке гипотезы исследования и определении уровня эффективности разработанной методической системы формирования профессиональной компетентности вообще и химической компетентности в частности в системе непрерывной подготовки будущих строителей.

Основными заданиями эксперимента были:

- ◆ определение структуры химической компетентности и путей ее формирования;

- ◆ создание и апробация эффективного методического обеспечения учебного процесса;

- ◆ проверка эффективности и внедрение в учебный процесс компонентов системы профессиональной подготовки будущих строителей;

- ◆ корректировка теоретических и практических рекомендаций относительно формирования профессиональной компетентности будущих строителей в разно-

уровневых учебных заведениях.

Экспериментальной проверкой разработанных программ в реальном учебном процессе определяли:

- ◆ соответствие содержания экспериментальных программ требованиям отраслевой компоненты государственных стандартов высшего образования (образовательно-квалификационная характеристика и образовательно-профессиональная программа) направления "Строительство";
- ◆ целесообразность структуризации учебного материала (разделения на модули и темы);
- ◆ доступность содержания отобранного материала вековым и индивидуальным особенностям и уровню подготовленности студентов;
- ◆ соответствие содержания предложенных лабораторных работ будущей профессиональной деятельности;
- ◆ рациональное распределение аудиторных (лекции, лабораторные работы) и внеаудиторных (самостоятельная работа) часов учебной нагрузки.

Формирование профессиональной компетентности изучали на примере одной из базовых фундаментальных дисциплин – химии [7]. В эксперименте принимали участие 97 студентов первого курса факультета строительства и дизайна Луцкого национального технического университета. Во время педагогического эксперимента осуществлялось целеустремленное наблюдение за учебной деятельностью студентов на аудиторных занятиях (лекциях и лабораторных занятиях) и консультациях. При анализе учебно-познавательной деятельности студентов особое внимание обращали на мотивацию, степень их активности и заинтересованности в учебе вообще и в изучении химии в частности, на доступность и эффективность используемых методов учебы.

По результатам наблюдений за студентами контрольных и экспериментальных групп во время проведения занятий подтверждены выводы об эффективности предложенной системы обучения. Студенты экспериментальных групп были более активны, свободнее оперировали учебным материалом при устных ответах, стремились не только описать ход или особенности данного химического процесса, но и аргументированно и обоснованно объяснить их практическое значение. Студенты экспериментальных групп демонстрировали более быстрый ход мыслительных процессов, оригинальность мысли, чаще предлагали нестандартный подход к решению поставленных задач. У многих студентов развилось осознание и осмысление результатов учебной деятельности, понимания их значения для перспектив будущей профессии. В экспериментальных группах значительно больше количество студентов, которые выполняли дополнительные

задания, готовили презентации и сообщения по собственной инициативе.

Студенты контрольных групп, которые учились по традиционной системе, показали более поверхностные знания. Особенно чувствовалась разница в возможности решать нетипичные задания. Беседы со студентами контрольных групп показали, что большинство из них стараются запомнить содержание учебного материала механически, студенты не понимали взаимосвязи и профессионального значения отдельных тем химии в частности и дисциплин, которые изучаются, вообще. В контрольных группах в сравнении с экспериментальными больше количество студентов с низко развитой или отсутствующей способностью к самообразованию, наблюдается склонность к выполнению минимальных требований для получения оценки и завершения учебы.

Вначале и в конце эксперимента проводилась диагностика формирования предметной (химической в частности) компетенции студентов, результаты которой приведены в табл. 1. Численное определение каждого критерия проводилось за формулой

$$K = \frac{N_{\text{эксп.}}}{N_{\text{макс.}}}$$

где
 $N_{\text{эксп.}}$ – число набранных респондентом баллов,
 $N_{\text{макс.}}$ – максимально возможное число баллов по исследуемому показателю.

Уровни сформированности химической компетентности мы соотносили с рейтинговой системой оценивания, потому репродуктивный (низкий) уровень отвечал критерию сформированности K , равному 0,35–0,59 (неудовлетворительно – FX); реконструктивный (средний) – 0,60–0,73 (удовлетворительно – E, D); продуктивный (высокий) – 0,74–0,89 (хорошо – C, B); творческий (совершенный) – 0,90–1,0 (отлично – A).

По данной системе мы констатировали также недостаточный уровень сформированности, если критерий K 0,35.

Для анализа полученных результатов использовали статистические методы [6].

Нулевая гипотеза заключалась в отсутствии отличий в величинах выборочных средних :

$$H_0 : \bar{x}_1 = \bar{x}_2$$

где
 \bar{x}_1 – средний балл в контрольной группе,
 \bar{x}_2 – средний балл в экспериментальной группе, то есть экспериментальные и контрольные группы были од-

Таблица 1.

Динамика формирования химической компетентности

Группы	Уровни	Интегральный показатель			
		начало эксперимента		завершение эксперимента	
		абс.	%	абс.	%
КГ* (48)	недостаточный	7	14,58	5	10,42
	репродуктивный (низкий)	16	33,33	15	31,25
	реконструктивный (средний)	15	31,25	14	29,17
	продуктивный (высокий)	8	16,67	10	20,83
	творческий (совершенный)	2	4,17	4	8,33
ЭГ* (49)	недостаточный	9	18,37	1	2,04
	репродуктивный (низкий)	14	28,57	9	18,37
	реконструктивный (средний)	14	28,57	15	30,62
	продуктивный (высокий)	10	20,41	16	32,65
	творческий (совершенный)	2	4,08	8	16,32

* - КГ - контрольная группа; ЭГ - экспериментальная группа.

народными, они существенно не отличаются за успешностью.

Тогда альтернативная гипотеза выглядит таким образом:

$$H_1 : \bar{x}_1 < \bar{x}_2$$

Уровень значимости для ее проверки $\alpha = 0,05$. Для решения задания мы использовали t – критерий Стьюдента.

Решение поставленного задания предусматривает сравнение разницы двух средних выборок с величиной средней квадратичной погрешности этих данных, то есть рассчитывалась величина t по фактическим данным двух

$$t_{\text{факт.}} = \frac{\bar{x}_1 - \bar{x}_2}{\mu_{(\bar{x}_1 - \bar{x}_2)}}$$

выборки[6]:

где

$\mu_{(\bar{x}_1 - \bar{x}_2)}$ – стандартная погрешность разницы двух средних выборок, которая рассчитывается за формулой:

$$\mu_{(\bar{x}_1 - \bar{x}_2)} = \sqrt{\sigma^2 \frac{n_1 + n_2}{n_1 n_2}}$$

где

σ^2 – оценка генеральной дисперсии по данным двух выборок;

n_1 и n_2 – количество оценок(наблюдений) соответственно в первой и второй выборках.

Табличное значение t -критерия Стьюдента для числа степеней свободы $u = (n_1 + n_2 - 2) = 95$ и уровни значимости $0,05$ $t_{\text{табл.}} = 1,98$,

а при уровне значимости

$$0,01 - t_{\text{табл.}} = 2,62.$$

Поскольку $t_{\text{экс.}} = 3,09$ является больше от табличного, то нулевая гипотеза не подтверждается, то есть разницу между средними баллами в контрольных и экспериментальных группах с вероятностью 99 % нельзя объяснить случайностью выборки, и, соответственно, уровень успеваемости в экспериментальных группах объективно более высок. Это свидетельствует о действенности предложенной системы профессиональной подготовки будущих инженеров-строителей.

Следовательно, экспериментальные исследования в реальных условиях учебного процесса студентов в целом подтвердило правильность разработанной системы обучения будущих специалистов строительного профиля и ее эффективность в процессе формирования профессиональных умений и навыков образовательно-квалификационного уровня бакалавр.

Разработанная экспериментальная программа дисциплины "Химия" отвечает требованиям образовательного-квалификационной характеристики специалистов направления "Строительство" соответствующего образовательного-квалификационного уровня, структура пре-

подавания учебного материала способствует формированию системности знаний будущих специалистов, а содержание отобранного материала доступно вековым и индивидуальным особенностям и уровню подготовленности студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. Л. Компетентностная парадигма в образовании: опыт философско-методологического анализа / А. Л. Андреев // Педагогика. – № 4. – 2005. – С. 19–27.
2. Атанов Г. А. С чего начать внедрение деятельностного подхода в обучении / Г. А. Атанов // Educational Technology & Society. – 2004. – № 7(2). – С. 179–184.
3. Буланова-Топоркова М. В. Педагогика и психология высшей школы: учеб. пособ. для вузов / М. В. Буланова-Топоркова, А. В. Духавнева, Л. Д. Столяренко / [отв. ред. М. В. Буланова-Топоркова]. – Ростов-н/Д. : Фенікс, 2002. – 544 с.
4. Акмеология / [под общ. ред. А. А. Деркача]. – М. : РАГС, 2006. – 424 с.
5. Курдюмов С. П. Структуры будущего: синергетика как методологическая основа футурологии [Электронный ресурс] / С. П. Курдюмов, Е. Н. Князева. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/knyazis.htm>.
6. Гончаренко С. У. Педагогические исследования: методические рекомендации молодым ученым [укр.] С. У. Гончаренко. – Киев – Винница : ДОВ "Винница", 2008. – 278 с.
7. Гулай О.И. Критерии сформированности предметной (химической) компетентности будущих строителей / О.И. Гулай. – Science and Education a New Dimension : Pedagogy and Psychology. – 2013. – Vol.7.– P. 59–65.

© О.И. Гулай, (hulay@i.ua), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

Луцкий национальный технический университет, Украина

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

PROFESSIONAL COMPETENCE OF TEACHERS GRADUATE SCHOOL

L. Kabylnik

Annotation

The article considers the problem of constructing a normative model of teacher competence, highlight the major determinants of professional and personal development of high school teacher, teacher skill levels allocated based on the analysis of formation of professional competencies.

Keywords: professional competence, professional and personal development, empathy, professional identity, self-esteem.

Кобыльник Лилия Николаевна
К.псих.н., доцент, Мелитопольский
государственный педагогический
университет им. Б.Хмельницкого,
г. Мелитополь, Украина

Аннотация

В статье рассмотрена проблема построения нормативной модели компетентности педагога, освещены основные детерминанты профессионально-личностного развития педагога высшей школы, выделены уровни квалификации педагога на основе анализа сформированности профессиональных компетентностей.

Ключевые слова:

Профессиональная компетентность, профессионально-личностное развитие, эмпатия, профессиональное самосознание, самооценка.

Профессия педагога является одновременно преобразующей и управляющей. А для того, чтобы управлять процессом развития личности, нужно быть компетентным. Поэтому понятие профессиональной компетентности педагога отражает единство его теоретической и практической готовности в целостной структуре личности и характеризует его профессионализм.

Содержание профессиональной компетентности педагога высшей школы определяется квалификационной характеристикой. Она представляет собой нормативную модель компетентности педагога, отображая научно обоснованный перечень профессиональных знаний, умений и навыков. Также педагог высшей школы для того, чтобы эффективно и качественно осуществлять свою профессиональную деятельность, должен иметь ряд профессионально – личностных качеств, среди которых основными являются:

1. Направленность на деятельность в области межличностных взаимодействий. Такая направленность, при которой другие люди стоят непременно в центре системы ценностей педагога, порождает в личности ориентировку прежде всего на положительные качества в другом человеке.

2. В процессе преобразующей деятельности педагогу постоянно приходится вести творческий поиск наиболее оптимальных решений педагогических задач. Все это

требует от него самостоятельности, изобретательности, творческого подхода.

3. В числе профессионально значимых качеств педагога и эмпатия: способность не только осознавать характер эмоционального состояния другого, но и откликаться на его переживания, сочувствовать и подстраиваться под него.

4. Профессия педагога относится к разряду сложных гностических (познавательно-преобразующих) специальностей. В связи с этим педагогу необходимы такие качества, как наблюдательность, интерес к изучению студента, работоспособность.

5. Преобразующая деятельность педагога формирует у него такие качества, как ответственность, целеустремленность и последовательность.

6. Влияние педагога на студентов протекает чаще всего в процессе общения, занятий, развлечений и др. Успеху в этом процессе в значительной степени способствует эмоциональная выразительность, общительность педагога.

7. Важную роль в работе педагога играют такие качества, как способность сдерживаться, умение управлять собственным эмоциональным состоянием и влиять на эмоциональное состояние студентов. Работа педагога

требует проявления эмоциональной устойчивости, сдержанности, терпения, выдержки, великодушия.

8. Важным качеством педагога является его социально- психологическая готовность работать в группе.

9. Непременным условием педагогического мастерства, авторитета среди студентов, коллег по работе является тактичность педагога. Слово "такт" означает чувство меры, создающее умение держать себя должным образом.

10. Успеху в работе педагога высшей школы способствует юмор, оптимизм. Не надо требовать от него шумного веселья, но успешность его работы связана с постоянным оптимизмом, здоровым мироощущением, настроенностью на позитивное восприятие мира.

Профессионально-личностное развитие педагога определяется противоречием между качествами личности, сложившихся у него, и объективными требованиями, нормами, стандартами, ценностями профессиональной деятельности. Целью и результатом профессионально-личностного развития являются такие новообразования, как профессиональная готовность, готовность к деятельности и готовность к саморазвитию, профессиональное сознание и самосознание, формирует мотивацию специалиста.

Методика "Диагностика уровня парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию" [3, с.421-424] позволяет определить уровень готовности преподавателей высшей школы к профессионально-педагогическому саморазвитию по семи компонентам: мотивационным; когнитивным; нравственно-волевым; гностическим; организационным; коммуникативным и способностью к самоуправлению.

Содержание методики составляет инструктивный материал, включающий 7 факторов, по каждому из которых

педагогам предлагается определить уровень сформированности у них умений и навыков саморазвития по 9-балльной шкале.

Обработка результатов происходит путем подсчета общей суммы баллов по каждому из 7 факторов и сверяется с таблицей количественных показателей уровня парциальной сформированности и готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию.

Изучение профессионально важных качеств личности педагога в работах Л.Митиной показало их большое количество, как профессионального, так и личностного характера. Среди них: вежливость, требовательность, впечатлительность, воспитанность, внимательность, выдержка, гибкость поведения, гуманность, трудолюбие, деловитость, дисциплинированность, доброта, добросовестность, доброжелательность, идейная убежденность, инициативность, искренность, чувство коллективизма, политическое сознание, настойчивость, критичность, логичность, любовь к детям, ответственность, отзывчивость, организованность, общительность, порядочность, правдивость, педагогическая эрудиция, предусмотрительность, принципиальность, самостоятельность, самокритичность, скромность, справедливость, сообразительность, смелость, стремление к самосовершенствованию, тактичность, чувство нового, чувство собственного достоинства, чуткость, эмоциональность. Собственно личностными качествами являются направленность, уровень притязаний, самооценка, образ "Я" [1].

В зависимости от направленности, способностей и характерологических черт личности, у педагога высшей школы складывается правильное или неправильное отношение к себе, вследствие чего самооценка может стимулировать или тормозить развитие личности. Адекватная самооценка личностью своих способностей и возможностей обеспечивает и соответствующий адекватный уровень притязаний, реалистическое отношение к успехам и неудачам, одобрению и неодобрению.

Компоненты профессионально-педагогического саморазвития (ППС)	Уровни ППС (в баллах)		
	Низкий	Средний	Высокий
1. Мотивационный	35 и менее	36-54	55 и более
2. Когнитивный	23 и менее	24-36	37 и более
3. Нравственно-волевой	35 и менее	36-54	55 и более
4. Гностичный	67 и менее	68-108	109 и более
5. Организационный	27 и менее	28-42	43 и более
6. Способность к самоуправлению	19 и менее	20-30	31 и более
7. Коммуникативный	19 и менее	20-30	31 и более

С помощью методики В. Семченко определяется уровень самооценки педагогов высшей школы [2]. Преподавателям предлагаются 32 суждения, изображающие ситуации, возможные в их реальной жизни.

Оценивая частоту возникновения ситуаций, педагоги используют следующие варианты ответов:

- 1 – очень часто,
- 2 – часто,
- 3 – иногда,
- 4 – редко,
- 5 – никогда.

Подходящий для себя ответ они указывают в колонке рядом с номером суждения.

1	2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31	32

С целью дифференцированного анализа отношения педагогов к себе проводится интерпретация результатов по предложенной шкале самооценки по пяти уровням. Для определения уровня самооценки, необходимо сложить все баллы по 32-м суждениям.

- Уровень самооценки определяется по шкале:*
- от 0 до 43 баллов – завышенная самооценка;
 - от 44 до 54 баллов – самооценка приближена к завышенной;
 - от 55 до 75 баллов – адекватная самооценка;
 - от 76 до 85 баллов – самооценка приближена к заниженной;
 - от 86 до 128 баллов – заниженная самооценка.

Как показывает анализ теоретических источников и

экспериментальных исследований, существенные отклонения самооценки преподавателей от адекватной, особенно в сторону занижения, ведут к разрушению надежд, негативно влияют на уверенность в собственной значимости и притязаниях личности, что делает шансы достижения высшего уровня профессиональной компетентности менее вероятными. Приближение самооценки к адекватной способствует качественным изменениям в личностном росте педагогов высшей школы.

В зависимости от того, насколько развита у педагога профессиональная компетентность, можно выделить несколько уровней его квалификации.

1. Информационный уровень профессиональной компетентности заключается в овладении специальными знаниями и определяется их характеристиками (объемом, качеством, прочностью).

2. Технологический уровень предполагает овладение способами выполнения соответствующей деятельности: операциями, действиями, навыками, умениями и т.д.

3. Проблемный уровень связан с осознанием и личностным принятием проблемной ситуации в профессиональной деятельности, когда в обычном ходе событий актуализируется что-то новое: явление, свойство, стратегия действия и т.п.

4. Преобразующий уровень условно отличается от предыдущего оформленной инициативой, преобразованием традиционных схем и планов, ломкой привычных профессиональных стереотипов. Это практическая реализация новых и радикальных идей, требует не только творческого подхода к профессиональной деятельности, но и незаурядного упорства, воли, уверенности.

5. Концептуальный уровень профессиональной компетентности педагога высшей школы предполагает совершенство и систематизацию всех предыдущих уровней. Это обобщенное видение всех частных противоречий и проблем в составе развивающегося целого. Это разработка глобальных и перспективных решений, которые имеют фундаментальное и междисциплинарное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Митина Л.М. Психология профессионального развития учителя. – М.: Флинта: МПСИ, 1998. – 200 с.
2. Семиченко В.А. Психология личности. – К.: Видавель Ешке О.М., 2001. – 426 с.
3. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. – М.: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2002. – 490 с

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЛА УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

DEVELOPMENT PROGRAM FOR THE STAFF OF THE INSTITUTION ADDITIONAL EDUCATION OF CHILDREN

V. Malgin

Annotation

The article considers the problem of personnel training and development institutions of children's additional education on the example of the sports school. History of the development of the school and development of personnel development programmes.

Keywords: personnel development, sports school, sports, teaching staff, the administrative staff.

Мальгин Валерий Евгеньевич

*Столичная
финансово-гуманитарная академия
г. Москва*

Аннотация

В статье рассматривается проблема подготовки и развития персонала учреждения дополнительного образования детей, на примере спортивной школы. История развития школы и разработка программы развития персонала.

Ключевые слова:

развитие персонала, спортивная школа, виды спорта, педагогические работники, административно-хозяйственный персонал.

Всего несколько лет назад работа с кадрами заключалась исключительно в мероприятиях по набору и отбору рабочей силы. Идея заключалась в том, что если удалось найти нужных людей, то они смогут выполнить нужную работу. Современные организации, в которых хорошо поставлено дело управления, считают, что набор подходящих людей является всего лишь началом. В то время как большая часть ресурсов организации или предприятия представлена материальными объектами, стоимость которых со временем снижается посредством амортизации, ценность людских ресурсов с годами может и должна возрасти. Таким образом, как для блага самой организации, так и для личного блага всего персонала руководство должно постоянно работать над повышением его потенциала. Повышение потенциала персонала организации подразумевает его профессиональное развитие [1, с.48].

Развитие персонала – это соответственно, комплекс мер, включающих профессиональное обучение, переподготовку и повышение квалификации кадров, а также планирование карьеры персонала организации. Цель развития персонала состоит в обеспечении организации хорошо подготовленными работниками в соответствии с ее целями и стратегией развития [3, с.11].

Под системой развития персонала следует понимать целенаправленный комплекс информационных, образовательных, привязанных к конкретным рабочим местам элементов обучения и подготовки, которые содействуют повышению квалификации работников организации в соответствии с задачами ее развития, потенциалом и

склонностями сотрудников. Обучение и подготовка – две стороны одного процесса [4, с.191]. Обучение связано с развитием общего интеллекта у человека, а подготовка – с приобретением знаний, относящихся непосредственно к выполняемой работе. Профессиональная подготовка представляет целевое обучение, конечная цель которого – обеспечение предприятия достаточным количеством работников, чьи профессиональные качества в полной мере соответствуют производственно-коммерческим целям организации. Программы обучения должны быть составлены с учетом конкретных особенностей структуры персонала и актуальных задач развития каждой организации [5, с.116].

Программа развития персонала способствует формированию рабочей силы, обладающей более высокими способностями и сильной мотивацией к выполнению задач, стоящих перед организацией. Естественно, что это ведет к росту производительности, а значит, и к увеличению ценности людских ресурсов организации, а профессиональное обучение способствует общему интеллектуальному развитию человека, расширяет его эрудицию и круг общения, укрепляет уверенность в себе. Таким образом, мероприятия по развитию персонала следует рассматривать как инвестиции в нематериальное достояние организации [2, с.70].

В данной работе я предлагаю рассмотреть сложившуюся практику подготовки и обучения педагогических кадров и программу дальнейшего развития персонала муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования детей "Детско-юношеская спортивная

школа". В связи с тем, что весь коллектив организации можно условно разделить на три части (тренерско-преподавательский состав, обслуживающий персонал и администрация школы), то программы развития и подходы к обучению будут разные. А если рассматривать практику подготовки работников организации в аспекте ее расширения и развития, то можно выделить три этапа: становление организационной структуры, увеличение преподаваемых видов спорта, расширение сферы деятельности.

Муниципальное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования детей "Детско-юношеская спортивная школа" образовалось в 1999 году вследствие передачи градообразующим предприятием муниципалитету спортивного комплекса "Кристалл". И сейчас это многопрофильное образовательное учреждение, которое реализует программы дополнительного образования детей. В школе занимаются около 500 подростков и ведутся занятия по семи видам спорта: футбол в залах, греко-римская борьба, лыжные гонки, теннис, плавание, баскетбол, бокс.

Педагогический состав представлен двенадцатью тренерами-преподавателями, имеющих высшее образование. Административно-хозяйственный персонал составляет 46,5 штатных единиц.

На рассвете становления организационной структуры это была работа по двум направлениям это лыжные гонки и футбол в залах.

Для этого использовались спортивный зал с/к "Кристалл" с трибуной на 250 человек и лыжная трасса с оборудованной теплой базой.

В период с 1999 по 2004 год были открыты такие направления видов спорта как: баскетбол, теннис, греко-римская борьба.

Для занятий греко-римской борьбой было переоборудовано помещение дискотеки и приобретен борцовский ковер. Со строительством плавательного бассейна и нового спортивного зала с 2005 года культивируется плавание. Изучая спрос и потребности населения города Радужный, а в особенности интересы и предпочтения подрастающего поколения, администрацией ДЮСШ было принято решение об открытии отделения бокса с 2011 года.

Для реализации программы дополнительного образования по боксу был построен зал с рингом и всеми необходимыми техническими и технологическими помещениями. Таким образом, можно говорить о динамичном развитии спортивной школы в части предоставления услуг для дополнительного образования детей города и реализации муниципального задания. Вследствие расширения сферы деятельности (открытия новых направлений) и увеличения материальной базы (строительство плавательного бассейна, переоборудования зала греко-римской борьбы и строительство зала бокса) штатная численность спортивной школы увеличилась в 4 раза.

Во время функционирования только 2-х направлений

по видам спорта (лыжные гонки и футбол в залах), тренерско-преподавательский состав школы был представлен только тремя тренерами: два по футболу и один по лыжам. Администрация школы состояла из директора, заместителя по учебной работе и заместителя по хозяйственной части. Обслуживающий персонал состоял из технических служащих, сторожей-вахтеров, сантехника, электрика и водителя автобуса.

Обучение персонала в то время сводилось только к своевременным инструктажам по технике безопасности при обращении с электричеством, пожарной безопасности и личной гигиене на рабочем месте, а о развитии вопрос не ставился. Исключение составляла группа тренеров-преподавателей, в должностные обязанности которых входило обязательное повышение квалификации на базе Владимирского института повышения квалификации работников образования (ВИПКРО). Другими словами, можно говорить о сложившейся традиционной форме подготовки кадров.

После строительства плавательного бассейна со спортивным залом и приемом на работу новых сотрудников, перед администрацией школы встал вопрос об обучении и подготовке необходимых для выполнения работы кадров. Была разработана программа обучения новых сотрудников, т. к. половина из них не являлась специалистами по работе в плавательном бассейне, который был первым и единственным в городе с семнадцатитысячным населением.

Реализация программы подразумевала под собой создание условий для работников по овладению теми или иными знаниями, получению определенных навыков и поэтапное обучение их новой профессии. При ее составлении учитывались требования по поддержанию необходимого санитарно-эпидемиологического режима, соблюдения графика производственного контроля и необходимые условия для реализации программ по дополнительному образованию детей.

Ключевым моментом, можно сказать, толчком к управлению профессиональным развитием было выявление потребности организации в этой области. Администрацией школы были выявлены несоответствия между профессиональными знаниями и навыками (компетенциями), которыми должен обладать персонал организации для реализации задач по предоставлению услуг, и теми знаниями и навыками, которыми он обладает в действительности.

Для адекватного определения потребностей в профессиональном развитии были изучены факторы, под воздействием которых складывается потребность организации в развитии своего персонала.

- ◆ динамика внешней среды;
- ◆ развитие техники и технологии, влекущее за собой появление новой продукции, услуг и методов производства;
- ◆ изменение стратегии развития организации;

- ◆ создание новой организационной структуры;
- ◆ освоение новых видов деятельности.

Все эти факторы оказывали непосредственное воздействие на систему работы школы в тот период.

Кроме уже применяемых ранее обучений в форме инструктажа и практического занятия, были применены: курсовая подготовка, обучение в форме прохождения семинаров и тренингов. В частности, такая подготовка работников как прохождение тренинга по стрессоустойчивости потребовалась вследствие того, что в свободное от занятий детей время работники плавательного бассейна оказывали платные услуги населению города.

Для оказания платных услуг по обучению плаванию, предоставлению возможности самостоятельно плавать, заниматься аквааэробикой, фитнесом и пилатесом потребовались другие привлеченные специалисты-инструкторы, которые были взяты на работу по срочному договору на выполнение определенных видов работ. Подготовка к аттестации тренеров-преподавателей приобрела характер гласности и открытости.

В 2011–2012 учебном году, в связи со строительством молодежного спортивно-досугового центра, в школе было открыто направление бокса и произведен набор 75 юношей в группы начальной подготовки. Для этого был оборудован зал с рингом, местом для силовой и технической подготовки и раздевалками с душевыми.

Кроме зала бокса в спортивно-досуговом центре есть условия для занятий бильярдом, аэробикой, фитнесом и силовой подготовкой на тренажерах. Все это привело к необходимости набора новых сотрудников и специалистов в совершенно новых видах деятельности.

В результате произошедших изменений, работа коллектива школы выходит за рамки просто выполнения учебных планов и предоставления платных услуг населению, а переходит на более качественный уровень по созданию городского спортивно-оздоровительного пространства.

Полученная система работы с различными категориями населения города, подразумевает выход персонала

организации на более высокий качественный уровень развития и подготовки.

Для реализации системы работы по созданию спортивно-оздоровительного пространства, была разработана программа развития персонала на 2012–2015 годы.

Развитие потенциала персонала организации (выход развития персонала организации на более качественный уровень) основывается на соответствующей кадровой политике организации, и в свою очередь, оказывает влияние на ее формирование. Мероприятия по повышению уровня потенциала персонала организации, как правило, ориентируются на факторы, оказывающие влияние на уровень потенциала персонала. Все факторы можно разделить на три группы: внешние, внутренние и характеризующие особенности персонала конкретной организации.

В данной работе я рассмотрел все три вида факторов которые явились толчком к развитию персонала МБОУДОД ДЮСШ. Внешние – это увеличение количества детского населения города, повышение интереса к занятиям различными видами спорта, спроса на платные образовательные услуги. Внутренние – строительство спортивных объектов, реализация программ по спорту. Характеризующие особенности персонала – это увеличение тренерско-преподавательского состава, повышение уровня преподавания, повышение уровня квалификации педагогического коллектива.

Разработанная мной программа развития персонала организации и система работы школы на ближайшие 3 года позволит увеличить количество людей занимающихся физической культурой и спортом на 20 процентов. Увеличить количество спортивно-массовых мероприятий на 40 процентов, а через реализацию программы спартакиада предприятий и учреждений города охватить систематическими соревнованиями не менее 6–9 организаций. Количество тренеров-преподавателей повысивших свою квалификационную категорию будет составлять не менее 45 процентов, а принявших участие в конкурсах различной направленности не менее 60 процентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оганесян И. А. Управление персоналом организации. Мн. Амалфея, 2000. – 256 с.
2. Основы управления персоналом. Учебник/ Под ред. Б. М. Генкина. М. : Высшая школа, 1996. – 383 с.
3. Дуракова И.Б. Управление персоналом: отбор и найм. – М.: Центр, 1998. – 160с.
4. Спивак В.А. Организационное поведение и управление персоналом.– СПб: Питер, 2000.– 416 с.
5. Управление персоналом организации: Учебник / Под ред. А.Я. Кибанова. – М.: ИНФРА – М, 1997. – 512 с.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ткаченко Лидия Николаевна
К.пед.н., Черкасский
государственный технологический
университет

DISTANCE EDUCATION AS A COMPONENT OF CONTINUING EDUCATION

L. Tkachenko

Annotation

The article is developed to the problems of lifelong education. Great attention is paid to the process and principles of such adult education form as distance education. The focus is on the expanding of the teacher role as a consultant mentor. Special attention is paid to the process of the new information technologies and systems implementation in the adult lifelong education.

Keywords: lifelong education, adult education, forms of adult education, distance education, principles of distance education.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с потребностью образования личности на протяжении всей жизни. Особое внимание уделяется раскрытию сущности, принципам и особенностям такой формы в системе непрерывного образования как дистанционное. Акцентируется внимание на расширении роли преподавателя как консультанта-наставника. Особое внимание отводится внедрению в процесс непрерывного образования взрослых новых информационных технологий и систем.

Ключевые слова:

Непрерывное образование, образование взрослых, формы образования взрослых, дистанционное образование, принципы дистанционного образования.

Потребность учиться в течение всей жизни вызвана прежде быстрыми изменениями в социально-экономическом развитии, техническом оснащении производства, быстрым старением знаний. Интенсивный рост потока информации через каждые 5–10 лет обуславливает необходимость обновления знаний, чтобы соответствовать актуальным требованиям жизни. Проведенные за рубежом исследования показывают, что даже лучшие высшие учебные заведения не считают, что они выпускают специалистов, образование которых уже завершено.

Отметим, что в связи с переходом индустриальных и постиндустриальных стран к информационному обществу образование, и прежде образование взрослых, становится объективной, реальной потребностью большинства, носит всеобъемлющий характер. Для нашего исследования важное значение имеют научные труды, в которых изложены идеи непрерывности образования в соответствии с потребностями человека (С. Батышев, А. Беляева, Б. Гершунский, М. Громкова, Т. Десятов, С. Змейов, Н. Кузьмина, В. Леднев, Н. Ничкало, В. Онушкин и др.).

Образование взрослых не может рассматриваться

обособленно, поскольку оно является общей составляющей системы непрерывного образования и осуществляется в течение всей жизни, включая все области знаний, используя максимальные возможности для развития личности, получения новой или повышения существующей квалификации, участия в социально-экономической жизни общества. Процессы образования, в которых принимают участие дети, молодежь, взрослые, рассматриваются как единое целое. Ведь "человек учится постоянно, без относительно длинных перерывов или в образовательных учреждениях, или средствами самообразования. Человек включен в образовательный процесс на всех стадиях его развития с учетом наследственности при переходе с одной ступени к другой" [1, с. 15].

Одновременно можно выделить некоторые принципы, на которых базируется образование взрослых:

- ◆ учета личностных качеств (возраст, семейное положение, профессиональный и социальный статус, физическое и психологическое состояние здоровья и другие факторы);

- ◆ использования практического и жизненного опыта, ведь благодаря ему взрослые являются носителя-

ми новых знаний, умений, культуры, это способствует тому, что одновременно они учатся сами и обучают других;

- ◆ признание того, что в определенной ситуации или на определенном периоде образование взрослых может играть компенсирующую роль, оно не предназначено для замены соответствующего образования молодежи, что в свою очередь является успешной предпосылкой образования взрослых;

- ◆ наличие у людей "третьего возраста" значительного свободного времени и желание научиться тому, чего не было во времена их молодости (современных информационных технологий, коммуникаций и других новых знаний для подъема своей социально-воспитательной роли в обществе, семье);

- ◆ педагогический и квалификационный уровень преподавателей-андрагогов, их творческая составляющая, которая предусматривает создание принципиально нового в содержании, организации учебно-воспитательного процесса, исследовательского подхода к педагогической деятельности. "Атмосфера творческого поиска, создаваемая таким преподавателем-андрагогом является мощным, стимулирующим фактором активизации взрослого населения: их профессиональная деятельность должна быть организована таким образом, чтобы они имели возможность и даже в определенной степени быть обязаны совершенствовать свои знания, а также пользоваться всеми достижениями в различных сферах экономической, социальной и культурной жизни" [1, с. 36];

- ◆ признание принципа гуманизма как одного из главных, поскольку процесс обучения ориентирован на личность, создание максимально благоприятных условий для формирования и развития духовных, моральных, физических и интеллектуальных качеств, творческой индивидуальности. Инновационные технологии, которые внедряются на разных ступенях непрерывного образования целесообразно рассматривать как средство гуманизации процесса непрерывного образования, реализации личностно-ориентированного подхода к человеку.

Среди организационных форм дистанционного образования можно выделить также создание объединений, коопераций университетов, учебных центров. На становление различных форм организации и дистанционного обучения повлияло ряд факторов. Н.А. Корсунская [2, с. 78–79] выделяет следующие из них: социальные, к которым можно отнести резкий рост потребности в высшем образовании, возвращение многих взрослых в систему формального образования с целью повышения квалификации и переквалификации; экономические – большое количество студентов работает, зарабатывает деньги и

не может только учиться; демографические и географические – плотность населения, наличие труднодоступных районов. И, бесспорно, – это формирование новой информационно-культурной культуры, использования новых информационных технологий и общения их средствами.

Независимо от форм организации дистанционное образование – это особая, завершенная форма, имеющая элементы наглядного, наглядно-заочного, заочного и вечернего обучения на основе информационных технологий и систем мультимедиа. Комплекс образовательных услуг, предоставляемых с помощью специализированной информационно-образовательной среды на любом расстоянии от образовательных учреждений определяет дистанционное образование как одну из форм непрерывного образования, образования "на протяжении жизни".

Характерными чертами дистанционного образования является гибкость, модульность, экономичность, технологичность, социальное равенство, интернациональность, новая роль преподавателя, качество и др..

Гибкость: ученики, студенты, слушатели, получающие дистанционное образование, в основном не посещают регулярных занятий, а учатся в удобное для себя время и в удобном месте.

Модульность: в основу программы дистанционного образования заложен модульный принцип; каждый отдельный курс создает целостное представление об отдельной предметной области, что позволяет из набора независимых курсов-модулей сформировать учебную программу, отвечающую индивидуальным или групповым потребностям и оценить знания студентов за многолетней системой.

Параллельность: обучение осуществляется одновременно с профессиональной деятельностью (или с обучением по другому направлению), без отрыва от производства или другого вида деятельности.

Большая аудитория: одновременное обращение ко многим источникам учебной информации большого количества учеников, студентов и слушателей, общение с помощью телекоммуникационной связи студентов между собой и с преподавателями.

Экономичность: эффективное использование учебных площадей и технических средств, концентрированное и унифицированное представление информации, использование и развитие компьютерного моделирования должны привести к снижению затрат на подготовку специалистов.

Технологичность: использование в учебном процессе новых достижений информационных технологий, способ-

ствующих вхождению человека в мировое информационное пространство.

Технология дистанционного обучения – это совокупность методов, форм и средств взаимодействия с человеком в процессе самостоятельного, но контролируемого освоения им определенного пласта знаний. Учебная технология строится на фундаменте соответствующего содержания и должна подчиняться его требованиям. Содержание предлагаемого к освоению знаний аккумулируется в специальных курсах и модулях, предназначенных для дистанционного образования и основанных на имеющихся в стране образовательных стандартах, а также в банках данных и знаний, библиотеках видеосюжетов и т.п. Представление информации для обучаемых осуществляется в виде печатных и электронных материалов, аудио- и видео- продукции, телевизионных передач.

Социальное равенство: равные возможности получения образования независимо от места проживания, состояния здоровья и социального статуса.

Интернациональность: возможность получить образование в учебных заведениях иностранных государств, не выезжая из страны, предоставлять образовательные

услуги иностранным гражданам и соотечественникам, проживающим за рубежом.

Новая роль преподавателя: дистанционное образование расширяет и обновляет роль преподавателя, делает его наставником-консультантом, который должен координировать познавательный процесс, постоянно совершенствовать те курсы, которые он преподает, повышать творческую активность и квалификацию в соответствии с нововведениями и инновациями. На преподавателя возлагается новая роль. Он координирует процесс обучения на основе видеоизмененного курса, проводит консультации при составлении индивидуального учебного плана каждого студента, руководит учебными проектами, направляет обучение групп взаимоподдержки, помогает учащимся, в их профессиональном самоопределении. Взаимодействие студентов и преподавателя в системе дистанционного образования предполагает обмен сообщениями путем их взаимной посылки по адресам корреспондентов. Такая модель поможет студентам развивать умения и навыки целенаправленной работы без существенных финансовых затрат и привить им элементы информационной культуры, необходимой для эффективной деятельности в информационном пространстве общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ничкало Н.Г. Теоретико-методологічні проблеми і перспективи розвитку досліджень з неперервної? професійної? освіти // Неперервна професійна освіта: теорія і практика: зб. наук. пр. / за ред. І.А. Зязюна, Н.Г. Ничкало. – К., 2001. – Ч. 1. – С. 35–42.
2. Корсунська Н.О. Організація системи дистанційної? освіти: порівняльний? аналіз // Педагогічний? процес: теорія і практика: зб. наук. пр. – 2002. – Вип. 1. – С. 74–81.

© Л.Н. Ткаченко, (lidia.tkachenko@gmail.com), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСОБЕННОСТЕЙ ОТНОШЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ К ОБУЧЕНИЮ: ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ

SPECIFICATIONS FEATURES RELATION OF YOUNGER SCHOOLBOYS TRAINING: EMOTIONAL EVALUATIVE COMPONENT

*N. Guz
V. Guz*

Annotation

In the article the concept of "psychological attitude of the person," which is regarded as a dynamic part, the established system of partially conscious election as a subject of human relationships with various leading subjectively evaluated on the basis of experience, objects of the world, have a certain emotional and thus guide behavior and activities of the individual. Highlights the key components of relationship younger students in learning activities.

Keywords: attitude, emotional and evaluative component, emotions, needs, motivations, attitudes.

*Гузь Наталья Васильевна
К.псих. н, доцент, Мелитопольский
государственный педагогический
университет им. Богдана Хмельницкого,
г. Мелитополь, Украина
Гузь Владимир Васильевич
К.пед.н, доцент, Мелитопольский
государственный педагогический
университет им. Богдана Хмельницкого,
г. Мелитополь, Украина*

Аннотация

В статье раскрыто понятие "психологическое отношение личности", которое рассматривается как частично динамичная, частично устоявшаяся система осознанных избирательных связей человека как субъекта с различными по значимости, субъективно оцененными на основе жизненного опыта, объектами окружающего мира, имеющими определенную эмоциональную окраску и, соответственно, направляющими поведение и деятельность личности. Освещены основные компоненты отношения младших школьников к учебной деятельности.

Ключевые слова:

Отношение, эмоционально-оценочный компонент, эмоции, потребности, мотив, социальные установки.

Система психологических отношений личности является одним из значимых факторов формирования гуманистически направленного, всесторонне развитого и социально активного индивида. Наличие у подрастающей личности позитивного отношения к окружающему миру, к другим людям, к самому себе и к ведущей деятельности является основным условием ее гармоничного и всестороннего развития.

В связи с упомянутым выше, поиски эффективных путей и средств формирования такого отношения является важной задачей психологической науки и педагогической практики.

Понятие "психологическое отношение личности" рассматривается как частично динамичная, частично устоявшаяся система осознанных избирательных связей человека как субъекта с различными по значимости, субъективно оцененными на основе жизненного опыта, объектами окружающего мира, имеющими определенную эмоциональную окраску и, соответственно, направляющими поведение и деятельность личности [3].

Ведущими видами психологических отношений личности является отношение к другим людям, отношение к себе и отношение к значимой деятельности. Основой личностного развития индивида является сочетание различных видов отношений, реализуемых на каждом возрастном этапе и выступающих, прежде всего, через ведущую деятельность. Ведущим видом деятельности в младшем школьном возрасте выступает учебная деятельность. Отношение к обучению является одной из важнейших внутренних детерминант активности индивида в данном виде деятельности и ее эффективности.

Сформированное положительное отношение к школе, учебной деятельности, познанию являются важными показателями готовности ребенка к школьному обучению, считают ученые [2, 6, 12].

Исследованием различных аспектов проблемы отношения к учебной деятельности занимались: Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, Л.А. Высотина, К. Дусавицкий, Г.С. Костюк, М.Г. Левандовский, А.Н. Леонтьев, А.К. Маркова, М.В. Матюхина, Ю.М. Орлов, С.Л. Рубинштейн, П.М. Якоб-

сон и др.

По нашему мнению, наиболее полной является психологическая характеристика основных компонентов отношения к учебной деятельности, которая осуществляется на основе структуры отношения личности, а именно:

1) когнитивный компонент – знание об объекте, его свойствах

2) эмоционально – оценочный компонент – оценка свойств объекта или самого объекта в сочетании с соответствующей эмоциональной окраской,

3) поведенческий компонент – действия и поступки субъекта, отношение к объекту отношения.

К структуре психологических отношений личности также относятся:

1) потребности, мотивы, интересы, убеждения (когнитивный компонент),

2) оценки, эмоции, чувства, переживания (эмоционально-оценочный компонент)

3) воля, произвольное внимание (поведенческий компонент).

Целью нашей научной статьи является определение особенностей эмоционально-оценочного компонента отношений младших школьников к обучению.

Охарактеризуем эмоционально-оценочный компонент отношения личности к учебной деятельности. Наиболее значимыми в составе данного компонента психологи считают эмоции и чувства. Ученые (А.Д. Алферов, М.Т. Дрыгус, К. Дусавицкий, Г.С. Костюк, А.Н. Леонтьев, А.К. Маркова и др.) считают, что эмоции являются основной характеристикой отношения школьников к учебной деятельности. В связи с этим, Г.С. Костюк отмечает, что эмоции, которые появляются одновременно с началом процесса учебной деятельности, сопровождающие такой процесс, воздействующие на его результат, определяют характер отношения школьников к учебной деятельности [7].

А.Н. Леонтьев обращает внимание на то, что эмоции являются детерминантом учения, поскольку они возникают еще до начала процесса учебной деятельности. Поэтому, эмоции играют первостепенную роль в становлении отношения к учению [8].

А.Д. Алферов утверждает, что эмоции и, особенно, чувства способны увеличивать или уменьшать интенсивность эмоциональной стороны отношения школьников к учебной деятельности. Эмоциональные реакции, проявляющиеся при различных учебных ситуациях, постепенно превращаются в осознанное отношение к учению, отличающееся определенной эмоциональной окраской [1].

По мнению А.К. Дусавицкого, основным критерием для определения типа отношения к учебной деятельности

есть положительные или отрицательные эмоциональные переживания ученика (например, познавательный интерес или высокий уровень тревожности), обусловленные различными учебными ситуациями [4].

Стоит отметить, что все компоненты и их составляющие в структуре отношения человека тесно связаны между собой. Так, в психологической науке интерес рассматривается как эмоциональное переживание удовлетворения познавательной потребности. Одновременно поиск предмета удовлетворения потребностей, как правило, полон положительными эмоциями, утверждает Л.И. Божович [2]. Напротив, свидетельством недовольства учебных потребностей школьника выступает школьная тревожность, которая отличается высоким уровнем.

Эмоции сопровождают процесс реализации учебных мотивов и поставленных учениками целей, отмечает А.К. Маркова. Во время учебной деятельности эмоции появляются в различных учебных ситуациях. Если у одних учащихся фактором появления интенсивных положительных эмоций является выполнение самостоятельной учебной работы, то у других положительные эмоции являются достаточно избирательными и могут возникать лишь в отдельных ситуациях, например, во время общения с учителем или на уроках по определенным учебным дисциплинам. В зависимости от учебной ситуации и окружающих людей, у школьников может наблюдаться импульсивность, или, наоборот, устойчивость эмоций. В то же время, у одних учащихся могут доминировать положительные эмоции, а у других – негативные, определяющиеся уровнем зрелости их мотивационной сферы и уровнем сформированности учебной деятельности [9].

П.Я. Гальперин также отмечает, что эмоции, которые проявляются во время каких-либо учебных ситуаций, приводят к появлению определенного отношения, сначала в такой ситуации, а впоследствии, в целом, к учебной деятельности [5].

Психологами признается неоспоримая связь между эмоциями, чувствами и переживаниями и отношением школьников к учебной деятельности. Так, ситуативные переживания, которые появляются в различных учебных ситуациях и выполняют функцию регуляторов учебной деятельности, могут превращаться в устойчивое отношение к учению. Ученые отмечают, что на развитие позитивного отношения школьников к учебной деятельности больше всего влияют положительные эмоции, имеющие отношение: к школе в целом, к усвоению новых знаний, к новым способам получения знаний и овладения ими; преодоления трудностей в процессе решения учебных задач; осознанию школьниками собственных возможностей в достижении высокого уровня знаний [9, 11].

Важным компонентом психологических отношений

личности и формой их проявления В.М. Мясищев считает оценку. В частности, в оценках субъектом других людей проявляются отношения уважения или презрения, а в оценках себя самого – отношение к себе (положительное или отрицательное), отношение самоуважения или самопрезрения. Средствами оценивания устанавливается соответствие отношений к определенным нормам и критериям – нравственным, этическим, юридическим и т.д.

Также, ученый выделяет оценочные отношения, которые способствуют превращению социологических отношений в такой вид отношений, который предполагает взаимоотношения между людьми, и носит название социально-психологических отношений. Социально-психологические отношения (или отношения между людьми) образуются из психологических отношений в процессе взаимодействия между людьми под влиянием социальных установок [10].

Итак, изучение основных теоретических подходов к проблеме отношения к учебной деятельности позволили нам сделать следующие выводы.

Поскольку одним из условий, при которых отношения личности превращаются в качества ее характера, способ деятельности, в котором индивид принимает постоянное участие, то положительное отношение школьника к учебной деятельности, прежде всего, в младшем школьном возрасте, в значительной степени влияет на его личностное развитие, в частности, на появление у ребенка положительных качеств характера.

На развитие позитивного отношения школьников к

учебной деятельности всего влияют положительные эмоции, имеющие отношение: к школе в целом, к усвоению новых знаний, к новым способам получения знаний и овладения ими; преодолению трудностей в процессе решения учебных задач; осознанию школьниками собственных возможностей в достижении высокого уровня знаний.

Раскрывая особенности эмоционально-оценочного компонента отношения к обучению, следует отметить, что младшие школьники с положительным типом такого отношения имеют такие признаки, как: преобладание положительных эмоций по большинству учебных ситуаций; положительная оценка учеником учителя как субъекта управления учебной деятельностью; положительная оценка школьником себя как субъекта учебной деятельности. Эмоции и оценки школьников выполняют функцию регуляторов учебной деятельности, могут превращаться в устойчивое отношение к учению.

Приоритетными задачами начальной ступени обучения являются: формирование положительного отношения к учению, сохранение и укрепление психосоматического здоровья детей, создание условий для развития и самовыражения индивидуальности каждого ребенка.

Исходя из значимости и актуальности данной проблемы в возрастном контексте, перспективы наших научных изысканий мы видим в глубоком изучении одного из ее аспектов, а именно, особенностей развития положительного отношения младших школьников к учебной деятельности (психологических предпосылок, детерминант и механизмов, влияющих на развитие такого отношения).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. Д. Формирование ответственного отношения к учению: Учебное пособие к спецкурсу / А. Д. Алферов. – Ростов-на-Дону: РГПИ, 1984. – 297 с.
2. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
3. Біляєва Н. В. Психологічні характеристики ставлення до учбової діяльності / Н. В. Біляєва // Проблеми сучасної психології: Збірник наукових праць Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка, Інституту психології ім. Г. С. Костюка АПН України / За ред. С. Д. Максименка, Л. А. Онуфрієвої. – Вип. 6, част. 1. – Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2009. – С. 44 – 55.
4. Дусавицкий А. К. Зависимость между интересом и тревожностью в учебной деятельности младшего школьника / А. К. Дусавицкий // Вопросы психологии. – 1982. – № 3. – С. 56 – 61.
5. Гальперин П. Я. Психологические проблемы учебной деятельности школьника / П. Я. Гальперин, А. К. Маркова. – М.: МГУ, 1977. – 125 с.
6. Зимняя И. А. Педагогическая психология / И. А. Зимняя. – Изд. второе, доп., испр. и перераб. – М.: Логос, 2002. – 384 с.
7. Костюк Г. С. Навчально – виховний процес і психічний розвиток особистості / Г. С. Костюк. – К.: Радянська школа, 1989. – 608 с.
8. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции / А. Н. Леонтьев. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1971. – 400 с.
9. Маркова А. К. Формирование мотивации учения: Кн. для учителя / А. К. Маркова, Г. А. Матис, А. Б. Орлов – М.: Просвещение, 1990. – 192 с. – (Психол. наука – школе).
10. Мясищев В. Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека / В. Н. Мясищев // Психологическая наука в СССР. – М.: АПН РСФСР, 1960. – Ч. 2. – С. 110 – 125.
11. Формирование интереса к учению у школьников // Под ред. А. К. Марковой. – М.: Педагогика, 1986. – 192 с.
12. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.

СУБЪЕКТИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

SUBJECTIVE DETERMINANTS OF PROFESSIONAL ORIENTATION OF THE INDIVIDUAL

I. Levitskaya

Annotation

The article discusses the relationship of value and meaning, and individual psychological components in the formation of a professional orientation. Analysis of professional orientation is based on identifying the psychological mechanisms of vocational guidance. Motivational aspect of professional self-determination is seen as a complex multilevel structure, which determines the formation of professionally important qualities of a specialist.

Keywords: professional orientation, subjective factors, motivational component, vocational guidance.

Левицкая Ирина Александровна

К.пед.н., зав. каф. социально-гуманитарных дисциплин фил. Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева, г. Междуреченск

Аннотация

В статье рассматривается взаимосвязь ценностно-смысловых и индивидуально-психологических компонентов в процессе формирования профессиональной направленности. Исследование профессиональной направленности основано на выявлении психологических механизмов профессиональной ориентации. Мотивационный аспект профессионального самоопределения рассматривается как сложная многоуровневая структура, определяющая становление профессионально важных качеств специалиста.

Ключевые слова:

Профессиональная направленность, субъективные факторы, мотивационный компонент, профессиональная ориентация.

Социально-экономические изменения, происходящие в нашей стране, усиливают интерес к проблеме самоопределения, самореализации личности. Актуальность исследования профессионального самоопределения как процесса выбора профессии и самореализации в ней обусловлена практическим запросом, который сформировался в условиях экономических преобразований, связанных с появлением рынка труда, реорганизацией производства.

Хронологически период выбора профессии совпадает как с подростковым, так и с юношеским возрастом, для которого характерно принятие ответственных решений, определяющих всю дальнейшую жизнь человека: нахождение своего места в жизни, определение смысла жизни, формирование мировоззрения и выработка жизненной позиции. Это связано с тем, что потребность в самоопределении является центральным моментом социальной ситуации развития старшеклассников (Л.И. Божович, И.С. Кон, Е.А. Климов, Д.И. Фельдштейн, Д.Б. Эльконин и др.).

Существенным критерием правильного выбора профессии является соответствие склонностей и способностей человека тем требованиям, которые данная профессия предъявляет к работнику. Несомненно, что такое соответствие будет тем более оптимальным, чем сильнее

гармония между склонностью и способностями молодого человека. Вопрос о соотношении склонности как направленности на деятельность и способности к этой деятельности имеет первостепенное значение для построения научной теории профессиональной консультации.

Принципиальное решение некоторых основных сторон данного вопроса содержится в исследованиях А. Г. Ковалева и В. Н. Мясищева, а также Б. М. Теплова, посвященных проблеме способностей. Во-первых, способности нельзя рассматривать как скрытые до поры до времени внутренние возможности человека. Они всегда есть производное от единства индивида и условий его жизни и деятельности. Во-вторых, в деятельности способности не только проявляются, но и создаются.

Исходя из этого и решается вопрос о взаимоотношении между склонностями и способностями. Представляя собой избирательное отношение к деятельности, потребность в ней, склонность приводит к пробуждению и мобилизации скрытых до этого сил человека, помогает выявлению и формированию его способностей, в значительной степени определяет его профессиональную направленность.

Особый интерес представляет мотивационная сторона деятельности. Склонность к ней пробуждается в связи

с такими индивидуальными особенностями, благодаря которым человек может полнее и глубже отразить специфическое содержание деятельности. В связи с этим возни- кающая склонность является потребностью именно в этом основном содержании. Человек увлечен деятельно- стью ради нее самой, ради того удовлетворения, которое оно приносит. И чем сильнее эта потребность, тем менее удельный вес различных побочных мотивов. Совершенно очевидно, что в подобных случаях склонность находится в гармонии со способностями [3].

Осознание собственных способностей приводит, при благоприятных условиях, к возникновению дополнитель- ного мотива деятельности. Повышается требователь- ность к себе, растет чувство ответственности перед об- ществом за результат своей деятельности. Однако при неблагоприятных воспитательных условиях могут сфор- мироваться самоуверенность и легкомысленное отно- шение к трудностям. Наблюдения, однако, показывают, что такая форма взаимосвязи склонностей и способно- стей не единственная. Нередко избирательное отношение к деятельности возникает не на основе реактивности личности на специфическое содержание этой деятель- ности, а в связи с тем, что она удовлетворяет некоторые другие потребности, являющиеся доминантными. Неред- ко профессиональная направленность складывается под определяющим влиянием ценностей. Формирование на- правленности на деятельность может происходить под влиянием потребности человека в своем более разно- стороннем развитии. Таким образом, влияние фактора способностей на возникновение избирательного отно- шения к деятельности может быть более отдаленным и опосредованным.

Несомненно, однако, что в отдельных случаях возник- новение склонности еще не свидетельствует о ее соот- ветствии врожденностям человека. Здесь, встречаются два основных варианта. В процессе пробы сил, а тем бо- лее регулярной практической деятельности возможности для ее мастерского выполнения может оказаться недо- статочно, и тогда склонность, не подкрепляемая чувством удовлетворения от труда, будет ослабевать. Либо в про- цессе деятельности произойдет достаточное развитие необходимых для нее способностей. В этом случае со- здаются психологические предпосылки для сдвига моти- вов деятельности. Привлекательным в ней для человека будет становиться не внешние ее особенности, а ее твор- ческие стороны, ее специфическое содержание.

На профессиональное самоопределение личности оказывают влияние многие факторы: социально-эконо- мические условия, межличностные отношения в профес- сиональном коллективе, профессиональное развитие, возрастные и профессиональные кризисы и т.п. отече- ственные исследователи рассматривают формирование

профессионального самоопределения личности не как единичный акт выбора, а как длительный процесс ее раз- вития в рамках будущей профессиональной деятельнос- ти (А.Г. Асмолов, Е.А. Климов, И.С. Кон, Т.В. Кудрявцев, Н.С. Пряжников, С.Н. Чистякова и др.).

Мотивация играет исключительную роль в жизни че- ловека, в первую очередь как смысловое ядро любого по- ступка. Она может также рассматриваться как динамич- ный процесс, связанный с формированием мотивов по- ведения, выбора профессии.

Профессиональное самоопределение предполагает позитивное отношение к выбранному виду труда и опре- деленной профессии в процессе овладения ею, форми- рования и совершенствования необходимых для данной профессии навыков и качеств. Личность, которая стоит в процессе профессионального самоопределения перед выбором, с одной стороны, учитывает совокупность объ- ективных существенных условий, определяющих воз- можности ее выбора, а с другой стороны, исходит из соб- ственных ценностных ориентаций. Это означает сформиро- ванность достаточно устойчивых мотивов, связанных с представлениями и намерениями относительно своей будущей жизни и деятельности.

Мотивация сознательного выбора профессии – это система мотивов, направленных на реализацию потреб- ности в овладении определенным видом профессио- нальной деятельности, т.е. побуждение к активности и де- ятельности субъекта, связанная со стремлением удов- летворить определенные потребности.

В поведении человека есть две функционально вза- имосвязанные стороны: побудительная и регуляционная. Побуждение обеспечивает активизацию и направлен- ность поведения, а регуляция отвечает за то, как оно складывается от начала до конца в конкретной ситуации. Ощущения, восприятие, память, воображение, внимание, мышление, способности, темперамент, характер, эмоции – всё это обеспечивает в основном регуляцию поведения. Что же касается его стимуляции, или побуждения, то оно связано с понятиями мотива и мотивации. Эти понятия включают в себя представление о потребностях, интере- сах, целях, намерениях, стремлениях, побуждениях, име- ющихся у человека, о внешних факторах, которые за- ставляют его вести себя определённым образом, об уп- равлении деятельностью в процессе её осуществления и о многом другом.

Традиционно понимание мотивации в двух смыслах. Во-первых, мотивация – это система факторов, вызыва- ющих активность организма и определяющих направ- ленность поведения человека. Сюда включаются такие новообразования, как потребности, мотивы, намерения,

цели, интересы, стремления. Во-вторых, мотивация – это характеристика процесса, обеспечивающего поведенческую активность на определенном уровне, т.е. мотивирование [2].

А.В. Ермолин обозначает мотив как сложное психическое образование, поэтому включает в его содержание и потребность, и цель, и побуждение, и намерение. Отсюда, мотив может осуществлять многие функции: побудительную, направляющую, смыслообразующую, стимулирующую.

Исходя из анализа психологических представлений о мотивации при всех разночтениях – понимание мотива как побудительной причины поступков и деятельности, связанной с удовлетворением потребности – не вызывает сомнения.

Именно мотив определяет смысл того, что делает человек. Это подводит человека к необходимости определить свое место в социуме. С другой стороны, мотив как подчиненный цели в качестве действий, в определенной сфере Деятельности заставляет человека вырабатывать общие принципы, способные проявлять себя.

Выбор профессии как смысловая вертикаль в профессиональном самоопределении сводится к мотивационной лестнице предпочтений тех или иных мотивов деятельности, которая выстраивается, складывается в реальном контексте жизни и деятельности человека. Если, на наш взгляд, отсутствует (или недостаточно представлен) один из элементов в "связке" мотив – цель – способ достижения цели, то возникает неполноценное намерение, работающее на поддержание состояния, мешая выполнению основной функции системы регуляции актуального поведения [1].

В социологии мотивация рассматривается как осознаваемая потребность субъекта в достижении определенных благ. Мотивация занимает ведущее место в структуре поведения личности и является одним из основных понятий, используемых для объяснения движущих сил, деятельности в целом.

В психологии мотивация обозначает совокупность внешних и внутренних условий, побуждающих субъекта к активности. Мотив есть побудительная причина действий и поступков человека. Мотивация формируется у человека по мере осознания им общественной значимости избранной деятельности и правильной оценки своих индивидуальных склонностей и способностей.

В педагогической литературе нет единой классификации мотивов выбора будущей профессии.

В одном случае выделяются такие группы мотивов, как:

- 1) общая мотивация;
- 2) романтика профессий;
- 3) познавательные мотивы;
- 4) мотивы общественной значимости профессии и др.

В другом случае рассматриваются:

- 1) осознание перспективности избранной профессии;
- 2) учебные и внеучебные интересы;
- 3) желание приносить пользу;
- 4) влияние родных и знакомых.

В третьем случае отмечают:

- 1) мотивы общественной пользы профессии;
- 2) мотивы психологического характера;
- 3) мотивы подражания;
- 4) внешние признаки профессии;
- 5) интерес к самой профессии и т.д.

Так, Е.М. Павлютенков выделяет следующие мотивы выбора профессии:

- 1) социальные мотивы;
- 2) моральные мотивы;
- 3) этические мотивы;
- 4) познавательные мотивы;
- 5) творческие мотивы;
- 6) мотивы, связанные с содержанием труда;
- 7) материальные мотивы;
- 8) престижные мотивы;
- 9) утилитарные мотивы.

Выяснив свои достоинства и недостатки, субъект должен принять твердое решение сделать все возможное для развития достоинств и устранения недостатков. Готовность к изменениям будет выше, если этому способствует ценностно-ориентированная структура. Это возможно, если соотнести условия со своими объективными возможностями и желаниями, понимая, что выдвинутые по отношению к субъекту условия являются объективно-необходимыми для преодоления трудностей[4].

Выделяют внутреннюю и внешнюю мотивацию. Если деятельность для личности является значимой сама по себе, то говорят о внутренней мотивации, если же значимых внешние атрибуты профессии (признание общества, престижность и т.д.) – преобладает внешняя мотивация. В научных исследованиях практической деятельности используется не только методология выявления индивидуальных мотивов, но и обобщенных, используя которые изучают мотивацию профессиональной деятельности, социальной группы.

А.И. Зеличенко и А.Г. Шмелев предлагают следующую систему внешних и внутренних мотивационных факторов труда, которые могут быть использованы не только для выявления готовности человека эффективно трудиться, но и в целях профессиональной ориентации самоопределяющихся клиентов [7].

Внутренние мотивационные факторы предполагают в первую очередь собственные мотивационные факторы профессии (предмет труда; процесс труда (привлекательный – непривлекательный, эстетические аспекты, разнообразие – однообразие деятельности, детерминированность – случайность успеха, трудоемкость работы, индивидуальный – коллективный труд, возможности развития человека в данном труде и др.).

Кроме того, для субъекта значимы условия труда:

- ◆ физические (климатические, динамические характеристики работы);
- ◆ территориально-географические (близость месторасположения, необходимость разъездов);
- ◆ организационные условия (самостоятельность – подчиненность, объективность – субъективность в оценке труда);
- ◆ социальные условия (трудность – легкость получения профессионального образования, возможности последующего трудоустройства);
- ◆ надежность положения работника;
- ◆ режим работы (свободный – ограниченный определенным режимом график);
- ◆ социальный микроклимат.

Еще одной составляющей внутренних факторов являются возможности для реализации внепрофессиональных целей, например, для достижения желаемого общественного положения, создания материального благополучия, возможности для отдыха и развлечений, сохранения и укрепления здоровья, психического самосохранения и развития; возможности для общественной работы; возможности, предоставляемые работой и профессией для общения [10].

К внешним мотивационным факторам можно отнести:

- ◆ факторы давления – рекомендации; советы; указания со стороны других людей, а также примеры героев кино, литературных персонажей и др.; требования объективного характера (служба в армии, материальное положение семьи); индивидуальные объективные обстоятельства (состояние здоровья, способности);
- ◆ факторы притяжения-отталкивания – примеры со стороны непосредственного окружения человека, со стороны других людей; обыденные эталоны "социального

преуспеяния" (мода, авторитет, престиж, предрассудки);

- ◆ факторы инерции – стереотипы наличных социальных ролей (гендерные, семейные, неформальные); привычные занятия (возникшие под воздействием школьных предметов, увлечений).

Анализ исследований, посвященных проблеме мотивации выбора профессии, проявляет большое разнообразие мотивов, влияющих на эффективность процесса профессионального самоопределения. Вместе с экономическими мотивами (достойная заработная плата, наличие льгот) большое значение имеют психологические мотивы: самоуважение, признание со стороны окружающих членов коллектива, моральное удовлетворение от работы. Эти виды мотивов базируются на изучении потребностей человека, что приводит к появлению двух глобальных теорий мотивации: содержательной и процессуальной. Согласно первому подходу потребности человека и является основным мотивом поведения, а, следовательно, и деятельности человека. К сторонникам такого подхода можно отнести американских психологов А. Маслоу, Ф. Герцберга и Д.М. Келланда.

Основа второго подхода – процессуальные теории. К ним относятся теория ожиданий, или модель мотивации по В. Вруму, теория справедливости и модель П. Лаулера [13].

Среди отечественных ученых наибольших успехов в разработке теории мотивации достигли Л.С. Выготский и его ученики А.Н. Леонтьев и Б.Ф. Ломов.

Мотивы выбора профессии можно свести к трем основным составляющим: интерес, обязанность, самооценка.

Профессиональные интересы школьников можно разделить на две основные группы: непосредственные интересы, возникающие на основе привлекательности содержания и процессов конкретной деятельности, и косвенные (опосредованные) интересы, обусловленные некоторыми организационными, социальными и другими характеристиками профессии.

Непосредственные профессиональные интересы включают:

- ◆ профессионально-специфический интерес: интерес к предметам, на процессы труда, характеризующие ее основные функции, интерес к результатам, выраженных в созданных продуктах, предоставляемых услугах

и т. п.;

- ◆ общепрофессиональный интерес, который возникает на основе привлекательности наиболее общих свойств профессии, с которыми школьник имеет возможность ознакомиться в повседневной жизни;

- ◆ романтический интерес (базируется на представлении о необычности данной профессии);

- ◆ ситуативный интерес (формируется на основе случайных, нетипичных для данной профессии признаков и объясняется узостью профессионального кругозора).

Косвенные профессиональные интересы включают профессионально-познавательный интерес, который базируется на стремлении к познанию определенных естественных, технических, гуманитарных и иных процессов и явлений. Интерес к самовоспитанию проявляется в стремлении к духовному обогащению и формированию субъективно ценных качеств личности.

Престижный интерес подразумевает, что выбор профессии обусловлен, в первую очередь, перспективами профессионального роста, высоким уровнем престижности профессии в обществе. Интерес сопутствующих возможностей отражает стремление молодого человека удовлетворить с помощью выбранной профессии определенные духовные и жизненно-бытовые запросы и потребности, например стремление к общению с людьми, потребность в материальном обеспечении и т.п. В основе неопределенного интереса как лежат неосознаваемое эмоциональное влечение к определенной профессии.

Обязанность в широком значении как мотив выбора профессии подразумевает наличие долга. Мотивом общественного долга в выборе профессии является осознание субъектом реальной общественной пользы от своего участия в данной сфере деятельности, переживание личной ответственности за успешную работу, готовность к преодолению возможных моральных и физических трудностей. Мотивы долга предполагают осознание ответственности по отношению к повседневным профессиональным обязанностям и требованиям, стремление к совершенствованию мастерства в выбранном деле и др [9].

Процесс формирования самооценки профессиональной пригодности осложняется, если субъекту не удастся соотнести известные ему свойства профессии со своими личными качествами (дефицит самопознания), либо он затрудняется определить профессию, которая соответствует его данным (дефицит профессиональной информации). С возрастом содержание самооценки постепенно обогащается, но эти изменения не являются процесса,

который развивается последовательно и интенсивно.

Выделяют следующие типы мотивации выбора профессии:

I тип мотивации – опорный тип – интерес к профессии гармонично сочетается с морально зрелой установкой на труд, с объективной оценкой и практической проверкой личных качеств, готовностью к самовоспитанию.

II тип мотивации – ученики неясно представляют специфику избранной профессии, ограничения ее выбора, обусловленные требованиями к состоянию здоровья, физическим, умственным и другим качеств человека.

III тип мотивации характеризуется несогласованностью между интересом к профессии и мотивами общественного долга.

IV тип мотивации наименее эффективен: при выборе профессии молодые люди руководствуются только своими желаниями, без адекватного осознания как субъективных, так и объективных возможностей и условий их реализации.

В каждый момент времени на развитие мотивов человека оказывают влияние социальные факторы. Социальные факторы, влияющие на личность, многообразны и находятся в сложной взаимосвязи. На выбор профессии школьниками влияет:

1. Настоящее: объективная действительность и условия деятельности, культура общества, групповое сознание и поведение;

2. Прошлое: история индивида, его собственный опыт;

3. Будущее: тенденции общественного развития, личные цели, уровень притязаний и т.п.

Из всевозможных социальных факторов главное место по силе влияния на самоопределение старших школьников в выборе профиля обучения занимает сфера дружеских отношений. Второе место занимают средства массовой информации (книги, газеты, журналы, кинофильмы, телепередачи). На третьем месте – влияние семьи, родителей, родственников, педагогический коллектив, классный руководитель, учителя-предметники. Чем выше успеваемость школьника, тем более сильное влияние оказывают учебные предметы на его профессиональное самоопределение. Также оказывают влияние общественно-полезный и производственный труд и внеучебная занятость [5].

Чем шире диапазон выбора, тем он психологически сложнее. Сегодня призванием называют единство субъективных склонностей и способностей к той или иной деятельности, в которой личность видит главную сферу самореализации. Но склонности и интересы сами формируются и изменяются в процессе деятельности. Резко выраженные, устойчивые и активные склонности у детей встречаются не так уж часто.

В старшем школьном возрасте субъект уже стоит перед выбором сферы деятельности. Но только практически, в ходе самой деятельности выясняется, подходит она ему или нет [1].

Выбор предмета будущей деятельности – это проявление психической активности в результате интериоризации внешних факторов через мотивационно-потребностную сферу личности. Выбор не должен быть навязан, иначе предмет перестанет быть мотивообразующим, а деятельность – деятельностью. Выбор предмета будущей деятельности может быть основан только на реальном решении личности, принятом добровольно [8].

Существует ряд психолого-педагогических причин, обуславливающих важность профориентационной работы, психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения. Старший школьник нуждается в признании окружающих и хочет, чтобы его оценили, ищет одобрения и независимости. Один из способов достичь этого – выбрать такое направление деятельности, которое выделяло бы его в глазах окружающих и приносило бы ему эмоциональное удовлетворение. Это позволяет ему найти себя, способствует самореализации и самовыражению. Стремление достичь успеха является следствием высокого уровня самооценки и способствует утверждению чувства собственного достоинства. От того, насколько велик успех подростка в его собственных глазах и в глазах окружающих, зависит степень его удовлетворенности собой и самоодобрения.

Таким образом, психологическими механизмами профессиональной направленности личности могут выступать сложная многоуровневая структура мотивов, ценностей, личностных смыслов и способностей, определяющих профессионально важные качества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург М.П. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. – 1994. – №3. – С.43–52.
2. Коноваленко А.В. Мотивация будущих специалистов на начальном этапе профессионального образования: дисс. ... канд. психол. наук. Москва, 2010.
3. Котов С.С. Особенности мотивации учебной деятельности студентов, обучающихся в новых социально-экономических условиях: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2003.
4. Ненастьева Л.В. Педагогические условия формирования познавательной мотивации студентов вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2007.
5. Поваренков Ю.П. Психологическое содержание профессионального становления человека. – М.: Изд-во УРАО, 2002.
6. Приставка Т.А. Формирование профессиональной мотивации учебной деятельности студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Белгород, 2004.
7. Райс Ф., Долджин К. Психология подросткового и юношеского возраста / под ред. Николаевой Е. И. – СПб.: Питер, 2010.
8. Сорокина Н.В. Формирование мотивации профессионального самоопределения студентов средних специальных учебных заведений: дис. ... канд. психол. наук. Тула, 2004.
9. Фролова С.В. Психологические особенности профессионального самоопределения старшеклассников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2009.
10. Expertise, Competence and Reflection in the Rhetoric of Professional Development // Richard Edwards and Katherine Nicoll // British Educational Research Journal. Vol. 32, No. 1 (Feb., 2006), pp. 115–131. Published by: Taylor & Francis, Ltd. Article Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/30032661>.
11. Models of Personal Development Planning: Practice and Processes // Sue Clegg and Sally Bradley // British Educational Research Journal. Vol. 32, No. 1 (Feb., 2006), pp. 57–76. Published by: Taylor & Francis, Ltd. Article Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/30032658>.
12. Occupational Sociology as Career and Employment Counseling: Patterns and Possibilities // Norman L. Friedman and Susan Schuller Friedman // The American Sociologist. Vol. 18, No. 3 (Fall, 1987), pp. 284–295. Published by: Springer. Article Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/27702570>.
13. The Role of Human Capital, Motivation and Supervisor Sponsorship in Predicting Career Success // Sandy J. Wayne, Robert C. Liden, Maria L. Kraimer and Isabel K. Graf // Journal of Organizational Behavior. Vol. 20, No. 5 (Sep., 1999), pp. 577–595. Published by: Wiley. Article Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/3100430>.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

BASIC APPROACHES AND METHODS OF PROFESSIONAL ISSUES OF CONSCIOUSNESS

I. Cherneva

Annotation

Strategic direction of subjects chose the way of research articles of professional consciousness of highly qualified specialists as the least researched and containing a large heuristic resource for developing a number of problems related to professional development specialist in psychological practice.

Keywords: clinical psychologist, professional identity, professional identity determination.

Чернева Инна Васильевна
Мелитопольский государственный
педагогический университет
им. Богдана Хмельницкого,
г. Мелитополь, Украина

Аннотация

Стратегическим направлением тематики статьи избран путь исследования профессионального сознания высокопрофессиональных специалистов как наименее исследованный и содержащий большой эвристический ресурс для разработки ряда проблем, связанных с профессиональным развитием специалиста в сфере психологической практики.

Ключевые слова:

Практикующий психолог, профессиональное сознание, профессиональная детерминация личности.

Проблема профессионального видения, структурирования и, в конечном итоге, конструирования действительности с позиций психолога–профессионала, в частности, практикующего психолога до сих пор далека от более–менее установившегося ее осознания и, тем более, общеприемлемого разрешения.

Сложность проблемы обусловлена рядом обстоятельств и приводящих моментов, наиболее очевидные из которых легко поддаются перечислению, хотя их подлинная структура, мера сложности и доступности для воздействия остается во многом именно проблематичной. В самом деле, общим местом является утверждение о том, что каждой профессии свойственны свои способы отражения мира, его данностей и специфических черт. Следовательно, каждая профессия отличается присущей ей картиной мира, т.е. специфической совокупностью профессиональных представлений. Со времен обобщения данного положения на основании экспериментальных исследований Е.Ю.Артемьевой прошло около тридцати лет [16]. Однако долгое время введенный известным исследователем конструкт "мир профессии", который, по мнению Е.Ю.Артемьевой, в наиболее полной мере сочетал в себе все компоненты, структурирующие профессиональное видение мира – принятие профессии как образа жизни, особое отношение к объектам деятельности, специфику восприятия и категоризации той области действительности, с которой профессионалы имеют дело

– оставался в высшей степени недифференцированным. На языке научной психологии это означало то, что, по–существу, данный нерасчлененный конструкт являлся не чем иным как всего–навсего метафорой. Хорошо понимая недостаточность данного конструкта, Е.Ю.Артемьева с сотрудниками попыталась в позднейших исследованиях выявить его возможное содержание путем фактического описания различных параметров профессиональной деятельности, в результате чего был предложен содержательный системный конструкт "профессиональное видение мира", характеризующий индивидуально–профессиональное отношение человека к объектам мира [17; 19].

Содержание данного конструкта образуют следующие компоненты: профессиональная семантика, особенности профессионального отражения ситуаций, особенности профессионального межличностного восприятия и профессиональные аспекты общения. Конструкт позволил определить конкретное профессионально дифференцированное содержание, влияющее на формирование образа мира и способ становления профессионального видения мира в ходе обучения и его специфику, определяющуюся специализацией профессионала.

Однако общая универсалия, т.е. главный и наиболее общий конструкт "профессиональное видение мира", как легко видеть, вовсе не снимает проблему конкретного исследования этого самого "видения", а, наоборот, как

раз выносит эту проблему во главу угла. И не только потому, что каждая из профессий или группы профессий предполагает собственную специфику, содержательную специфику в рамках данного конструкта. Это само собой разумеется. Сложность на самом деле состоит в том, что генезис составляющих профессионального видения мира в разных профессиях имеет разную природу, т.е. различную онтологию и различный функциональный смысл. Объясним на простом примере. В психоаналитическом подходе видение невроза является следствием определенной интерпретационной (во многом сугубо мифологической) конструкции, а в клинической практике восприятие и понимание невроза обусловлено не интерпретационными, а функциональными симптомами, т.е. совершенно иной объяснительной и причинно-следственной базой. Иными словами, не только содержание профессионального сознания и его проявления, не только конкретные способы действий, вытекающие из данного содержания (систем значений) сознания, но и их субъективная значимость, представленная в сознании специалиста – все это является в высшей степени многосложным образованием, семантическим и семиотическим в своих исходных основаниях и мотивообразующим, интенциональным и инструментальным в своих практических функциях.

Таким образом, профессиональная детерминация личности, сознания и способов действий специалиста в определенном отношении напоминает загадочный кубик Рубика. С одной стороны, всеобъемлющее значение имеет уже сам тип профессии (в данном случае: "человек-человек", по Е.А.Климову). С другой – специфические воздействия на адепта оказывают непосредственные образующие данного вида профессии (например, практикующего психолога или врача-психиатра). Далее в действие вступают тонкие дифференцированные идентификационные системы детерминант, определяющие специфику собственно стилистики профессиональной деятельности специалиста, включая его инструментальные способы действий и нормативно-ценностную базу, т.е. идеологию и этику. В этом отношении профессия практикующего психолога во многом остается "terra incognita" как с позиций присущего ей профессионального видения другого человека – пациента/клиента, так и с точки зрения специфики самого становления данного типа профессионального сознания психолога-практика.

Анализ существующих подходов и методов изучения собственно профессионального сознания как психологического образования, показывает, что научно-практическое изучение профессионального сознания сопряжено с определенными трудностями. Эти трудности связаны с отсутствием фундаментальных теоретико-концептуальных разработок по данной проблеме, позволяющих описать феномен профессионального сознания как спе-

цифическое психологическое образование в терминах структуры, строения, функций, генезиса и т.п. В сущности, целенаправленная теоретико-экспериментальная разработка данной проблематики только начинается, со всеми вытекающими из этого трудностями для исследователей в построении эмпирически ориентированных исследований.

Основные подходы к исследованию профессионального сознания, которые можно выделить на основании анализа разнонаправленных исследований по проблемам профессионального развития личности, группируются в два блока. Наиболее разработанная стратегия – выделение различных аспектов профессионального сознания (профессиональное самосознание, профессиональное самоопределение, профессиональная идентичность, профессиональные мотивы, профессиональные ценности, профессиональные установки, профессиональные стереотипы, профессиональные представления, профессиональное самопонимание и т.д.) по аналогии с гораздо более разработанной в психологии структурой личностного сознания [2; и др.]. Собственно профессиональное сознание в таких исследованиях предстает, как правило, имплицитно, в виде некоего предельного, не эксплицируемого объяснительного основания. Путь выделения функциональных атрибутов профессионального сознания, в отличие от изучения его отдельных компонентов (профессиональное внимание, мышление, восприятие, перцепция и т.д.), оказывается более оптимальным, поскольку позволяет удержать целостность этого сложного психологического феномена [8]. Другое направление исследований связано с развитием идеи о том, что личность профессионала и его ценностно-смысловая сфера не только определяют результат труда, но и сами претерпевают изменения вследствие производимой работы, что специфика профессиональной деятельности изменяет характер восприятия человеком окружающего мира, других людей и самого себя. Профессиональное сознание, соответственно, понимается как детерминированная профессиональной принадлежностью специфика репрезентации в сознании мира вообще ("образа мира") и предмета труда в частности [17; и др.].

Исходя из вышеизложенного, в первом приближении, профессиональное семантическое пространство психолога-практика можно обозначить как:

- 1) совокупность базисного тезауруса и конструктов, относящихся, прежде всего, к психотерапевтическим концепциям и подходам;
- 2) совокупность атрибуций и пресуппозиций, вытекающих из этих базисных конструктов;
- 3) специфика личностной позиции психолога-про-

фессионала, определяющего себя в профессиональном и личностном пространстве психологической практики.

Предпринятая нами попытка экспериментальной реконструкции профессионального семантического пространства психолога–практика (в его "технологическом" аспекте), приближает к решению ряда конкретных практических задач:

1) объективация подлинной, реальной системы ориентиров, на основе которых формируются базисные установки специалистов относительно психотерапевтических подходов;

2) диагностика когнитивных оснований расхождения между декларативными и фактическими способами профессиональных действий;

3) выделение субъективных детерминант, определяющих тот или иной выбор психотерапевтической концепции.

Кроме того, на основании сравнительного анализа сходства и различий в организации профессиональных семантических пространств, можно построить ориентировочную типологическую классификацию специалистов.

Основными стратегическими направлениями эмпирических исследований профессионального сознания практикующего психолога могут быть следующие:

а) изучение профессионального сознания специалистов высокого класса, имеющих признанный авторитет в области психологической практики;

б) конструирование некоей гипотетической концепции личности практикующего психолога, основанной на учете основных критериев, норм и принципов профессиональной деятельности; в) анализ составляющих психологической и психотерапевтической парадигм, в которых работает и которую интериоризирует психолог–профессионал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абабков В.А. Становление психотерапии как науки / Психотерапия и клиническая психология: методы, обучение, организация. Материалы конференции, г. Иваново – С–Пб., 2000. – С.7–10.
2. Абдулаева М.М. Профессиональная идентичность личности: психосемантический подход // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 2. – С. 86 – 95.
3. Абрамова В.А., Бурцев А.К. О стандартах качества психиатрической и психотерапевтической помощи // Журнал психиатрии и медицинской психологии. – № 14 (14). – 2004. – С. 17–22.
4. Абрамова Г.С. Практическая психология. Учебник для студентов вузов. – М.: Академический Проект, 2003. – 496 с.
5. Абульханова–Славская К.А. Субъект – символ российского самосознания // Сознание личности в кризисном обществе. М.: ИП РАН, 1995. – С. 10–28.
6. Абульханова–Славская К.А. Типологический подход к личности профессионала // Психологическое исследование проблемы формирования личности профессионала / Под ред. В.А.Бодрова. М. – 1991. – С. 58 – 67.
7. Айзенк Г.Ю. Сорок лет спустя: новый взгляд на проблемы эффективности в психотерапии // Психологический журнал – 1994 – Т. 15 – № 4 – С. 11–18.
8. Акопов Г.В. Диагностика профессионального сознания (учебно–профессиональные установки) // Психология в вузе. – 2004. – № 4. – С. 3 – 26.
9. Александров А.А. Современная психотерапия. Курс лекций. СПб: "Академический проект", 1997. – 335 с.
10. Алешина Ю.Е. Специфика психологического консультирования // Вестник психосоциальной и коррекционно–реабилитационной работы. 1994 – № 1 – С. 22–33.
11. Айви А.Е., Айви М.Б., Саймэк–Даунинг Л. Психологическое консультирование и психотерапия. Методы, теории и техники: практическое руководство. – М.: Психотерапевтический колледж, 2000 – 487 с.
12. Аминов Н.А., Молоканов М.В. Социально–психологические предпосылки специальных способностей школьного психолога // Вопросы психологии, 1992 – № 1 – С. 74–83; № 2
13. Андреева Г.М. К проблематике психологии социального познания // Мир психологии, 1999.– № 3. – С. 15–23.
14. Арестова О.Н., Шильштейн Е.С. Проективный вариант техники репертуарных решеток в исследовании структуры "Я" // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология.– 1998 – № 1 – С. 8–18.
15. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И.Б.Ханиной. М.: Наука, Смысл, 1999. – 350 с.
16. Артемьева Е.Ю., Назарова Л.С. Об изучении перцептивных универсалий // Психологические исследования, 1977. – № 7 – С. 3–10
17. Артемьева Е.Ю. и др. Психосемантические методы описания профессии // Вопросы психологии. – 1986.– №3.– С. 127–133.
18. Артемьева Е.Ю. Семантические измерения как модели // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология. – 1991. – № 1 – С. 61–72.
19. Артемьева Е.Ю., Серкин В.П., Стрелков Ю.К. Описание структур субъективного опыта: контекст и задачи // Мышление, общение, опыт. – Ярославль: Изд. Яр ГУ, 1983. – С. 99–108.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕКВЕСТИВОВ В ДОКУМЕНТНОМ ТЕКСТЕ

FEATURES OF REALIZATION OF THE SPEECH ACT OF REQUESTS IN DOCUMENT TEXT

Y. Gaponova

Annotation

This article summarizes the results of the review of the functioning of the speech act means to implement the request in document text. It also presents an analysis of the specifics of the implementation of directives from the perspective of a pragmatic approach. Essential factors for the implementation of the directive speech acts are such factors as the degree of obligatory requests, status of the recipient factor factor normativity and conditionality.

Keywords: pragmatics, speech act, directives, performative, document, documentation text.

Гапонова Юлия Викторовна
К. фил. н., доцент,
Балтийский федеральный
университет им. И. Канта,
г. Калининград

Аннотация

В данной статье обобщаются результаты рассмотрения особенностей функционирования средств реализации речевого акта просьбы в документном тексте. В ней также представлены результаты анализа специфики реализации реквестивов с позиции прагматического подхода. Существенными факторами для реализации директивных речевых актов являются такие факторы как степень обязательности просьбы, фактор статуса адресата, фактор нормативности и фактор обусловленности.

Ключевые слова:

Прагматика, речевой акт, директив, реквестив, перформатив, документ, документный текст.

В последние десятилетия в фокусе пристального внимания современной лингвистической науки оказываются антропоцентрически обусловленные факторы развития и функционирования языка и речи. При этом, несмотря на активное обращение исследователей к рассмотрению различных коммуникативных аспектов в тех или иных сферах общения, прагматика делового дискурса еще не получила должного освещения в литературе предмета.

В рамках данной статьи мы остановимся подробнее на рассмотрении особенностей реализации директивных речевых актов (реквестивов) в текстах деловых документов, поскольку именно этот вид речевого акта занимает одну из основных – по своей функциональной нагрузке и обусловленной ею частотностью реализации – позиций в деловом дискурсе.

Особенность директивных речевых актов (далее – ДРА) состоит в том, что они направлены на изменение окружающего мира с помощью речевого действия, выражают какое-либо волеизъявление: "...директивный речевой акт есть некое высказывание адресанта, обладающее директивной иллюкутивной силой, которая провоцирует заранее предсказуемое изменение во внутреннем состоянии слушающего и, как результат, стимулирует его ответное действие. Так, получив команду, адресат теоретически выполняет ее; услышав вопрос – отвечает" [2: 26].

Побуждение к какому-либо действию адресата в форме просьбы – один из наиболее распространенных видов речевого действия в деловом общении. Просьбу содержат не только собственно деловые письма-просьбы, но и заявления, жалобы, служебные и докладные записки, ходатайства, а также многоаспектные документы/деловые письма.

Речевой акт просьбы представляет собой структуру, состоящую из пяти основных элементов, последовательность которых неизменна [1: 330]:

- ◆ начало разговора;
- ◆ обращение;
- ◆ просьба о просьбе;
- ◆ мотивация;
- ◆ собственно просьба.

При этом условно называемое "ядро" речевого акта составляет собственно просьба, "околоядерными" элементами являются начало разговора и обращение, которые выступают в качестве индикаторов фатической коммуникации, а просьба о просьбе и мотивация представ-

ляется возможным считать дополнительными элементами речевого акта. Ощутимая потребность в последних компонентах отмечается при возникновении затруднений в общении (социальное неравенство коммуникаторов, установление контакта на начальном этапе, напряженные отношения и т.д.). Следует отметить, что количество элементов речевого акта находится в прямой зависимости от существующей между коммуникантами дистанции: чем меньше дистанция, тем меньшее количество компонентов необходимы для реализации директива.

Рассмотренная структура речевого акта коррелирует со структурой документов – заявлений и деловых писем, – содержащих просьбу. Как правило, тексты указанных документов состоят из двух частей – вводной (констатирующей) части и собственно просьбы, – в которых соответственно обозначаются причины обращения и раскрывается содержание реквестива (как правило, посредством глагола *просить* и однокоренных слов). При этом просьба не обязательно должна содержать эксплицитные средства выражения. Например, *"...мы искренне надеемся на то, что ваша компания сочтет возможным провести оценку качества проекта в ближайшее время"* и т.д.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают перформативные высказывания, сопровождающие большинство реквестивов в текстах деловых документов, где просьба, как правило, реализуется при помощи глагола *просить* в перформативном употреблении в форме 1-го лица, ед.ч. или мн.ч. либо в форме 3-го лица, ед.ч. в сочетании с инфинитивом.

Например: *прошу оказать содействие, просим сообщить результаты, университет просит подтвердить получение...* и т.д.

Значительно реже директив получает реализацию с помощью имплицитных средств, наибольшую частотность употребления среди которых получает глагол "быть" в форме будущего времени. При этом отмечается совмещение рассматриваемого речевого акта с комиссивом, провести однозначную семантическую границу между указанными речевыми актами зачастую не представляется возможным.

Ср.: *в этом случае мы будем признательны Вам за помощь в реализации данного этапа нашего проекта ...; в связи с возникшими финансовыми затруднениями мы будем благодарны вашей компании, если вы сможете взять на себя расходы по транспортировке груза* и др.

Использование косвенных речевых актов вместо прямых повышает степень "этикетности" коммуникатив-

ного акта, поскольку один из главных принципов вежливости в данном случае сводится к предоставлению адресату большей степени свободы в выборе ответной на сообщение реакции. Следует также отметить, что данное явление зависит от выраженной степени облигаторности самой просьбы. Так, просьбы по степени содержащейся в них облигаторности могут приближаться к приказам либо получать более "мягкую" и менее категоричную интерпретацию просьбы как поручения. Своеобразными маркерами облигаторности являются темпоральный индикатор просьбы (наиболее частотный, отмечается в 45% случаев от общего объема рассмотренного материала), маркеры-"ограничители" "строго до..." (в 0,8% случаев), "в соответствии с договором/ФЗ/постановлением..." (в 3% случаев) и др., а также "в противном случае..." (0,5%), который запускает при невозможности выполнить просьбу механизм нежелательных/невыгодных для адресата действий, или комплекс указанных лексических средств.

Ср.: *...я буду особенно признателен Вам за ответ не позднее 15 марта; ...ООО "Сев**" будет признательно вам за предоставление нормативной документации, регламентирующей подготовку к приходу трудовой комиссии, строго до 06.07.13 г.; ...компания "А**" будет признательна вам за предоставление дополнительной 1,5% скидки, возможной в соответствии с условиями нашего договора, а также существующим в вашей организации Положением о проведении конкурса...; я буду благодарен Вам за рассмотрение моего вопроса позитивно, в противном случае я обращусь в суд; в связи с производством предварительного следствия по уголовному делу № ..., на основании ч.4 ст.21 Уголовно-процессуального кодекса РФ, прошу Вас предоставить информацию о...; в связи с Определением Конституционного Суда РФ от 04.04.07 г. № 331-О-П прошу произвести перерасчет и выплату ежемесячного денежного пособия... и в связи с тем, что президент подписал закон об использовании материального капитала для стройки и реконструкции индивидуального жилья, прошу решить вопрос о выдаче мне материального капитала...* и др.

При этом количество подобных речевых актов в документном тексте мало, они составляют не более 5% от общего объема рассмотренного нами материала (537 текстов документов), что обуславливается ограничением выбора средств и способов выражения просьбы в соответствии с требованиями официально-делового стиля.

Для достижения перлокутивного эффекта автор документа может использовать прием дублирования просьбы в пределах второй части документного текста (такие примеры отмечаются в 1,4% случаев от общего количества исследуемого материала).

Например: *Я прошу Вас помочь...; отнеситесь ко мне с пониманием и помогите; прошу, помогите добиться справедливости* и т.д.

Указанный способ выражения просьбы можно отнести к коммуникативной тактике уговаривания или даже мольбы. Как правило, автором документа в таком случае является физическое лицо, нередко нарушающее требования составления текста документа, которые диктует официально-деловой стиль.

Таким образом, в документном тексте реквестив по-

лучает преимущественно эксплицитное выражение. Способы реализации речевого акта просьбы в значительной степени унифицированы, просьба, как правило, получает реализацию посредством клишированных, стандартизированных языковых оборотов, отступления от которых отмечаются в редких случаях и более характерны для текстов обращений граждан (заявлений).

Достижению прагматического эффекта сообщения способствуют коммуникативные тактики и стратегии, "набор" которых, вероятно, в силу стилистической ограниченности, невелик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В.И. Язык социального статуса // М.: Институт языкознания РАН; Волгоградский государственный педагогический институт, 1992. – 330 с.
2. Шокина А. Грамматические средства реализации директивного речевого акта в текстах российской рекламы // Медиаскоп, 2004, 1. – с. 26.

© Ю.В. Гапонова, (yulyapost@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

Балтийский федеральный университет им. И.Канта, г. Калининград

СЛОВО ТУЧА В ПОЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ К.Д. БАЛЬМОНТА

THE WORD CLOUD IN THE K.BALMONT'S POETIC SPACE

L. Sokolova
F. Farhutdinova

Annotation

Linguistic realization of a word cloud in K.D.Balmont's poetic texts is considered in the article; the description of the additional values appearing owing to author's vision of the world is spent; it is proved that word cloud in K.D.Balmont's creativity, expands the semantic potential, receives the additional connotations formed, become the concept.

Keywords: the text, individually–author's perception, a poetic picture of the world, a lexeme, semantic compatibility, concept.

Соколова Людмила Алексеевна

Преп. словесности, МАОУ

"Красноярская университетская
гимназия № 1 "Универс", г. Красноярск

Фархутдинова Фения Фарвасовна

Д.фил.н., профессор,

каф. практического русского языка

ФГБОУ ВПО "Ивановский

государственный университет"

Аннотация

В статье рассматривается языковая реализация слова туча в поэтических текстах К.Д. Бальмонта; проводится описание дополнительных значений, появляющихся вследствие авторского видения мира; исследовано, что лексема туча в творчестве К.Д. Бальмонта, расширяет свой семантический потенциал, получает дополнительные коннотации, становится художественным концептом.

Ключевые слова:

Художественный текст, индивидуально–авторское восприятие, поэтическая картина мира, семантическая сочетаемость, концепт.

Для русской культуры, в том числе и художественной, характерна словоцентричность, поскольку важно и то, *что* сказано, и то, *как* сказано. С этим связаны и размышления о значимости слова в жизни, отсюда рефлексия о сущности слова и его своеобразии в повседневном общении и в научных исследованиях.

Говоря о слове в русской культуре, нельзя не отметить то, что ему свойственно гипостазироваться, одушевляться, мифологизироваться, наделяться чертами человека. Именно такое отношение к слову в обществе дает возможность говорить о том, что человек как носитель языка использует всевозможные его ресурсы, в частности, творческие люди – это хранители самых сокровенных языковых тайн.

Одним из хранителей языка можно назвать поэта Серебряного века К. Д. Бальмонта – человека, знавшего и любившего мировую культуру, обладавшего широтой взглядов и кругозора, отличавшегося огромной эрудицией и открытостью ко всему в мире. В поэтическом творчестве Бальмонта, по мнению бальмонтоведов, "проявилось стремление к обобщению культурного опыта", "присутствующего в мифологиях всех стран и народов, древней натур– и всей последующей философии, в религиях, искусстве" [Марьева 2008, с. 266 – 267], что было обус-

ловлено его огромным жизненным опытом и духовными исканиями. Знаток мировых мифологий, человек, побывавший в разных странах и на разных континентах и видевший разнообразие мира природы и многообразие человеческой жизни и быта, он изображал увиденное и прочувствованное в своем поэтическом творчестве.

Целью данной статьи является утверждение того, как слово, имеющее внутреннюю форму, обогащается семантически в поэтическом творчестве Бальмонта и становится личностным художественным концептом.

К рассмотрению было привлечено слово *тучи*, использованное К. Д. Бальмонтом в поэтических произведениях в разных значениях и разных грамматических формах более 150 раз, так оно встречается в разных падежных формах и в формах единственного, и в формах множественного числа. В большинстве своем слово употреблено как стилистически нейтральное. Поэт употреблял слово в прямом и производном значениях, а также в составе метафор и сравнений. Помимо слова *туча* находим у поэта и его дериват тучка – ... *тучка – воздушная нега* [Бальмонт 2010, Т.1, с. 169];*белоснежная тучка мелькнет и растает...* [Там же, с. 67]; *светлые тучки кругом завивались...* [Бальмонт 2010, Т. 3, с. 146] и т.п.

Таким образом, форма слова с уменьшительно-ласкательным значением употребляется в соотношении 30/70 от общего количества слов туча – тучи.

Как любое существительное слово *туча (тучи)* может вступать в синтагматические связи с глаголами, существительными и прилагательными.

Любое изменение, происходящее с тучами, Бальмонт стремится запечатлеть в слове. В обиходной картине мира тучи, в отличие от облаков, являются вестниками не-настья. Внимательный взор поэта останавливается на каждой детали грозы как природного явления. Любая гроза начинается с появления туч на небе, их расположения. В общезыковых метафорах тучи сохраняют свои физические особенности, присущие им как метеорологическому явлению.

Например, для описания расположения/нахождения туч на небе поэт использует глагол *стелиться*: ... *И бес-сменно и уныло / Тучи стелются грядой...* [Бальмонт 2010, Т. 1, с. 115].

Для описания цвета туч используется глагол почернели: ... *И закат померкнул. Тучи почернели...* [Там же, с. 72]. Когда тучи закрывают небесные светила, затягивают небосвод, поэт метафорически обозначает это словом *траур*: ... *порой траур ткнут им* (Солнцу и Луне) *тучи...* [Бальмонт 2010, Т. 3, с. 145]. Не только цвет и звук становится предвестником грозы: ... *И тучи зыбкие, на небе голубом, / С змеистой молнией рождают гул и гром...* [Бальмонт 2010, Т. 1, с. 238]; ... *Небо затмилось / Солнце укрылось, / В туче стал гром грохотать* [Бальмонт 2010, Т. 2, с. 236]. Гроза обязательно включает и свет молнии: ... *И туча протянется, с молнией, с громом...* [Там же, с. 420].

Таким образом, вслед за Бальмонтом можно наблюдать полную картину грозы: появление туч на небе, их столкновение, грохот и шум, блеск молний.

Но тучи на небе не только предвестники гроз. У них своя красивая и разнообразная жизнь, которую видит человек, взирающий на небеса. В тучах отражаются лучи солнца и всполохи молний, поэтому тучи могут *гореть и блестеть*: ... *Потом Июль был. Горели тучи...* [Бальмонт 2010, Т. 4, с. 32]; ... *А в небесах, в провалах пустоты, / Светло горят закатным блеском тучи...;* ... *Но тучи торжествующе горят...* [Бальмонт 2010, Т. 1, с. 436]; ... *Чуть тучка, блестя, пред Луной / В высьте промелькнет...* [Бальмонт 2010, Т. 4, с. 238]. Тучи быстро меняют свой цвет: при появлении они черные, при блеске молнии они становятся красными – *рдеют*: ... *Все звонче смех певучий, / Пожаром рдеют тучи...* [Бальмонт 2010, Т. 2, с. 311].

чи... [Бальмонт 2010, Т. 2, с. 311].

Слово *тучи* у К. Д. Бальмонта часто употребляется в прямом номинативном значении. Но глаголы, которые связаны с ним, обычно употребляются переносно. Индивидуально-авторские глагольные метафоры выполняют тропеическую функцию и включаются в олицетворение. Тучи очеловечиваются. Они говорят ... *Со мною беседуют Гении Света, / Прозрачные тучки со мной говорят...* [Бальмонт 2010, Т. 1, с. 145]; *отвечают: ... На думы тайные мне тучки отвечали...* [Там же, с. 90]; *спорят: ... Как свод Небес угрюм, / Как бьются тучи, споря!* ... [Там же, с. 74]; *лгут: ... И лгали нам ветры и тучи, / Смеялись извивы волны...* [Там же, с. 84]; *внимательно слушают: ... И ветру звенящему внемлют / Лишь звезды, да тучи, да лед...* [Там же, с. 186]; *дышат ... И тучка, - воздушная нега - / Чуть дышит в улыбке волны...* [Там же, с. 169]; *смотрят: ... И тучка, - воздушная нега - / Воздушной нагорного снега, / На воды глядит с вышины...* [Там же], *ходят: ... О, глубоко видит око! О, высоко ходят тучи!*... [Бальмонт 2010, Т. 3, с. 122].

У Бальмонта тучи, таким образом, совершенно живые существа, абсолютно подобные людям.

В поэтической картине мира Бальмонта жизнь на небе не просто есть, объекты ведут себя активно, и тучи – не исключение, соединяясь друг с другом, образуя огромную темную массу, ... *тучки на ночь строят стан...* [Бальмонт 2009, с. 38], для продолжения пути тучам необходим отдых, а потому они ночью, закрывая собой мир, охраняют его, оберегают: ... *тучи, что встали дозором...* [Бальмонт 2010, Т. 1, с. 351]. Подобно человеку, тучи могут быть в разном настроении, как в радостном: ... *Резвятся в небе тучки...* [Бальмонт 2010, Т. 5, с. 55], так и в печальном: ... *Трепетание звезд, их мерцанье стоокое, / Догорающих тучек немая печаль...* [Бальмонт 2010, Т. 1, с. 58].

Слово *тучи* нередко используется Бальмонтом в составе сравнений и метафор. Сравниваются тучи, как и большинство метеорологических явлений, с предметами природного мира.

Во-первых, в основу сравнения ложатся размеры туч:

... *Тучи как горы...* [Бальмонт 2010, Т. 2, с. 186]; а также их кажущаяся плотность: ... *стены сомкнувшихся гор, / Что зовутся меж смертными тучи...* [Там же, с. 429]. Постоянно увеличивающийся объем туч подобен разрастающемуся лесу или городам: ... *Луна была сокрыта в дымных тучах, / Возросших как леса и города...* [Бальмонт 2010, Т. 1, с. 470].

Во-вторых, сами облака становятся эталоном сравнения для других явлений: ... *Милый друг, это чувство нахлынуло тучей, / Я бороться не мог, я тебя полюбил...* [Там же, с. 96]; ... *Ее душа... / Шатается, качается, как туча...* [Там же, с. 247]; ... *Есть души в мире - те же тучи, / Для них земля - как сон, как твердь; / Они спокойны и могучи, / Даруют жизнь, даруют смерть...* [Там же, с. 167]. Состояние души передают и такие строки: ... *У вас в душе [у осужденных] свинцом нависли тучи...* [Там же, с. 479]. С безмятежностью туч сравнивается одно из внутренних состояний человека – нежность: ... *Твоя застенчивая нежность - / В земле сокрытый водопад, / В ней страсти дремлющей безбрежность. / Твоя застенчивая нежность - / Растущей тучи безмятежность, / Цветов немятых аромат...* [Там же, с. 88]. Таким образом, можно говорить о том, что тучи – эталон сравнений для описания очень разных понятий, обладающих множественными характеристиками: *душа, любовь, нежность.*

Не обходит вниманием Бальмонт предметно-вещный мир, включая его в сравнения с тучами: ... *Им молнии - стрелки, и тучи им - гири...* [Бальмонт 2010, Т. 4, с. 405], где тучи актуализируют семы 'груз', 'тяжесть'. Образ туч использован для описания часов – предмета, исчисляющего время, которое, в свою очередь, не имеет конкретных рамок и границ, которое по своей сути бесконечно. Вероятно поэтому, *туча* у Бальмонта развивает значение времени и в других произведениях, когда она ассоциируется с временем человеческой жизни: *Восходила от Востока туча сильная, гремячая, / Туча грозная, великая, как жизнь людская - длинная...* [Бальмонт 2010, Т. 2, с. 352] или просто с временем: ... *Столетия прошли, и растянулись тучей...* [Там же, с. 380].

Как высокоинтеллектуальный поэт К. Д. Бальмонт реализует в стихах разнородные познания. Поэтому тучи у него это и *воздушная нега, - / Воздушной нагорного снега, / На воды глядит с вышины; / Охвачена жизнью двойною...* [Бальмонт 2010, Т. 1, с. 170], это и узоры водных размышлений [Бальмонт 2010, Т. 3, с. 165]. Единство стихий – воды, воздуха, земли – один из ключевых моментов творчества автора. Образ тучи позволяет связать все стихии воедино.

Для Бальмонта мир не имеет границ, самые неприметные детали не ускользают от поэтического глаза. Так абстрактный объект – сумрачные области – получает сравнение с тучей: (Сумрачные области) *Вы растете медленно, но как глыбы туч / Ваш провал безмолвия страшен и могуч...* [Бальмонт 2010, Т. 1, с. 235]; другой абстрактный объект – отсветы – также сравнивается с тучами: (Отсветы) *Мы - белые тучки чуть видные, бахромы разорвавшихся гроз...* [Бальмонт 2010, Т. 2, с.

291]. В строках ... (Пророк) *Грозной тучей возгремел, / К нам сошел как голубь бел...* [Бальмонт 2010, Т. 3, с. 84] создается образ Мессии, предсказания которого предостерегают. Из туч возникают здания, символизирующие Бога: ... *Воздух и Свет создают панорамы, / Замки из туч, минареты и храмы...* [Бальмонт 2010, Т. 2, с. 206]; *О, храм из белых облаков, / Из темных туч, и тучек рдяных...* [Бальмонт 2010, Т. 3, с. 216]. В сочетаниях лексемы *туча* с другими лексемами виден религиозный мотив.

Имена существительные, управляющие словом *туча* (*тучи*), различаются своей лексико-грамматической отнесенностью. Это абстрактные существительные, содержащие семы 'высота': ... *Над ней альбатрос длиннокрылый, покинув / возвышенность туч...* [Бальмонт 2010, Т. 1, с. 212]; 'безграничность': ... *И утро превратилось в моря без берегов, / Моря плавучих тучек, ветвей, кустов, цветов...* [Там же, с. 387]; 'бездонность': ... *Но опять зажжется свет в бездне новых туч, / И, быть может, замолчит на мгновение...* [Там же, с. 357]. Сочетание *бездна тучек* встречается при описании облаков – *бездна облаков*, значение этого слова было рассмотрено нами при описании облаков. Тучи, как и облака, – это объекты, не имеющие границ.

Вещественные и конкретно-предметные существительные, сочетаясь со словом *тучи* (*тучки*), актуализируют семы 'форма', 'вид': ... *Цветные хлопья тучек млеют, тая...* [Бальмонт 2010, Т. 5, с. 62]; ... *Разорванность, плавучесть тучки...* [Бальмонт 1969, с. 389]. А вот существительное *хризолит*, управляющее существительным *тучка*, актуализирует сему 'цвет': ... *Я вижу в реке, как той тучки / Скользнет хризолит...* [Бальмонт 2010, Т. 4, с. 388]. Причем, *хризолит* – камень, имеющий разные цвета желто-зеленого спектра. К. Бальмонт не конкретизирует цвет хризолита, увиденный им в туче, а словно бы отсылает читателя к собственному опыту и к личным познаниям. Но, думается, что для самого поэта более существенным оказывается не цвет, а звук, создаваемый аллитерациями [л'] и [з].

Выделяется круг существительных, содержащих сему 'монолит' и управляющих словом *тучи* (*туча*): ... *Мы чувствуем тебя в реке полных звезд, / И в глыбах темных туч, разорванных грозою...* [Бальмонт 2010, Т. 1, с. 10]; ... *Духи прорвали огромности туч...* [Бальмонт 2010, Т. 3, с. 466] – окказиональное слово *огромности* с производным суффиксом –ость усиливает впечатление о массивности туч, туча становится элементом абстрактного. Выделяются существительные с семой 'множество': *череда, звенья*: ... *Замки, башни, и над ними / Легких тучек череда...* [Бальмонт 2010, Т. 1, с. 263]; ... *Змей! / Обвивающий звеньями рвущейся ту-*

чи... [Бальмонт 2010, Т. 3, с. 245].

В основе таких лексико-семантических связей слова тучи лежит зрительный образ небесного пространства.

Особое место занимает и круг существительных с семой 'мрак': ... *Но от мрака разгневанных туч / Затуманились хмурые горы...* [Бальмонт 2010, Т. 1, с. 172]; ... *Что нас ведет к немеркнущему Дню, / Струить дожди, порвавши сумрак тучи...* [Бальмонт 2010, Т. 2, с. 12].

Рассмотрим сочетаемость слова туча/тучи с именами прилагательными. Прилагательные-определения при слове туча тучи у К. Д. Бальмонта очень разнообразны.

Богаче всего представлена цветовая палитра туч. Поэт видит их *темными (... Прорезав тучу, темную...), черными и серыми, даже свинцовыми, дымными (... Луна была сокрыта в дымных тучах...* [Бальмонт 2010, Т. 1, с. 470].

Выше мы говорили о том, что у Бальмонта тучи могут быть и белыми (*белые тучки*), и белоснежными (*белоснежная тучка мелькнет и растает...* [Там же, с. 67]). На наш взгляд, здесь налицо интертекстуальная связь со знаменитым стихотворением Лермонтова (*Тучки небесные - вечные странники*). Используя цветовые эпитеты, Бальмонт создает точный и красивый образ туч и тучек: они *лиловые, огненные, серебристые, светлые, рдяные, седые, бледнеющие*.

Бальмонт фиксирует в описании размер и форму туч (*огромные, великие, маленькие, длинные, безмерные, возросшие, вздутые, обрывные, полуразорванные, разорванные.*); их воображаемый вес (*легкие, невесомые, зыбкие, паутинные, воздушные (... И тучка, - воздушная нега...* [Бальмонт 2010, Т. 1, с. 169]), *тяжелые (... В высоте, на небесные кручи, / Поднима-*

лись тяжелые тучи... [Там же, с. 373], *тройные*); прозрачность (*мутные, прозрачные, чуть видные, туманные*); положение в пространстве и движение (*вышние, небесные нависнувшие, бегущие, плавучие, недвижные, рвущиеся; дальние, высокие*); представляемую температуру и тактильные ощущения (*влажные, холодные*); мощь (*могучие, сильные*); время появления и исчезновения (*растущая, тающая, догорающая; вечерние, предутренние; мартовские*); звучание, исходящее от туч (*гремучие, тихие, громовые*).

Эпитеты-прилагательные становятся важным средством в описании образа туч. Речь идет об активно используемом Бальмонтом приеме наделять тучи психоэмоциональными качествами, присущими человеку. Такие эпитеты мы считаем индивидуально-авторскими. Назовем свойства человека, найденные в характеристиках туч. Они могут иметь настроение (*разгневанная, грозная*), ведут себя подобно человеку (*чувствующие*), их внутреннее состояние может меняться (*одинокие, безжизненные*).

Таким образом, с одной стороны, прилагательные-эпитеты позволяют характеризовать тучи как физическое явление мира природы, а с другой стороны, они уподобляют тучи миру человека.

Слово *тучи*, таким образом, является важным для понимания мироощущения К. Д. Бальмонта, для наблюдений за его образной системой, для исследования изменений его творческого метода. Главное же заключается в том, что это слово соответствует тем признакам художественного концепта, о котором говорил современник поэта – С. А. Аскольдов-Алексеев.

С нашей точки зрения, *радуга* – один из важных художественных концептов в концептосфере К. Д. Бальмонта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальмонт, К.Д. Мое-ей. Россия. Стихи 1923 / К.Д. Бальмонт / Публикация, вступ. Статья Н.А. Молчановой. Издатель Епишева О.В. – Иваново, 2009. – 80 с.
2. Бальмонт, К.Д. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1–5 / К.Д. Бальмонт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010
3. Бальмонт, К. Д. Стихотворения. / К.Д. Бальмонт. – Л.: Советский писатель, 1969. – 710с.
4. Марьева М. В. Книга К. Д. Бальмонта "Будем как Солнце": Эклектика, ставшая гармонией / Послесловие Т. С. Петровой. Иваново: Издатель Епишева О. В., 2008, с. 266 – 267.

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНОСТИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ С ПОМОЩЬЮ ФОТОГРАФИЙ

UPDATE CATEGORIES INTERPERSONAL IN POPULAR-SCIENCE TEXTS WITH PHOTOS

N. Hristoforova

Annotation

Popular scientific texts are oriented at close contact presentation – they represent an inner talk between author and reader. This article deals with investigation of realization of language category interpersonality through photos in popular scientific texts. The research is based on German–language texts.

Keywords: interpersonality, popular scientific text, photo.

Христофорова Наталья Игоревна
Московский авиационный институт,
каф. И–05 "Иностранные языки",
факультета иностранных языков

Аннотация

Научно–популярные тексты ориентированы на высокую контактность изложения – они являются внутренним диалогом между автором и читателем. Настоящая статья посвящена рассмотрению реализации в научно–популярном тексте языковой категории интерперсональности с помощью фотографий. Исследование выполнено на материале немецкоязычных текстов.

Ключевые слова:

Интерперсональность, научно–популярный текст, фотография.

Категория интерперсональности или "аспект межличностных отношений" – "составная часть общего аспекта отношений как интерпретирующего аспекта в коммуникации, нацеленная на отображение, формирование межличностного взаимодействия, оказание влияния на ход социально–психологического взаимодействия, охватывающая коммуникативно уместные (релевантные), условно (конвенционально) регулируемые проявления внутренних состояний коммуникантов, выражающиеся в интеракциональных стереотипах" [1]. Категория интерперсональности даёт возможность получить информацию о внутреннем мире коммуникантов, их картине мира, системе идеалов, ценностных ориентациях и о способности коммуникантов к взаимодействию.

Целью использования в научно–популярных текстах большого числа фотографий является не только полное представление предмета рассмотрения, но и "приближение" его к читателю, пробуждение у него доверия, интереса и их увеличение в процессе чтения и рассматривания иллюстраций. Читатель получает возможность "непосредственного" общения с героями текстов, у него формируется предложенная автором связь между вербальным содержанием текста и его героями. Большую роль в формировании этой связи играют подписи под фотографиями исследователей в форме цитат, например:

"Biosphere"–Betriebsleiter Zabel: "Warum machen wir

das eigentlich?" [6]

В текстах–интервью возможно присутствие различных видов контакта интервьюируемого лица с читателем – в одном и том же тексте возможны как приближённый, так и нейтральный контакты. Например, в интервью с исследователем фирмы IBM о результатах его исследования – "Wir haben eine Barriere durchbrochen" [12] присутствует фотография исследователя, дающего интервью, однако этот исследователь изображён за работой – тип контакта приближённый. Созданию эффекта приближения способствует и цитата под фотографией исследователя, расположенная перед текстом интервью:

IBM–Forscher Muller (M.) beim SPIEGEL–Gesprach: "Wir waren selbst erstaunt, alles hat sich drauf geworfen"

В тексте используется фотография физика, занимавшегося проблемой, смежной описываемой – нейтральный тип контакта и, одновременно, момент ретроспекции ("описываемые исследования проведены на основе данных, полученных этим учёным"). О таком виде контакта свидетельствует и подпись под фотографией – она является не цитатой, а кратким пояснением:

Physiker Kamerlingh Onnes. Freier Stromfluss bei Weltraum–Kälte

В интервью "Die Leute lernen nicht" [4] используются фотографии, создающие эффект непосредственного контакта читателя и писателя-фантаста, уютно расположившегося на диване рядом с мягкими игрушками, пёстрыми подушками и чашкой кофе (приглашение читателя к "домашней" откровенной беседе с хорошим знакомым) и фотография компьютерного центра с подписью:

"Digital Village"- Buro in London: "Vier Funftel der Glasfasernetze sind ungenutzt".

Читатель как бы оказывается в изображённой на фотографии комнате, прямо за спиной у одного из работников центра. Это – пример создания так называемого виртуального пространства, знакомого тем, кто увлекается компьютерными играми: также, как и в игре, все действующие лица (писатель, журналист, читатель, работники компьютерного центра) оказываются в одном общем "месте действия". У читателя создаётся не только "эффект присутствия", но и впечатление того, что он – непосредственный участник описываемых событий, что позволяет говорить о тесном контакте читателя с героем интервью.

Фотографии людей, публикуемые в научно-популярных текстах, в основном являются изображениями исследователей за работой. Такие фотографии относятся к приближенному типу контакта читателя и героя текста, способствуют созданию эффекта непосредственного общения, как и подписи, являющиеся цитатами или экспрессивными предложениями, например:

Entdecker: Alexander Riedel vom Staatlichen Museum fur Naturkunde in Karlsruhe hat acht bislang unbekannte Kaferarten auf Bali entdeckt. [2]

В научно-популярных текстах встречаются фотографии исследователей, более ориентированные на собеседника: на них взгляд исследователя устремлён на зрителя, его жест является вспомогательным средством при объяснении. Встречаются изображения исследователей в момент объяснения им сути своих исследований [3] и изображения исследователей с объектом исследования [11]. Некоторые фотографии идентифицируются как фотографии учёных только на основе подписи под ними, например, то, что на фотографии изображён член научного сообщества, становится понятным лишь из подписи под снимком:

Thomas Sudhof ist der erste Fellow der Stiftung Charite in Berlin: "Ich mochte forschen so lang ich kann" [5]

Nobelpreistrager fur Chemie 2013: Martin Karplus am Telefon [7]

Таким образом, расстояние между читателем и героем текста психологически сокращается: между ними возникает "диалог". Создаётся впечатление, что читателя информирует именно герой текста, а не журналист – посредник при этом общении.

Следует особо выделить тексты, помещаемые в журнале "Bild der Wissenschaft" под рубрикой "Das Portrait", в которых с помощью неоднократного использования фотографий героев текстов создаётся эффект непосредственного контакта между ними и читателями.

Так, например, в тексте этой рубрики, посвящённой юбилею деятельности учёного-генетика "Ernst-Ludwig Winnacker. Der Vermittler" [9] используются три чёрно-белые фотографии юбиляра разного размера. Она из них занимает целую журнальную страницу, определяя момент знакомства учёного и читателя. Читатель "сталкивается" с героем текста в его лаборатории, когда вечно занятый исследователь, руководитель института, преподаватель и политический деятель только что собрался куда-то и ещё не успел снять белый халат. Это случайное, "знакомство" позволяет читателю рассматривать лицо собеседника дольше и внимательнее, чем если бы на фотографии был изображён герой текста в полный рост, что, несомненно, не позволило бы читателю рассмотреть его лицо во всех подробностях, и составить своё мнение о внешнем виде и о некоторых чертах характера этого человека – первое, что замечает читатель, внимательный взгляд исследователя. Герой текста как бы говорит: "Я очень занят, но постараюсь быть вам полезным", чем вызывает интерес и симпатию читателя.

Фотографии меньшего размера используются для создания эффекта увеличения расстояния между читателем и героем текста – после общения с читателем его "собеседник" тут же продолжает свою обширную деятельность, и читатель как бы видит его с другого конца большого зала или кабинета. Как воспоминание о встрече с этим необычным человеком читателю остаётся фотография его книги: "хотите узнать больше – прочтите эту книгу".

Нейтральный вид интерперсональных отношений между читателем и автором текста наблюдается в рубрике научно-популярного журнала "Bild der Wissenschaft" "Namen", где помещаются краткие сообщения о последних открытиях во всех областях науки и техники. Здесь используются только небольшие чёрно-белые фотографии авторов описываемых открытий. Авторы таких сообщений как бы являются посредниками при деловой встрече: "позвольте представить, ..., автор..." [8].

Возможность возникновения внутреннего диалога героев фотографий с читателем исключается – изображе-

ния напоминают фотографии на документах и не располагают к установлению контакта и началу беседы. Эти фотографии являются документальными свидетельствами существования автора описываемого открытия или изобретения.

Фотографии исследователей являются в научно-популярных текстах в основном чёрно-белыми – для автора и читателя важно подтверждение факта существования исследователя, цветовое оформление в данной ситуации неважно.

Журнал "Bild der Wissenschaft" является уникальным изданием с точки зрения реализации категории интерперсональности в немецкоязычном научно-популярном тексте с помощью фотографий – только в этом научно-популярном издании публикуются фотографии и исследователей, и журналистов – авторов статей.

В электронном же варианте журнала "Der Spiegel" "Der Spiegel online" на первой странице рубрики

"Wissenschaft" помещаются фотографии редакторов разделов рубрики с кратким представлением и пояснением, какой раздел рубрики они ведут ("Numerator", "Graf Seismo", "Knochensplitter").

В обоих случаях это всегда цветные фотографии небольшого размера, помещаемые обычно в конце статей.

Такие цветные фотографии создают эффект присутствия автора – посредника между читателем и исследователем, что способствует повышению доверия к изложенной информации – "это он передал вам эти сведения, он несёт за это ответственность".

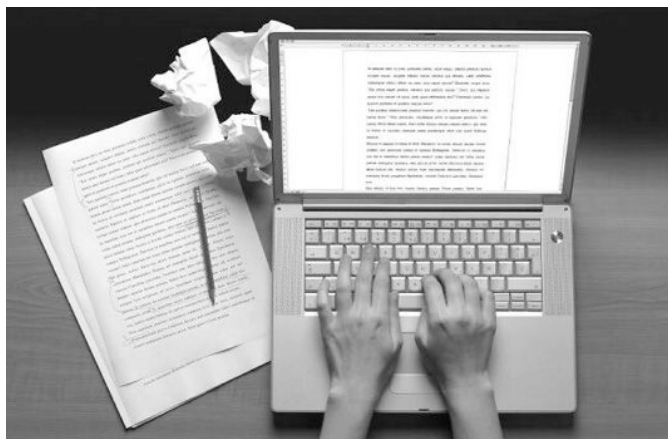
Таким образом, в зависимости от издания проявление через фотографии межличностных отношений автора научно-популярного текста и его читателя может иметь единичные случаи выражения в текстах небольшого объёма (1 – 2 страницы) и играть важную роль в тексте с проявлениями в его словесной, и несловесной составляющих (текстах объёмом от 3 страниц).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мытарева Н.В. Лингвистический аспект репрезентации межличностных отношений в дискурсе массовой коммуникации. Дис. к.ф.н., М., 1995, с. 17
2. Bali:Biologen entdecken acht neue Kaferarten. Der Spiegel. 2014. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.spiegel.de/fotostrecke/neue-kafer-art-faszinierende-winzlinge-aus-bali-fotostrecke-112395-2.html> (дата обращения: 19.03.2014 г.)
3. Dambeck, Holger. Hobby-Mathematiker:Genialer Beweis, nur leider falsch. Der Spiegel. 2013. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.spiegel.de/fotostrecke/mathematik-geniale-denker-fotostrecke-103946-6.html> (дата обращения: 21.03.2014 г.)
4. Die Leute lernen nicht. Der Spiegel. 1997. № 32, с. 139–141
5. Kuhr, Nicola. Thomas Sudhof: Nobelpreisträger kommt zurück nach Deutschland – in Teilzeit. Der Spiegel. 2014. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.spiegel.de/wissenschaft/medizin/thomas-suedhof-nobelpreistraeger-forscht-an-charite-a-955864.html> (дата обращения: 27.02.2014 г.)
6. Nicht totzukriegen. Der Spiegel. 1996. № 22, с. 184–187
7. Nobelpreisträger schwer erreichbar: "Was habe ich gewonnen?". Der Spiegel. 2013. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.spiegel.de/wissenschaft/mensch/bild-927433-555479.html> (дата обращения: 19.02.2014 г.)
8. Nutzliche Germanisten I. Nutzliche Germanisten II. Bild der Wissenschaft. 1998. № 9, с. 19
9. Sartorius, Peter. "Ernst-Ludwig Winnacker. Der Vermittler". Bild der Wissenschaft. 1998. № 1, с. 39–42
10. Sieg der Rebellen. Der Spiegel. 1994. № 44, с. 260–262
11. Skurrile Insekten-Tarnung:Ich bin nicht da. Der Spiegel. 2014. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.spiegel.de/fotostrecke/insekten-tarnen-sich-schon-in-der-kreidezeit-als-blaetter-und-stoecke-fotostrecke-112471-9.html> (дата обращения: 20.03.2014 г.)
12. Wir haben eine Barriere durchbrochen. Der Spiegel. 1987. № 22, с. 230–239

© Н.И. Христофорова, (n_khristoforova@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Cherneva I. – Melitopol State Pedagogical University named after Bogdan Khmelnytsky, Melitopol, Ukraine
e-mail : chernevainna@rambler.ru

Farhutdinova F. – Department of practical Rus language, state University of Ivanovo, Doctor of philological Science, professor
e-mail : fenfar@mail.ru

Fedin A. – Ruzaevka state engineering institute (subdivision) Ogarev Mordovia State University
e-mail : alexfedi@yandex.ru

Gaponova Y. – K.filol.n., Associate Professor, The Baltic Federal University. Kant, Kaliningrad
e-mail : yulyapost@mail.ru

Golovina O. – Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs, Dnipropetrovsk, Ukraine
e-mail : o.v.golovina@gmail.com

Golubkina T. – Candidate of historical sciences, VPO "Vladimir State University"
e-mail : golubkina@vtsnet.ru

Guz N. – Ph.D., Associate Professor Melitopol State Pedagogical University named after Bogdan Khmelnytsky, Melitopol, Ukraine
e-mail : nata.org@mail.ru

Guz V. – Ph.D., Associate Professor Melitopol State Pedagogical University named after Bogdan Khmelnytsky, Melitopol, Ukraine
e-mail : vv.org@mail.ru

Hristoforova N. – Moscow Aviation Institute, Department of I-05 "Foreign languages", Faculty of Foreign Languages
e-mail : n_khristoforova@mail.ru

Hulay O. – Candidate of engineering, associate professor Lutsk national technical university
e-mail : hulay@i.ua

Kabylnik L. – K.psihol.n., Associate Professor, Melitopol State Pedagogical University named after Bogdan Khmelnytsky, Melitopol, Ukraine
e-mail : liliya.kabylnik@bk.ru

Kazakovtseva E. – Education and methodology specialist of "History, Archeology and Study of Local Lore" chair Vladimir state university of. A. G. and N. G. Stoletov
e-mail : Zhenya_fly@mail.ru

Kipryanova N. – Ist.n. K., Associate Professor of Department. history, archeology and local history Vladimir State University
e-mail : natvlad50@mail.ru

Kirillova L. – Senior lecturer of the chair of the "History, Archeology and Study of Local Lore" chairs Vladimir state university of. A. G. and N. G. Stoletov
e-mail : L_kalina_vlad@mail.ru

Levitskaya I. – Candidate of pedagogical sciences, Head. Univ. social and humanitarian disciplines branch Kuzbass State Technical University. TF Gorbachev Mejdurechensk
e-mail : irena.levit@yandex.ru

Malgin V. – Capital finance and humanitarian academy, Moscow
e-mail : valmalgin@mail.ru

Myagtina N. – Senior lecturer of the chair of the Museum studying and history of culture, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov
e-mail : kafedramz@mail.ru

Omeliyanchuk I. – Doctor of Historical Sciences, Professor of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov
e-mail : Omeliyanchuk@mail.ru

Sokolova L. – MAEI Grammar school №1 "Universe" of Krasnoyarsk, teacher of Russian language
e-mail : flightdream@mail.ru

Tikhonov A. – Doctor of history, Chair of professorship "History, archaeology and local history" Humane institute Vladimir state university
e-mail : ros@TiKhonov.elcom.ru

Tkachenko L. – Candidate of pedagogical sciences, Cherkasy State Technological University
e-mail : lidia.tkachenko@gmail.com

Varina A. – Melitopol State Pedagogical University named after Bogdan Khmelnytsky, Melitopol, Ukraine
e-mail : anyaberdnik@rambler.ru

20^{лет} ЭКВАТЭК
ЭКВАТЭК
ЕСWATECH 2014

3-6 июня 2014

Россия, Москва
МВЦ "Крокус Экспо"

Водный форум № 1

в России, СНГ

и Восточной Европе

Посетите

www.ecwatech.ru

для регистрации
и актуальной информации

Читайте наши новости в Твиттере

и Facebook

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh-journal.ru).